

Ася
ИСАЙ

Изымена
В ПОДАРОК

Ася Исай

Измена в подарок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70506349

SelfPub; 2024

Аннотация

Я никогда не мечтала отмечать свой тридцатый день рождения, сидя на полу полуразрушенного дома в компании несвежего пирожного. Я всего лишь хотела сделать праздничный сюрприз мужу, но длинноногая блондинка, сидящая у него на коленях, оказалась “подарком” для меня. Пять лет брака пошли прахом, и теперь я вынуждена строить свою жизнь заново. И не только свою. Кажется, я беременна.

Содержание

Подарок	6
2. Первое и последнее свидание	10
3. Снег	15
4. Ураган с косичками	20
5. Домой	24
6. Замок из стекла	28
7. Конец	33
8. Долгожданная встреча	37
9. Акварельный рассвет	42
10. Холодное утро	47
11. Strangers in the Night	50
12. Искры шампанского	55
13. Поиграем?	59
14. А вы..?	63
15. Да пошло оно всё к чёрту!	68
16. На краю пропасти	72
17. Близкие люди	75
18. Добро пожаловать в реальность	80
19. День рождения	83
20. В темноте	86
21. Кружится	89
22. Неожиданный подарок	93
23. Красная роза – эмблема любви?	96

24. Всё в порядке	99
25. Вместе с ветром	105
26. Поцелуй и не только	110
27. Делай мне больно	117
28. Марк	125
29. Точно доброе?	130
30. Она	137
31. Виновата всегда я	141
32. Всё забудется	147
33. Ночные разговоры	155
34. Пьяная вишня	163
35. В лунном свете	169
36. Плюшевый мишка	178
37. Разведи огонь	184
38. Марк	190
39. Марк	197
40. Убежать	205
41. Снова и снова	209
42. Начнём сначала	213
43. Встретиться с будущим	221
44. Всё решено за меня	227
45. Тишина	231
46. Почему я?	235
47. Солнце в волосах	241
48. Стриптизёры и другие неловкости	249
49. Розовый зефир	257

50. Перед бурей	263
51. Идеально алый	268
52. Чёрные как ночь глаза	272
53. Костя	278
54. Их двое	286
55. Долгая дорога...	292
56. ...в никуда	298
57. Фейерверки	306
58. Марк	310
59. Сильнее	318
60. Подарок	327
61. О любви	334
Эпилог	341

Ася Исай

Измена в подарок

Подарок

Чего можно ждать от вечера четырнадцатого февраля, если ты счастливо замужем?

Букеты сочных тюльпанов, нежные признания в любви, подарки в шуршащих упаковках, ужин при свечах? Я, кажется, немного опоздала к последнему, и десерт подали без меня.

Она сидит верхом на моём муже. В бесстыдно задранной алой юбке.

Её губы в тон пачкают его щёки.

Её ногти в тон подцепляют пуговицы на его рубашке.

Её бельё в тон расстегивают его пальцы, также ласково любившие меня сегодня утром.

Я не могу пошевелиться. Всё происходящее кажется нереальным. Густой запах ароматических свечей и сладкого шампанского, разлитого по ковру, кружит голову. Сердце бьётся быстрее, руки сжимаются в кулаки, комкая полы пальто.

Этого же не может быть, чтобы мой, мой Костя, един-

ственный мужчина, которому я безоговорочно верила и доверяла, мне изменил.

Мы встретились, когда я училась на последнем курсе университета. Он пришёл читать лекции по арбитражному процессу и набирать практикантов в свою контору. Парни ему завидовали, но уважали, а вот девчонки откровенно пускали слюни и мечтали заполучить красавчика в единоличное владение.

Высокий, с короткими тёмными волосами и невероятно притягательной улыбкой. Когда он во время лекции снимал пиджак и закатывал рукава рубашки до локтя, по аудитории прокатывалось эхо восторженных вздохов.

А я... Я каждый раз, встречаясь с ним взглядом, тонула в черноте его глаз всё глубже. А он без слов обещал мне так много, что становилось невыносимо жарко.

Мы очень долго и упорно играли в гляделки, изображая приличных учителя и студентку. Но стоило случайно столкнуться в пустой аудитории, как сорвало все предохранители к чертям. Искусанные губы, частое дыхание и никаких лишних слов. За дверью гремела вечеринка по случаю дня всех влюблённых, скрывая нашу страсть от посторонних.

Через год в этот же день мы поженились, а в сегодняшней День святого Валентина должны были отмечать пятую годовщину свадьбы.

Он по телефону долго-долго извинялся за то, что мы впервые в этот день будем не вместе. Попросил не ждать, ложиться спать, обещал приехать и нежно-нежно извиняться.

Я не могла его оставить одного скучать в офисе. Не в этот вечер. Была уверена, что если приеду, то он найдёт для меня полчаса, может и час. Смотря как подействует аргумент в виде ужасно развратного белья, состоящего из одних только кружев и цепочек. Накинула сверху пальто, прихватила любимые капкейки Кости, заказанные по случаю, и выпорхнула из дома.

Кто же мог знать, какой сюрприз мне подготовил любимый муж...

Движения его загорелых рук, по её белой коже завораживают. Пальцы цепляют резинку чулок и тянут вниз по бесконечно красивым ногам. Не хочется разрушать их идиллию. Они так прекрасно выглядят со стороны, что я стою и не могу пошевелиться.

Тело заледенело, как под анестезией, а где-то внутри ворочается жгучая боль. Тонкие цепочки на белье начинают

безжалостно впиваться в кожу.

Мне страшно. Моя жизнь уже сломана, но от падения в бездну отделяет всего один крошечный шагочек. Просто дуновение ветра.

Сладкий стон блондинки электрическим разрядом прошивает моё тело. Пальцы отпускают пальто и тянутся к выключателю на стене. Кабинет тут же заливают яркий свет. Красотка визжит что-то на ультразвуке и прячет лицо у моего мужа на шее. Костя, будто защищая, обнимает и прижимает её ближе к себе. Проморгавшись, он наконец-то замечает меня. На мгновение в его глазах мелькают удивление и шок, но они тут же прячутся за маской ярости.

– Мир-ра? Ты что здесь делаешь?

– Костик, это твоя жена? А почему она голая?

2. Первое и последнее свидание

Басы громкими молоточками бьют чётко в виски. Выпитый коктейль добавляет ещё и головокружение. Липкие взгляды и неумелые подкаты одногруппников отбирают у этой вечеринки последние шансы. Но, похоже, только мне здесь так скучно. Машка не вылезит с танцпола и обжимается уже с третьим кавалером. Когда музыка становится чуть спокойнее, а движения рук подруги – менее опасными, выдёргиваю её из объятий особо наглого типа.

– Машунь, может, поедem уже домой?

– Ну ты чего, Малинка, весело же! Давай ещё полчаса-ка? – пританцовывая, пытается перекричать музыку и корчит жалостливую мордочку миленького котика.

Знаю я эти полчаса. Они обычно длятся от сорока минут до бесконечности. Сдаюсь, только потому что где-то поблизости ходит тот, ради кого я сейчас страдаю от мигрени, а не лежу в тёплой кровати.

– Я пойду в аудиторию зарядить телефон. Через полчаса одна домой поеду, если не угомонишься, – смотрю как можно строже, выражая всю серьёзность своих намерений.

– Договорились! – целует меня в щёку и тут же скрывается в толпе танцующих.

Убегаю к нашей аудитории, чтобы хоть немного побыть в тишине. Нажав на ручку двери, не успеваю понять, что кто-то в этот момент открывает её изнутри. Затормозить я тоже не успеваю и падаю прямым в объятия нашего препода по арбитражу. Так вот где он прятался весь вечер.

Мы замираем, глядя друг другу в глаза. Впервые так близко. Он совсем не спешит отпускать, только прижимает ближе. Тёплый пряный аромат его парфюма согревает, а руки, придерживающие меня за талию, будто сами по себе спускаются к бёдрам.

Притяжение почти осязаемо – наши губы неизбежно встречаются. Жадно, нетерпеливо, задыхаясь от нехватки кислорода и возбуждения.

– Константин Витальевич, а что мы сейчас делаем? – шепчу прямо в губы.

– Целуемся, Жданова, – отвечает он хрипло, спускаясь по целуям все ниже и ниже, и...

– Я Малинина! – резко трезвея, пытаюсь отодвинуться.

– Да, но после того, что я сейчас сделаю, точно придется жениться.

Он задирает подол платья, подхватывает меня под бедра и усаживает на стол. Кожу обжигает холодом. Мы окончательно сходим с ума, забыв обо всем. В его взгляде целый океан тепла, нежности и желания.

До этого он так смотрел только на меня. А теперь все перевернулось с ног на голову и мне достаётся жёсткое:

– Мирра, я спросил, что ты здесь делаешь? – его тон пропитан холодом, а вот на неё он смотрит с нежностью.

Не понимаю, что он от меня хочет.

Мне сложно даже дышать. Срочно нужно вспомнить, как это делается. А пока тело само не справляется, нужно постоянно напоминать о простых действиях.

Вдох-выдох. Блондинка, глядя на меня, кривит в отвращении свои прекрасные губки.

Вдох-выдох. Любимый муж помогает ей вернуть чулки и рубашку на место. Взгляд Кости ласкает её тело. Ему абсолютно плевать, что каждым своим движением он медленно и с наслаждением проворачивает нож у меня в сердце.

Вдох-выдох. За окном, где-то вдалеке, ярко взрываются салюты, окрашивая кабинет совершенно неуместной радостью.

Он, кажется, просил меня что-то сказать, но как, если даже дышать забываю? Перед глазами всё расплывается, ошмётки сердца выдают минимум сто двадцать ударов в минуту. Тело просит только одного. Бежать. Бежать подальше от всего, что делает невыносимо больно.

Злое “Мир-ра!” летит мне в спину, но я уйду не оглядываясь.

Не дожидаясь лифта, по лестнице вниз. Спотыкаясь и падая, но только не останавливаясь. Вести машину в таком состоянии опасно, но сидеть на месте, дожидаясь такси, невыносимо.

Я совершенно потерялась и запуталась. Мне срочно нужно в единственное безопасное место, что у меня осталось.

Есть люди, которые всегда на твоей стороне. К которым можно завалиться без предупреждения даже в час ночи. Которые тебя всегда примут, поймут и поддержат.

Так я думала, пока звонила в дверь лучшей подруги.

3. Снег

Добраться к Машке было сложно.

Слёзы текли из глаз не переставая, тем самым ухудшая видимость. Ко всему прочему начал идти снег, а я, как всегда, на летней. Кто переобувает машину, когда живёшь в регионе, где зима длится всего две недели в году и всегда начинается неожиданно?

Я тащилась на минимальной скорости, но всё равно умудрилась пропустить все нужные повороты и непонятно как оказалась у въезда на парковку нашего университета.

Пройти пешком к Машкиному дому по территории университета было быстрее, чем разворачиваться и ехать в объезд. Припарковав машину, завернулась в тёплый палантин поверх пальто и медленно побрела в нужном направлении.

В тёмной тишине снег падал огромными плюшевыми хлопьями. В свете ночных фонарей, на фоне чёрного неба это было особенно волшебно. Мороз пощипывал и без того мокрые щеки, пробирался своими ледяными пальцами под пальто очень ловко.

В тот наш первый вечер с Костей мы вывалились на улицу,

совсем не ожидая, что на улице будет снег.

Первый в том году.

Мы шли на приличном расстоянии друг от друга, только пока не свернули на аллею, укрытую с двух сторон пушистыми елями. Руки и губы сразу притянулись. На разгоряченной коже снежинки таяли мгновенно, не оставляя и следа.

Было жарко, страстно, вкусно. Сердце радостно стучало в нетерпении и предвкушении чего-то нового и прекрасного.

Сейчас среди этих елей я остро ощущаю пустоту на месте сердца. Прошлое словно испачкано. Разрушены все мосты. Домой уже не вернуться. Не будет больше наших ленивых завтраков по выходным, танцев, нежных поцелуев... Ничего не будет.

Негнуцимся пальцами набираю номер Машкиной квартиры на домофоне. Только на третий звонок динамик отвечает яростным рыком “Кто там?!”.

Встречает подруга меня у лифта, и сон полностью слетает с её мордочки, как только она заканчивает анализ моего внешнего вида.

– Мирочек, что случилось? – затаскивает меня в квартиру

и начинает раздевать.

А я не могу ответить. Не могу произнести это вслух. Просто слёзы снова катятся по лицу. Подруга ловит моё настроение и чувства, начиная не с расспросов, а с действий.

– Боже, да ты ледяная. Давай быстро в ванную греться, – она пытается расстегнуть пальто и замечает мою униформу.

– Ты сегодня полна сюрпризов, – Машка вручает мне тёплую клетчатую пижаму, пушистые носки и заталкивает в ванную.

Включаю воду и усаживаюсь на борт ванной. В зеркале напротив отражается другая девушка. Несколько часов назад она светилась от счастья, ждала прекрасный вечер, а сейчас... Сидит ссутулившись. Разводы туши, опухшие веки, нос и искусанные губы украшают её лицо. Такую, наверно, действительно невозможно любить. Его блондиночка наверно сопле не распускала бы. А просто гордо развернулась бы и ушла после красивой пощёчины. А я размазня. Никак не могу собрать себя в кучу. Сил хватает только снять пальто и наконец-то избавиться от измучившего меня белья. Оно летит прямиком в мусорную корзину.

Вода кажется обжигающе горячей. Тру кожу, пытаюсь от-

мыться от воспоминаний об этом вечере. Но картина, как заговорённая, остаётся перед глазами. Не знаю сколько времени я провожу в ванной со своими мыслями, но дрожь не утихает, даже когда вода остывает. Пора выбираться. Поверх тёплой пижамы накидываю безразмерный халат. Даже в нём не становится теплее.

На кухне меня уже ждут горячий чай и встревоженная подруга.

Разговор начать не получается. Слова застревают комом в горле. Пытаюсь протолкнуть его чаем, но только обжигаю губы. И кажется, если я произнесу хоть звук, снова хлынет поток слёз.

– Мир, ты если не готова, не мучай себя. Давай чаю попьём и под одеяло? Сейчас пятизвёздочную добавку достану, – подруга начинает суетиться, хлопает шкафчиками, а у меня снова всё плывет перед глазами.

– Он мне изменил, – произношу будто заклинание тишины. Машка замирает на середине движения, напрягается и очень медленно поворачивается ко мне

– Я приехала в офис, а он...

– Я знаю.

Когда через несколько недель на линейке попросили встать парами, а на мою руку нацелился очень неприятный, сопливый мальчик, тут же подбежала Маша и гордо заявила:

– Это моя Малинка!

Вот так, за руку, мы и прошагали до этого момента. Было много ссор, скандалов, истерик, но с ней всегда было легко. Даже просто помолчать. Никогда не было лжи и тайн.

Вместе в школе младшей, средней, художественной, музыкальной. Поступили не только в один университет, но и на один факультет. Эйфорию первых влюблённостей и горечь расставаний переживали бок о бок. Мы даже подрабатывать умудрялись, разделяя одну должность на двоих. Но Машка нырнула в мир закона с головой – сейчас она ведущий юрист в компании Кости. А я нашла своё сердце в плетении ловцов снов.

Попробовав однажды, не смогла остановиться. Это совершенно особенная тонкая магия. Сделать не только красиво, но и так, чтобы подходило конкретному человеку. Каким-то чудом мои работы стали популярны. И сейчас очередь расписана до июля. Наверное, придётся сдвигать сроки.

Мама моим увлечением ужасно недовольна. Постоянные: “Когда уже на нормальную работу устроишься”.

“Зачем я за твою учёбу платила”.

“Посмотри на Марию, она, как нормальный человек, в офисе сидит, в красивых рубашках на работу ходит! Элегантная, всегда с маникюром”.

И коронное: “Костенька точно долго твои нитки и перья не выдержит!”

Вот и не выдержал Костенька. Сломался. Что его толкнуло так со мной поступить? Он же как никто другой знал, что это убьёт меня. Он и Машка вот...

Я понимаю, что она могла сомневаться говорить или нет, сама не представляю, что бы делала, окажись в такой ситуации, но как же больно!

– В смысле “знаю”? – каждое произнесённое слово режет горло острыми осколками.

– Я видела их в офисе. Она слишком часто стала заглядывать, а он так жадно смотрел. Особенно странно стало выглядеть, после того как с её делом закончили, – каждая фраза подружки – удар.

– Как давно?

– Я не видела, тольк...

– Как давно ты в курсе? – обрываю её на полуслове, потому что нет сил всё это слушать.

– С ноября.

Минимум три последних месяца двое самых близких людей обманывали меня. Как же мне выжить?

5. Домой

Где-то в глубине души я знала, что она не могла поступить иначе. Не могла преднамеренно причинить мне боль, а значит, были причины молчать.

Как это обычно бывает, чувства перекрывают мысли. Горечь от слов разливается по всему телу и въедается так плотно, что чувствуешь её привкус даже во рту.

В эту квартиру мы поселились, когда приехали поступать в универ. Она была нашим островом свободы и надёжным убежищем. Машка давно её выкупила, сделала ремонт, стены стали другими. Но как забыть наши танцы до упаду на кровати, когда узнали о зачислении? Как сидели под столом с одним ведёрком мороженого на двоих, оплакивая очередную настоящую любовь? Как я, счастливая, что закрыла сессию, решила запрыгнуть на подоконник, немного не рассчитала и стукнулась головой. Старое стекло разбилось, засыпав мелкой крошкой меня и половину кухни. Я боялась пошевелиться, чтобы не порезаться об острые края, а Машка прыгала вокруг меня с пылесосом. У нас потом ещё два месяца окно плёнкой было затянуто, пока копили на замену.

Сейчас здесь установлены пластиковые рамы вместо деревянных, со стен исчезли обои в мелкий голубой цветочек и воцарилась серая стерильность. Это не мой дом, и делать мне тут больше нечего. Но сначала...

– Почему ты так долго молчала? – шепчу из последних сил.

– Я не могла, Малинка. Костя, он... – она прячет глаза и начинает усердно натирать и без того чистую столешницу.

– Что “он”? Уволил бы тебя? Ты об этом так переживала?! – выпаливаю первое, что приходит в голову, и Машка тут же вскидывает на меня глаза, полные слёз.

Она хочет ещё что-то сказать, чем-то оправдаться, но я не могу это слушать. Этот вечер уже достаточно сломал меня.

Хватаю телефон и вызываю такси до точки, где оставила машину. Ещё одной ностальгической прогулки по морозу я не выдержу.

Не обращая внимания на слова подруги, с трудом втискиваю в сапоги ноги в пушистых носках. Ворсинки путаются в молнии и не дают застегнуть замок, язычок постоянно выскользывает из дрожащих пальцев. Содрав кожу и чуть не

вырвав замок с мясом, плюю на всё и выбегаю на улицу, схватив пальто.

Время – третий час ночи. Снег шёл все это время не прекращаясь – намело уже приличные сугробы. Было непривычно светло. Я засмотрелась на то, как медленно и красиво крупные хлопья кружились в свете фонаря. Вокруг такая тишина, что даже рокот мотора такси звучал мурчащим котиком, а шелест колёс и вовсе был скрыт мягким белым ковром.

И что теперь делать? В гостиницу меня без документов не поселят. Можно было попробовать использовать водительские права, но внешний вид у меня чуть лучше, чем у Ивана Бездомного. Точно не пустят.

– Вы уверены, что нам сюда? – таксист прерывает мои мысли. Оказывается, мы уже приехали.

За окном знакомая парковка и одинокая машина, укрытая шапкой снега. Нет, на ней я точно далеко не уеду. Придётся на такси ехать домой. Хотя есть ли у меня теперь вообще дом?..

Вбиваю новый адрес в приложении и через пять минут мы уже на месте.

Квартира встречает меня темнотой и привычными запа-

хами. Вроде бы всё как всегда. Всё на своих местах. Но мир неуловимо изменился и будто мне не по размеру.

Первое, что я замечаю, войдя на кухню, это стойкий запах алкоголя. Мой муж сидит в кресле с бокалом. Всё, что я получаю, – злой взгляд и строгая сухая фраза, будто мы и не знакомы.

– Ну, что? Поговорим Мир-ра?

Когда-то я влюбилась в его голос и эту раскатистую “Р-р-р”, но теперь это только пугает меня до дрожи.

6. Замок из стекла

Говорят, не бывает любви с первого взгляда.

Какая же магия тогда случается между двумя людьми, что их так притягивает друг к другу? Куда она исчезает? Что заставляет изменять?

Его голос околдовывал, а горячий шёпот запускал щеко-чушие мурашки по всему телу и сводил с ума ночами. Весна была всегда с собой в кармане и согревала даже в самые тёмные времена, когда он был рядом. От каждого прикосновения, взгляда что-то нежное пушистым котиком ворочалось в груди.

Сейчас его карие глаза уходили в черноту, ничего доброго мне не обещая. Это был другой человек. Совсем не тот, что заботился, угадывал желания и носил на руках.

Не думала, что он сейчас будет дома. Надеялась на передышку. До дрожи в теле, до сведённых судорогой мышц, до ногтей, впившихся в ладонь, страшно.

– Мир-ра, ты меня слышишь? – отчеканивая каждое слово, говорит он.

Главное – не забывать дышать. Вдох-выдох.

– Слышу, Костя. Но разговаривать сейчас не хочу.

– А когда захочешь? Опять будешь делать вид, что не замечаешь. Откладывать на потом и молчать?

– Нет. Просто пока не готова.

– А будешь когда-нибудь? Или снова подождёшь, пока я всё сам решу?

– Ещё кого-то в нашу постель притащишь?! – я срываюсь, но не проходит и секунды, как жалею о сказанном.

Костя отбрасывает бокал, он со звоном разбивается о кафель, расплёскивая содержимое, наполняет кухню ароматом крепкого алкоголя.

А потом случается то, чего я не ожидала даже от этого, чужого для меня, Кости.

Он оказывается возле меня за секунду, хватая за горло и прищипливает к стене. От страха я замираю и боюсь пошевелиться. Не могу дышать.

Это только в фильмах можно дать отпор мужчине в два

раза больше тебя и выйти победителем. В жизни же лучше не спорить и про себя повторять все известные молитвы.

– А что ты от меня хотела? – он шипит мне прямо в губы. – У тебя же в голове только цацки для хиппи. Вспомни, когда ты последний раз мне время уделяла? Для уборки у тебя помощница, еда из ресторана. Ты ничем не занимаешься целыми днями и при этом на меня времени не находишь!

С последним словом он впечатывает кулак в стену рядом с моей головой. Удовлетворившись эффектом, отпускает меня и отходит в противоположный конец кухни.

Жадно глотаю воздух и растираю горло, а он как ни в чём не бывало продолжает:

– Тебе наши отношения были интересны только до свадьбы. А потом ты обжилась и уселась бусики перебирать. Ну и зачем я должен был домой спешить? Для кого? Тебе же плевать.

Только сейчас равнодушно отмечаю, что он в обуви и так и не снял пальто.

Костя подходит к остаткам бокала и пинает самый крупный осколок так, что он ударяется о дверцу шкафчика, прочерчивая глубокую царапину, и разлетается в крошку. Хрустальные кубики под его ногами с царапающим нервы хру-

СТОМ СТАНОВЯТСЯ ПЫЛЬЮ.

Никак не могу перестать видеть в остатках бокала своё сердце.

– А Линда прекрасная, – продолжает бить меня словами всё сильнее. – Знает, когда нужна поддержка, когда нежность, когда ноги раздвинуть или рот открыть.

Он будто специально выбирает слова, чтобы было больнее.

Слёзы непрерывным потоком катятся по лицу. Голова кружится сильнее, и я хватаюсь за стул, чтобы не упасть.

– Мир, ну не начинай, а. Не нужно унижений. Здесь не кастинг на главную роль. Драмой больше очков не заработаешь, – он говорит и улыбается.

Улыбается удачной шутке.

Падение в ад кажется бесконечным. Не знаю, как ещё стою на ногах и откуда беру силы развернуться и уйти в комнату.

Мне здесь больше нет места. Нужно уйти как можно скорее. Уйти так, чтобы больше никогда не переступить порог этого дома.

Костя не спешит за мной идти. Я стараюсь очень быстро

переодеться, но дрожащие пальцы ломают ритм, и пуговица на джинсах никак не хочет попадать в петлю.

Забрасываю в дорожную сумку минимум самых необходимых вещей. И бегу к рабочему столу собирать инструменты. “Цацки для хиппи”, как их обозвал Костя, всегда стоят упакованными в удобных контейнерах на колёсиках. А вот всё остальное разложено по цветам, размеру и расставлено на стеллаже. Как могу, быстро и аккуратно упаковываю в коробку основы, нитки, перья, ракушки и...

– И что ты делаешь? – звучит за моей спиной.

От испуга я роняю на пол баночку с изумрудным стеклом.

7. Конец

Вокруг меня растеклось изумрудное озеро. Его поверхность переливается от почти прозрачного, кричаще зелёного оттенка до черноты бутылочного стекла. Его волны лизнули пятки, омыли стол, ножки стула и с тихим шорохом закатились под кровать. Его блеск в холодном искусственном освещении ослеплял до слёз.

Рукав свитера уже промок. Размазываю им слёзы по лицу и присаживаюсь на корточки, чтобы собрать бусины. Аккуратно выбирая из осколков банки, собираю свои драгоценности и ссыпаю их в коробку не упаковывая. Потом всё разбираю.

– Да что ты возишься с этими бусинами? Сколько можно? Тебе не пятнадцать уже давно. Ты вырасти должна, самостоятельной хоть немного стать. Ты же ничего одна не можешь, – не выдерживает моего молчания.

Каждое слово жётся ядом.

Мы ругаемся нечасто, но во время ссор он старается ударить побольнее. Обычно наговорит всякого, а потом долго извиняется. Сейчас в планах этого явно нет. И объяснять про

свою наездницу он ничего не станет, раз так нападает. А я не стану расспрашивать. Плевать на его мотивы. Сейчас не получится это переварить ни в каком виде. Принять тем более. Происходящее всё еще кажется нереальным.

– Я всё могу, Кость. Всё могу. Просто думала, что рядом с тобой можно расслабиться и быть собой, – шепчу севшим голосом.

– Так будь собой! Но пора уже и взрослой становиться.

– Я взрослая. И именно поэтому сейчас собираю вещи.

– Ну, развлекайся. Надоест – проговорим, – отрезает холодным тоном и уходит.

Через несколько минут хлопает входная дверь и я остаюсь одна.

Сползаю на пол окончательно. Осколки и бусины острыми гранями впиваются в бедро. Слова Кости эхом звучат в голове. А вдруг он прав? Вдруг я, и вправду, сама во всём виновата? Как мне дальше жить, зная, что именно я всё испортила?

Сейчас не самое лучшее время киснуть. Сейчас нужно собрать силы для последнего рывка, а потом можно будет вы-

дохнуть. Мне действительно уже не пятнадцать, и я смогу со всем сама справиться. Начинать нужно с малого. Со сбором всех материалов и вещей справляюсь за несколько часов. Забираю только самое необходимое и ценное. Не так уж и много получается.

Усталость накрывает с головой. Ужасно хочется кофе, но он живёт на кухне. Когда я в прошлый раз ходила туда, на полу всё ещё были разбросаны ошмётки бокала и до головокругления сильно пахло алкоголем. Я поначалу дёрнулась всё это убирать, но вовремя себя остановила.

Прощаться с квартирой было сложно. Тысячи приятных воспоминаний не перекрыть, они навсегда останутся со мной.

Наш первый Новый год в этом доме. Мне так хотелось живую ёлку, Костя принёс самую большую и красивую, но немного перестарался и порвал ею натяжной потолок. Мы так и не купили игрушки и просто любовались елью в мерцании золотых огней гирлянды.

Наш второй год в этом доме. Невиданная болезнь приключилась со стиральной машиной, и она вылила целое озеро воды, затопив соседей. Примерно тогда же мы первый раз крупно поругались... И мирились тут же, прямо на крышке

почившей стиралки.

Наш четвертый год в этом доме. В середине августа у нас появился арбуз. Кто начал первый? История не помнит. Но то была самая известная из битв на дольках арбуза. Дольше всего было отмывать сахарные кусочки из волос и подсохший сок с фасада кухни.

Наш пятый год в этом доме... Заканчивается моим отъездом. Телефон пискнул сообщением о прибытии такси.

Что ж. Конец – это только начало пути.

Когда оставалось только положить документы в сумку и накинуть пальто, в дверь неожиданно позвонили.

8. Долгожданная встреча

Пока я, держась за сердце, приходила в себя от испуга, в дверь позвонили ещё раз. В лицо будто плеснули чем-то горячим, и от этого жара сильнее застучало в висках. На часах было всё ещё пять утра. Эта бесконечная ночь не переставала подкидывать сюрпризы.

Обычно я очень тревожный котик и перепроверяю всё по несколько раз. Но последние предохранители не выдержали перепада, и я открываю, даже не посмотрев в глазок.

За дверью оказался мужчина. Хм, нет, не так. Открыв дверь, взглядом упёрлась в мужскую грудь, обтянутую футболкой. Ткань облегает тело мужчины так плотно, что можно пересчитать все шесть кубиков не прикасаясь. Красиво. Как не мёрзнет только? Мы, конечно, на юге живём, но на улице минус пять, которые ощущаются как минус пятнадцать, а он стоит в футболке и тонкой спортивной кофте. Незастёгнутой кофте!

Чтобы посмотреть в лицо пришельцу, приходится высоко задирает голову. Так и стоим, смотрим друг на друга. Я – глазами, опухшими и удивлёнными, а он – уставшими, но с улыбкой. Он начинает говорить, и я даже не сразу понимаю,

что именно.

– Такси вызывали?

Я? Я вызывала, да. И в комментариях к заказу просила подняться помочь с вещами, но почему-то напрочь об этом забыла. Теперь стою, глазами хлопаю. Если бы не такая чудовищная усталость, наверняка бы уже сгорела со стыда. Меня хватает только на то, чтобы кивнуть. Мужчина очень быстро и ловко выносит контейнеры и чемодан на лестничную клетку, утрамбовывает всё в лифт и с ожиданием смотрит на то, как я натягиваю сапоги.

Документы, кошелёк, сумка, солнечные очки. Последний взгляд в темноту квартиры. Странный коктейль чувств и эмоций накрывает меня с головой. Жгучая боль от происходящего. Горечь, оттого что я прощаюсь с этим местом навсегда. Липкий страх будущего, одиночества и разочарования в себе. Сладкая капелька теплоты, нежности и любви к прошлому. Меня ждёт новый дом, а эту дверь я закрываю.

Надеюсь, навсегда.

Придумать, что делать дальше было сложно. Голова болела, как после бурной вечеринки, а таблетки нурофена остались жить с Костей. Веки отекли, а глаза, несмотря на слё-

зы, казались сухими. Насморк дополнял эту картину отсутствием кислорода. Это ещё можно было пережить, но мысли всё время утекали к Косте, и я не могла их остановить. Одна цеплялась за другую и неизбежно приводила меня в его кабинет. Память подкидывала красочные слайды: его красивые пальцы на её белой коже, губы на губах, громкий стон. Приходилось всё время себя одёргивать.

Нужно было на такси добраться до машины, без происшествий доставить её в шиномонтаж для смены резины, ведь снег никто не отменял. И самое главное – благополучно добраться до места назначения. Это самое сложное. Три часа пути без учёта пробок, два перевала – всё это на одном измученном и сонном водителе. Батарейки давно сели, далеко бы я не уехала.

Решение далось мне непросто. Правду Костя говорит: не могу я справиться без посторонней помощи.

Устроившись в такси, первым делом заезжаю на работу к отчиму. Он несколько дней в неделю подрабатывает ночным сторожем в детском саду. Как всегда, рад меня видеть, но немного встревожен внезапным появлением.

– Мирочек, ты точно в порядке? – кивает на солнцезащитные очки на моём лице. В предрассветной темноте они смот-

рятся странно.

– Терпимо, дядь Коль, – говорю и начинаю снова плакать. Так щемяще-нежно выглядит его забота.

– Ты же скажешь, если вдруг кому нос подправить нужно?

– Конечно, – голос срывается, и я обнимаю его, прижимаюсь изо всех сил.

Он пахнет крепкими сигаретами и колет щеку щетиной, совсем как в детстве. Мне наконец-то тепло и уютно. Отстраняюсь с капелькой сожаления.

– Точно решила ехать? Может, к нам с матерью?

– Нет, прости. Хочу одна побыть, проветриться.

– Добро. Машину завтра переобую и пригоню, не переживай. И позвони, как доедешь! – говорит, усаживая меня обратно в такси.

Я засыпаю, кажется, как только мы отъезжаем. Этот сон не имеет ничего общего с отдыхом. Он только мучит и вытягивает силы. Бесконечный бег в лабиринте из комнат прошлого. Я даже не вижу картинки. Только чувствую эмоции.

Нежность и спокойствие сменяются яростью. Безопасность и спокойствие становятся завистью. Меня уже начинает потряхивать. Эти бесконечные качели милостиво прерывает чей-то голос:

– Девушка, просыпайтесь, приехали!

Трясло меня не просто так. Это делал таксист в попытках разбудить. Оказывается, он уже выгрузил вещи и стоял у пассажирской двери, ожидая, пока принцесса очнётся.

У принцессы затекли все мышцы, выбираться из салона было непросто.

Дом встретил тишиной, холодом, запахом пыли и проросшим половичком у двери. Первым делом я включила котёл, чтобы не замёрзнуть, и побежала на встречу с ним!

9. Акварельный рассвет

В помещении, кажется, холоднее, чем на улице. Очень сильно надеюсь, что к тому моменту, как вернусь, котёл уже сделает своё дело и станет теплее.

Здесь давно никто не жил и не гостил. Полгода точно. Только соседка должна была изредка заходить проверять всё ли в порядке. Но, судя по нетронутому слою пыли на полу, проверка была исключительно внешняя. Стоит же дом, никуда не делся, всё остальное – ерунда.

Косте было некогда ездить сюда. Да и не любил он это “место на отшибе цивилизации”. Ему всегда не хватало движения, общения и городских огней.

Тут, и правда, минимум благ той самой цивилизации. Никаких гипермаркетов, ресторанов и доставок. В наличии два продуктовых магазина, хозяйственный и почта. Развлекательную программу обеспечивает местный дом культуры. Площадь перед его зданием становится местом притяжения по воскресеньям. Две большие колонки обеспечивают му-

зыку, гирлянда из покрашенных гуашью лампочек отвечает за освещение, а дядя Миша с самогоном – за бар, создавая настроение. Тусовка очень душевная. Правда, шестьдесят плюс и только в сезон. Летом тут скучно не бывает. А сейчас кажется, что нет никого в целом посёлке, и в этом есть своя прелесть.

Пробираюсь через заросший внутренний двор к узенькой калитке, подсвечивая себе путь фонариком на телефоне.

Когда-то здесь был огород. Бабушка даже выделила мне небольшой участок, где я выращивала землянику, редиску и укроп. Что из этого набора можно было приготовить непонятно, но возиться в земле было очень забавно.

Калитка оказалась закрыта. Вместо замка в петли продета проволока со скрученными концами. Этот временный способ защиты от любопытных туристов придумала ещё бабушка, когда мне было десять. Через два дня мне исполнится тридцать. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное.

Не могу никак пристроить фонарик. Свет то слепит глаза, то съезжает куда-то в сторону. Проволока проржавела, пачкает руки и царапается. Но я распутываю её дрожащими руками. Я очень спешу на встречу.

Расправляясь с защитой, открываю дверцу. Обычно здесь открывается умопомрачительный вид, но ещё слишком темно. Небо только-только начало сереть акварельными штрихами, подсвечивая силуэты гор и горизонт.

Его запах я почувствовала, как только вышла из такси. Соль и йод с оттенком шторма. Летом к этому волшебному зелью добавляется аромат смолы, которой истекают на жаре сосны. И немного солнца.

Сотня ступенек вниз и ещё двадцать три шага по гальке.

Море.

Бескрайнее, беспокойное, сильное, тёмно-тёмно-синее. Почти чёрное в предрассветной темноте.

Вся усталость и сон исчезают. Плевать, что намочу сапоги, подхожу к самому берегу. Волна бежит ко мне и тянется поздороваться, ласково обнимая ладонь холодной пеной. Брызги летят в лицо хаотичными поцелуями в щёки, лоб, губы.

Мы очень давно не виделись и столько всего нужно рассказать друг другу! Я уступаю первенство морю и вниматель-

но слушаю его историю. Мои мысли исчезают. В голове только повторяющееся шух-шух.

Наблюдаю, как медленно просыпается ленивое рассветное солнце. Оно постепенно начинает разукрашивать небо немислимо нежными оттенками. Сине-фиолетовый перетекает в пыльную лаванду, и где-то там за горизонтом пробиваются апельсиновые лучи счастья. Горы окутывает пушистая вата облаков. Где-то начинают петь птицы, а мне пора домой.

Сотня ступенек вверх забирает последние силы, и я даже не заморачиваюсь с уборкой в спальне. Меня хватает только на то, чтобы снять защитную плёнку с мебели и застелить постель. Прогреться дом не успел, всё ещё прохладно и сыро. Приходится остаться в тёплых штанах, свитере, плотно завернуться в кокон из двух одеял.

Сон подхватывает меня, как только голова касается подушки, и так же быстро выплёвывает обратно. Только немного в другую реальность. Солнце заливает комнату, но теплее не стало. Я всё ещё дрожу, несмотря на все слои утеплителей.

Открыть сухие глаза и смотреть на этот мир больно. Мигрень бродит где-то рядом, желая напасть. Каждый вдох холодного воздуха забивает гвоздь прямо в мозг.

Встаю и иду к котлу, как только ловлю фокус. Все необходимые лампочки радостным красным цветом оповещают, что он отключён.

Только этого мне не хватало.

10. Холодное утро

Слишком, слишком много неприятных ощущений приходится на каждый миллиметр моего тела.

Назойливые молоточки бьют точно в виски и по затылку. Кажется, что это Мьельниры, не меньше. Вместо обычного стука, пробирающие до дрожи, долгие раскаты грома. Если зажмуриться, то и молнии можно увидеть.

От солнечного света хочется спрятаться, но это оказывается ещё больнее. Как только веки смыкаются, в глаза будто попадает жгучий яд. В горле застряла стеклянная крошка. Нос всё ещё заложен, и губы не только искусаны, но и пересохли, потрескались оттого, что приходится дышать ртом.

Где там Аннушка с целительным маслом? Мне бы очень помогла её трамвайная терапия.

Я будто в тумане плыву, а руки действуют на автомате. Нажать две кнопки и прокрутить рычаг. Сначала слышатся тихие щелчки, шипение и... Ничего. Котёл не запускается ни с первого, ни с пятьдесят первого раза. Так как мозг временно недоступен, просто продолжаю повторять ещё и ещё. А вдруг вот сейчас, ещё разочек и выйдет! Ни народное “вы-

нуть и вставить вилку в розетку”, ни заводская кнопка рестарта не помогают.

Целую бесконечность времени я танцую вокруг котла. Поменять последовательность нажатия кнопок, перепроверить все подключения, выложить кабель особенным способом... Не помогает.

В поисках новых бесполезных методов запуска решаю прямо сейчас начать уборку дома с этой комнаты. Вдруг котёл грязи боится, а здесь я со своими проводами и кнопочками пристала!

Средств для уборки нет никаких. Как и топлива для меня. Нужно собираться в магазин. Если на смене сегодня тётя Катя, то это не только магазин, а ещё и отличное справочное бюро. Она всех знает и быстро найдёт мне спасителя!

Бойлер, к счастью, более положительно ко мне настроен и выдаёт щедрую порцию горячей воды. Моему лицу, к сожалению, это не помогает.

Не помогают даже солнцезащитные очки.

Выйдя на улицу, слепну от солнечного света. Оказалось, пока я спала, метель догнала и укрыла здесь всё пушистым снегом. Даже шпильки на заборе принарядились в уютные шапочки. В ватной тишине слышался лишь звук моих шагов по хрустящему снегу. Он разносился по округе и таял эхом.

Магазин “У Степана” был ближайшим и самым крупным в посёлке. Ассортимент поражал разнообразием. Бытовая хи-

мия, детские игрушки, инвентарь для огорода и даже немного одежды. Здесь можно было найти пшеничную муку и резиновую лодку. На соседних витринах продавалась скумбрия горячего копчения и десерты. Аромат промокшего картона, который заботливо уложили под ноги, чтобы не разносить лужи от снега, причудливо смешивался с запахами рыбы, овощей и новой резины.

Аппетита у меня не было, но я всё равно почувствовала лёгкий укол сожаления о том, что не заехала в супермаркет перед отъездом.

– Здравсьте, тётъ Катъ, – прохрипела я, не узнавая свой голос.

Женщина за прилавком дёрнулась, не ожидая такого обращения, и недовольно сощурилась. Видимо, фокус навести это не помогло, и она надела на нос очки.

– Мирка, ты, что ли?

11. Strangers in the Night

Тётя Катя совсем не изменилась. Такая же пышная красотка с огненно-рыжими волосами. Разве что морщинка между бровей стала глубже. Она всегда говорила, что это следствие всех выходов её сына. Что там опять натворил Борька, рассказать она мне не успела.

Только вышла из-за прилавка обняться, но где-то в глубине моего кармана с глухим жужжанием зазвонил телефон. Сердце на долю секунды срывается в радостном приветствии, но тут же переходит на тревожный, ломаный ритм, когда я замечаю, как на экране появляется наше с Костей фото.

Мне всегда казалось, что в этом кадре заключена вся, абсолютно вся любовь мира. Фотограф поймал нас во время первого танца на свадьбе. На изображении мы так обнимаем друг друга, что даже самый убеждённый скептик поверит в любовь.

Тогда этот момент стал самым спокойным за весь день и по-настоящему нашим. С шести утра всё понеслось с сумасшедшей скоростью. Визажист опаздывал, кондитер отпра-

вил торт не в тот ресторан, а кто-то из гостей приехал не в ту гостиницу, перепутав Сочи с Адлером. Среди этого круговорота мы наконец-то встретились и просто кружились под музыку. Я, кажется, всё ещё слышу отголоски “Strangers in the Night”.

На фото они даже не смотрят друг на друга. Их глаза закрыты. Её голова лежит на его плече. Он прячет улыбку в её волосах. Тёплая нежность будто лучится из этих людей и заряжает всё вокруг.

Как мы всё это потеряли? Как мы настолько отделились, что он ушёл искать приключений с другой, а я закопалась так глубоко в себя, что этого не заметила.

– Мирра? Всё в порядке? – встревоженный голос тёти Кати вырывает меня из воспоминаний.

Оказывается, телефон больше не звонит. Я просто смотрю на потухший экран.

– Да... Да. Не выспалась просто, – спешно оправдываюсь и вспоминаю, зачем пришла. – У меня котёл не включается, не знаете, кто помочь может?

– А то как же. Племянник мой. Пришлю его к тебе вече-

ром. Продержишься пару часов?

– Продержусь. А как же Борька? Думала, его отправите.

– А Борька в городе уже год живёт. С девицей. Безалаберная, ужас просто, – она морщится и хватается за сердце. – Ни готовить, ни рубашки гладить не умеет!

– Ну, главное, что ему нравится.

– Скажешь тоже!

Её желание посплетничать о личной жизни Бори сейчас очень некстати. Если я поддерживаю разговор, то мы не закончим до закрытия магазина. Она останется без выручки, а я без последних мозгов.

– Тётъ Катъ, я побегу? Вы мне дадите номер племянника на всякий случай?

– Да, обожди, – возвращается за прилавок и на обороте одного из чеков записывает номер телефона. – Он на теплицы уехал, часам к семи должен вернуться. Я сейчас позвоню, но если не придёт, ты не стесняйся, напомни о себе. Если поломка серьёзная и не запуснется котёл, ты не стесняйся, приходи. У меня, знаешь, теперь целый этаж свободен, – го-

ворит она с грустью, протягивая мне записку.

– А как же племянник? Он разве не с вами живет?

– Ну что ты! Взрослый мужик уж! У него свой дом. На твоей улице. Считай соседи.

– Поняла. Спасибо, тётъ Катъ. Хорошего вам дня, – разворачиваюсь уходить, уже берусь за ручку двери, как мне в спину прилетает совершенно беззлобное, но такое болючее:

– Мирочек, а ты с мужем приехала?

От этих слов я глохну, цепляюсь за ручку двери ещё крепче, лишь бы не упасть.

– Одна, – выдавливаю из себя ядовитое слово и ухожу, не оглядываясь и даже из вежливости недослушивая приглашения на чай.

На улице всё белым-бело, а в душе больно так, что, кажется, на снег сейчас начнут капать капли крови. Мне не хочется никого задеть и испачкать этой болью. Я бреду куда глаза глядят, шарахаясь весёлых компаний, детей, играющих в снежки, и особенно влюблённых пар.

В какой-то момент становится легче дышать. Прогулка не только отнимает силы, но и немного освобождает голову. Забрела я далеко, но это и хорошо. Через несколько кварталов будет крошечная “Пятёрочка”. У тёти Кати для уборки я так ничего и не купила.

В кармане случайно нащупываю чек. На нём записан номер телефона и имя “Марк”. Надеюсь, он сможет мне помочь.

12. Искры шампанского

Собрав тележку с необходимыми моющими средствами, решаю всё-таки набрать немного продуктов.

Выбор здесь не сильно лучше, но хотя бы рыба не соседствует с десертами. Кстати, про них. Самое приличное, что получается найти, – коробочка шоколадных капкейков, украшенных ядовито-зелёным кремом. Беру их, набор праздничных свечей и пытаюсь найти шампанское.

Магазин очень маленький, всего три ряда, между которыми с трудом можно протиснуться, не задев нагромождение коробок. В самом дальнем тёмном углу находятся полки с алкоголем. Последняя бутылка игристого отечественного производства стоит в окружении водки и коньяка. Ну что ж. Какой День рождения, такой и праздник.

Телефон снова жужжит, пока я рассматриваю этикетку. Чуть было не роняю бутылку, но вовремя успеваю прижать к себе.

Контакт “Котик” настойчиво пытается дозвониться. После того как прекращается один, тут же прилетает другой вызов.

В отношениях у меня всегда была жесточайшая аллергия на весь этот уменьшительно-ласкательный зоопарк. Рыбки, зайки, котики и прочая нечисть казались ну очень нутужны-

ми и неискренними комплиментами. Да и как “рыбка” вообще может быть чем-то приятным? Или они про еду?.. Куда-то не туда меня занесло.

Так вот, когда мы впервые обменивались контактами, я больше смотрела Костю, чем на экран мобильного. Телефон, видимо, в очередной раз решил, что знает лучше, что я там собиралась писать, и вместо “Костика” получился “Котик”.

Обнаружилось это не сразу, но показалось такой милой ошибкой, что я так и не поменяла подпись. А сейчас, наверное, придётся? Он же тоже меня как-нибудь переименует в своём телефоне. Будет что-то официальное. “Мирра. Бывшая Жена”. Или просто “Бывшая”. Или проще совсем удалить?

Как только прекращается очередной звонок, я выключаю телефон полностью. Не могу. Не здесь. Мне нужно добраться до дома.

Почему-то катастрофически не хватает воздуха. Я резко разворачиваюсь, чтобы уйти, но в меня тут же врзается мужчина. Он вроде бы и хотел затормозить, но места для манёвра совершенно нет.

Бутылка выскальзывает из моих рук и, падая на пол, трижды отскакивает от кафеля. Четвёртого удара стекло не выдерживает и взрывается пенными искрами, заливая всё вокруг. Пробка вместе с горлышком выстреливает в потолок и улетает за соседний стеллаж. На полу после извержения остаётся очень сладко пахнущая лужа.

Мы с мужчиной замираем, держась за руки, на несколько секунд, наблюдая, как пенная вечеринка постепенно успокаивается.

– Это была последняя бутылка, – с сожалением говорю я, отпуская его предплечье и аккуратно пытаюсь сделать шаг назад.

– Вечер станет хуже без этой бутылки? Или это привычка? – отвечает мне голос откуда-то сверху.

Я не могу его даже рассмотреть. В этом уютном уголке очень мало света, верхнюю половину лица скрывает шапка, а нижнюю – шарф. Длинный чёрный пуховик дополняет картину. Мужчину с потрохами сдаёт упаковка. Местных не напугаешь нашими “минус пять ощущается как минус семнадцать” – они могут и в тоненьких кроссовочках всю зиму ходить. А вот те, кто приезжают с севера за более мягким климатом, в первую же зиму рвутся обратно домой к своим безобидным минус двадцати.

– Это вы меня так изящно алкоголичкой назвали?

– Нет, но вы просто с таким сожалением говорили про последнюю бутылку... – говорит он и чуть ли не в открытую смеётся.

– Но она, и правда, последняя. А вы могли бы смотреть, куда несётесь!

– Я? А может, вам не стоит так резко дёргаться?

Внезапно наш спор громким покашливанием прерывает работник магазина.

– Кто оплачивать будет?

13. Поиграем?

Наша дуэль взглядами получает лучший саундтрек: монотонный гул лампы, ворчание старого холодильника и тихую капель липкого шампанского. Алкогольная пена с шипением оседает и начинает стекать с полок, по которым успела разлететься.

Мужчина напротив отводит взгляд первым, но это совсем не означает мою победу. Потому что он выдаёт фразу, которую я совершенно не ожидала услышать в подобной ситуации:

– Камень, ножницы, бумага?

– Что, простите?

– Ну, камень, ножницы, бумага. Игра такая. Нужно ладонью показать...

– Я знаю, что это такое! По-вашему, это уместно?

– Почему бы не повеселиться немного, раз уж мы влипли в дурацкую ситуацию?

– Действительно влипли, – бурчу, пытаюсь аккуратно выбраться с места происшествия.

Скривив губы в издевательской улыбке, он на полном серьёзе предлагает мне руку. Нет, не для того, чтобы помочь перешагнуть особо крупную лужу и не растянуться, а чтобы выяснить, кто оплатит несчастные пять сотен за бой стекла.

– Да вы издеваетесь! – закатываю глаза, но протягиваю руку в ответ: – Чёрт с вами, давайте только быстро, до первой победы.

Один, два, три и...

– Вот теперь всё по-честному, – говорит он, оборачивая своей бумагой мой камень.

Пожимает кулак двумя ладонями и трясёт руку на манер приветствия.

– Интересно было с вами познакомиться. Не грустите больше по разбитым бутылкам, – быстро говорит и уходит, пока я закипаю от злости.

К моменту когда я пробираюсь с тележкой к кассе, его уже и след простыл. Но это и к лучшему.

Свою грузоподъёмность и выносливость я переоценила. По пути приходится сделать несколько остановок, чтобы отдышаться.

Дома всё так же холодно. Повторные попытки запустить котёл ни к чему не приводят, и я решаю хоть немного согреться старым способом. Включаю две газовые конфорки и духовку, которую оставляю приоткрытой.

Пляшущее синее пламя напоминает утро в детстве. Когда за окном ещё темнота и льёт дождь, а ты сидишь, продев ногу в одну штанину, и зачарованно наблюдаешь за языками пламени. Шипение газа и стук капель по стеклу убаюкивают, хочется обратно в тёплую кровать, а не мокнуть под дождём по пути в школу.

Мой организм настолько истощён, что я проваливаюсь в короткий беспокойный сон, сидя в кресле. Сон настолько вязкий и мутный, что я даже не сразу из него выныриваю. Непривычный звук, разбудивший меня, оказывается звонком в дверь. Приходится сделать невероятное усилие, чтобы подняться из кресла и пойти встречать гостя.

Я так и не успела убраться – и сейчас будет ужасно неловко.

Но, когда я открываю двери, становится совершенно наплевать.

– Вы?!

14. А вы..?

Мутные остатки сна улетучиваются, как только я открываю двери. Не знаю, что там у меня с выражением лица, а вот у наглеца из магазина усталость мгновенно смывает удивлением, и на её месте расплзается чертовски соблазнительная улыбка.

– А вы, получается, та самая Мирра со сломанным котлом? – говорит, улыбаясь ещё шире, и делает шаг в дом.

– А вы... – выставляю указательный палец и упираюсь ему в грудь, не только не пуская, но и указывая верное направление. Из моего дома.

– А я Марк, – говорит и всей своей огромной ладонью обнимает за палец, обозначая рукопожатие. – Приятно познакомиться.

Его прикосновения оказываются полной неожиданностью. Тёплая кожа, чуть-чуть шершавые от мозолей пальцы царапают что-то очень глубоко в душе. Нежные прикосновения от чужого человека на руинах моей жизни выглядят почти издевательством. Совсем не этот мужчина должен мне

помогать, заботиться и пытаться развеселить.

Отдёргиваю руку и, поспешно отстраняясь, натягиваю рукава свитера на пальцы. Обнимаю себя за плечи в попытке то ли согреться, то ли спрятаться.

– Познакомились уже разочек. Что-то меня не тянет повторять эксперимент.

– Я исправлюсь, обещаю. Только дайте шанс, покажу, что есть у меня и положительные качества, а в ремонте котлов я вообще супергерой, – всё так же заразительно улыбается и отступает на несколько шагов, не давит своим присутствием, но так завлекательно себя рекламирует, что хочется попробовать хотя бы эту бета-версию.

– Вашу маму, случайно, не Марта зовут? Любите снимать детей инвалидов с высокого дерева? Собираете весь глютен в мире для запуска в космос, чтобы он не отравлял нам жизнь? – пытаюсь пошутить, и он даже улыбается ещё шире, уловив все отсылки. – Возможно есть и положительные качества, но сегодня я уже наслушалась от вас комплиментов. Пока больше не хочется. Извините, что оторвала от дел.

– Мёрзнуть будете?

– Получается так.

Улыбка медленно тает на губах. Ничего не отвечая, он уходит. А я ещё немного смотрю, как его силуэт скрывает пелена снега.

Какая же я дура. Могла наплевать на всё и уже через несколько часов сидеть в тепле. Но нет. Из-за каких-то дурацких принципов я отказываюсь от помощи.

Включаю телефон, чтобы найти мастера. Как только загорается экран, сразу сыплются сотни сообщений в мессенджеры и на почту, уведомления о пропущенных звонках. Кажется, меня потеряли. Не успеваю просмотреть, что и где, как всплывает входящий вызов от отчима.

– Привет, дядь Коль.

– Мир-р-рослава, ты куда пропала? Полдня дозвониться не могу, – рык в трубке в сочетании с моим полным именем обозначал, что я крупно влипла.

Ругаться отчим не любил, но официально-строгие нотки в голосе всегда предупреждали и настраивали на долгую беседу.

– Прости, прости. Всё в порядке, я на месте. Просто никак

себя в кучу не соберу.

– Ну ты бы хоть смску написала, как доехала. Я уже собирался бросить всё и ехать на разведку.

– Это не оправдание, но я приехала и сразу к морю побегала. Потом заснула и закрутилась. Извини, что заставила переживать. Ты маме не говорил?

– Нет. Но ключи она твои видела, так что жди звонка.

– Поняла. Готовлюсь. Дядь Коль, а ты когда приедешь?

– Меня подменить попросили. Нормально будет послезавтра? Как раз гостинцев тебе ко дню рождения привезу.

– Будет отлично.

Мы ещё немного болтаем, прощаемся, и я сажусь обзывать мастеров по объявлениям в интернете, но получаю отказ за отказом. Почти все живут в городе, и никто не хочет гнать машину в нашу глушь ночью, да ещё и в метель. Единственный мастер соглашается приехать утром, и только если расчистят дороги. С местными связываться не хочется. Даже перспектива замёрзнуть пока не пугает так сильно, как возможные сплетни и косые взгляды. Неизвестно, сколько

мне ещё придётся здесь жить.

Сухой воздух на кухне раздражает все слизистые. Металлические молоточки всё ещё бьют по вискам, горло начинает болеть, как от ангины.

Чтобы хорошенько согреться, набираю полную ванную. Пока буду плавать в этой воде, бойлер должен успеть согреть новую порцию.

Только я устраиваюсь поудобнее и успеваю почувствовать, как вода нежно окутывает теплом, раздаётся звонок в дверь. И хотелось проигнорировать, но звонят ещё раз. И ещё. Со стоном разочарования и сожаления выныриваю из ванной. От холодного воздуха и ледяной плитки на полу кожа покрывается колючими мурашками. Натягиваю спортивный костюм на ещё влажное голое тело. Упаковываюсь в огромный пушистый халат и иду в бой.

На пороге стоит Марк. И не один.

15. Да пошло оно всё к чёрту!

В этот раз он без шапки и огромного шарфа, и я, наконец, могу рассмотреть его лицо. Уставшие карие глаза смотрят на меня сквозь растрёпанные пряди чёлки. В тёмных завитках волос путаются снежинки. Кажется, будто они там играют друг с другом в прятки. Ровные брови хмурятся, и пальцы покалывает от желания разгладить этот залом. Провести по мягкой линии скул и после гладкой кожи столкнуться с колючей короткой щетиной на волевом подбородке.

Эти мысли непонятным образом выбивают из меня настрой наорать и выпроводить.

Пуховик Марка расстёгнут, он под ним что-то прячет. Замечая, как я одета, хмурит брови ещё сильнее и решительно входит в дом, продвигая меня вглубь помещения и уводя подальше от холодной улицы.

– И снова добрый вечер, Марк, – запахиваю халат поплотнее, потому что ко мне подбирается морозный воздух.

– Добрый, Мирра. Но не у моего друга, – говорит и, изо всех сил стараясь не засмеяться, достаёт из-за пазухи небольшой обогреватель. – Можете приютить на время?

– А что с ним приключилось?

– Хозяин-идиот. Шутки шутит странные, вот он и решил сбежать, – притворно вздыхает, поглаживая обогреватель по серебристой боковине.

– Ну раз так, тогда, пожалуй, спасу его. Мне сегодня тоже один тип неприятный попался, так что мы найдём, о чём поболтать.

Я не могу сдержаться и хохочу в голос. Впервые за всё последнее время мне становится по-настоящему легко, но, когда я тянусь вытереть выступившую слезу, острой льдинкой обжигает щеку кольцо на безымянном пальце.

Тоненький платиновый ободок, украшенный россыпью бриллиантов, абсолютно ни в чём не виноват. Он просто будит воспоминания, отравленные горечью предательства.

Костя сделал мне предложение абсолютно неожиданно.

Я разрывалась между написанием диплома, плетением ловцов на заказ, друзьями и сладкими поцелуями с Костей. На сон меня катастрофически не хватало. Весна взрывалась яркими красками и запахами, а я практически не выбиралась

на улицу. Только короткими перебежками между библиотекой и свиданиями я вдыхала сирень и солнце.

Где-то в самом сердце мая, после ужина в ресторане мы не поехали домой, а вывалились на улицу и, подхваченные толпой, гуляли по центру города. Это был один из тех моментов, когда мне хотелось домой поскорее. Костя весь вечер пожирал меня взглядом и шептал такие непристойности, что кожа горела и ждала прикосновений.

Но город нас поглотил. В какой-то момент мы даже пристроились к пешеходной экскурсии и узнали немного мистических тайн прошлого Краснодара.

Дойдя до главной площади, Костя взял меня за плечи и развернул лицом к огромному колесу обозрения. С наступлением темноты его спицы превращались в огромный экран. Переливаясь и искрясь всеми цветами, рассыпая сердечки, появилась надпись “Мирочек, будь моей женой”.

Сердце остановилось, замерло и только горячий шёпот на ухо запустил его обратно.

“Согласишься?”

Я смогла только кивнуть, смаргивая слезы. Сердце застучало в бешеном ритме гремящей музыки и фейерверков. Откуда-то появилась толпа друзей во главе с Машкой и неве-

роятным количеством цветов.

Так на моём пальце появилось кольцо, под которым сейчас горит кожа.

Тёплые руки Марка вырывают меня из воспоминаний. Он рассматривает мою ладонь и не понимает, что же я такого шокирующего там увидела.

Он стоит слишком близко и поглаживает место на запястье, где лучше всего чувствуется пульс. И только от этой ласки сердце стучит быстрее. Один взгляд в глаза и... Да пошло оно все к чёрту!

16. На краю пропасти

Он был головокружительно близко. Острый перец, сандал, мускат и кожа. Я вдыхала аромат тёплой осени посреди холодной зимы, и хотелось быть ещё ближе.

Пусть это будет самая большая глупость.

Пусть это не спасёт от проблем и не снимет боль.

Пусть пожалею, но сил останавливать себя нет.

Я тянусь к его губам с поцелуем, на который он не отвечает. Лишь чуть сильнее стискивает моё запястье.

Предупреждая. Останавливая.

На секунду кажется, что он меня оттолкнёт. Марк будто даёт мне последний шанс отступить.

Собираюсь оторваться и прекратить первой. Сгорая со стыда сбежать, не появляясь здесь больше никогда. Но в последний момент он притягивает ближе и впивается в мои губы. Лёгкое и невинное прикосновение превращается в настоящую волну огня, которая накрывает с головой.

Он посасывает мой язык. Кусает, будто сам долго мечтал об этом. Целует невпопад куда-то в уголок губ, отчего становится невыносимо щекотно. Щека, подбородок, дорожка поцелуев спускается всё ниже, на шею. Ловит губами пульс, прикусывает кожу на плече, с которого куда-то исчезли халат и спортивная кофта.

Мои руки стягивают пуховик с его плеч, чтобы продолжить изучать тело. Пальцы бесстыдно ныряют под свитер и скользят по горячей гладкой коже. Царапаюсь, как кошка, оставляя красные рисунки. Марку определённо по вкусу все эти игры. Он рычит, прижимается ко мне бёдрами. Я отчетливо чувствую его желание.

Мы каким-то образом оказались в гостиной. Ещё не настолько осмелели, чтобы упасть на диван, но и скромность осталась где-то в прихожей.

Сладкие поцелуи спускаются ниже. Когда Марк задевает губами острые вершинки, тишину нашего сорванного дыхания прерывает мой громкий стон.

Звук эхом прокатывается по всему дому, возвращая в реальность. Марк сразу замечает перемены в моём настроении. Не отпускает, но больше и не давит.

Я пытаюсь прикрыться и застегнуть кофту, но он мягко отводит мои руки.

– Тише. Побудь со мной ещё немного, – низким голосом шепчет на ухо так, что все волоски на теле встают дыбом.

Мы оба любуемся, как его красивые длинные пальцы рисуют неведомые руны у меня на груди. Это так горячо и порочно, что меня начинает потряхивать от возбуждения.

Хочу остаться с ним. Хочу плавиться в его руках, напрочь забыв обо всем.

Остались только мы вдвоём, и на нас всё ещё слишком много одежды. Его свитер улетает первым. Когда я берусь за пряжку ремня, невольно задевая выпуклость, Марк шипит и ещё сильнее стискивает руками мою талию. Я почти добираюсь до главного приза, но первые ноты “Strangers in the Night” убивают не только желание, но, кажется, и меня саму.

И даже не нужно смотреть на экран мобильного, чтобы понять, кто мне звонит.

17. Близкие люди

Отпрыгиваю от Марка и спешно поправляю одежду. Руки делают несколько дел одновременно, путаясь в молниях, пуговицах и завязках. Сердце рвётся из груди, а телефон всё не замолкает. Старина Синатра никогда не был так не к месту.

Пальцы начинают дрожать, но уже не от возбуждения, а от страха и стыда. И тут же не понимаю себя, чего я боюсь... Чего? Что он узнает? Да и какая разница. "Нас" вообще больше нет. Он сам всё убил, своими руками. Не только руками, если быть точнее.

Интересно, я ему когда-нибудь звонила в момент, когда он был с ней? Что он делал? Равнодушно выключал звук и переворачивал телефон экраном вниз? Мило болтал со мной, пока она его развлекала? Или всё-таки хоть краешком души жалел о том, что он делал с нами?

К тому моменту, как телефон замолкает, я уже привожу себя в порядок. Внешне. Внутри не прекращая горит пламя.

– Марк, вам пора, – стараюсь говорить уверенно и не пускать на волю слёзы, но выходит плохо.

– Что-то не так? – спрашивает, подбирая с пола свитер и скрывая своё тело.

Он растерян, в голосе чувствуются беспокойство и забота, но мне сейчас необходимо остаться одной.

– Нет! Нет, что вы. Простите, что так вышло. Я не должна была.

– Всё было отлично. Мне понравилось, – подходит ближе и пытается обнять, а я сбегаю к входной двери. Прячусь за сложенными на груди руками и придерживаю ворот халата у горла. Будто опасаясь, что он сейчас набросится на меня.

– Я, правда, хочу побыть одна.

Марк ничего не говорит, просто молча одевается. Его волшебная улыбка исчезает, а залом между бровями становится глубже.

Проходя мимо, останавливается напротив и коротко целует в нос. От такой мимолётной ласки сердце сжимается ещё сильнее.

– Я зайду завтра. Береги друга моего, – подмигивает и выскальзывает в ночную темноту. Оставляя после себя тёплый

аромат сандала и перца.

Как только за Марком закрывается дверь, телефон звонит ещё раз.

На этот раз пробиться пытается мама. И я даже не знаю, что хуже: поговорить сейчас с Костей или с ней?

Как только я беру трубку, меня накрывает лавина вопросов.

– Мирра, что ты делаешь на даче. Одна! Где Костенька? – мама почти рычит.

– Я одна, всё в порядке. Костя... Не знаю, где он, – бормочу рассеянно.

Снова и снова мама меня отчитывает, но вот Костенька...

– Как это ты не знаешь, где твой муж?! – она удивляется так сильно и говорит так тревожно, что, кажется, уже готова поднять в воздух вертолеты МЧС на поиски.

– Я вчера в офисе его с девушкой застала, мам, – у меня даже нет сил как-то эмоционально окрасить тон. Звук получается не яснее шелеста бумаги.

– И что? – чеканит равнодушным голосом.

– Ты, наверное, не поняла. Он изменяет мне, – говорю, и острые ножи с хрустом проворачиваются в сердце.

– Поняла как раз. Ну, изменяет. Куда деваться. Все мужики такие. Кроме Коленьки моего, – говорит так равнодушно, как о новой паре ботинок. – Ну я же говорила, что он долго твои нитки и перья не выдержит. Соответствовать нужно. Ну ничего. Погуляет немного и вернётся.

– Мам, ты чего? Он же предал меня, в смысле вернётся? – от шока не только звук, но и эмоции пропадают.

– Вот увидишь, вернётся. А ты перетерпи немного. Костенька – прекрасный мальчик, ошибся просто. Бывает. Он скоро всё поймёт, тебе нужно просто оставаться рядом. Поругай, конечно, как попросится обратно, гордость покажи, но носом крутить долго не вздумай. Где ты ещё такого найдёшь?

Нет никаких сил дальше это слушать. Мама меня не поймёт, а её слова ничего хорошего мне не принесут.

Отключаю телефон, подхватываю обогреватель и закрываюсь в спальне.

Несмотря на наконец-то появившееся тепло в доме, я промерзаю до костей. Несколько одеял всё же спасают, но не от холода. Под их тяжестью я забываюсь в тревожном сне.

Посмотрим, что принесёт мне новый день.

18. Добро пожаловать в реальность

Утро ворвалось в комнату солнцем, залив яркими лучами всю комнату. Я забыла вечером закрыть шторы. Сейчас блики щекотали нос и играли на лице, создавая удивительной красоты рисунки под веками.

Если бусину из хрусталя поднести к солнечному свету, будет похожий эффект. Хрустальные переливы разыграются на всех поверхностях, куда дотянутся своими лучистыми лапками.

Мне безумно захотелось это повторить! Бусины подвесить на каркас в виде полумесяца и добавить немного аметиста. Получится сказочный ловец солнца, который при встрече с яркими лучами будет озарять помещение радугой.

Магия рождалась на кончиках пальцев. Она искрилась, потрескивала и требовала выпустить на волю. Вдохновение гнало меня к рабочему месту. Я уже в деталях представила, как будет выглядеть этот ловец. Это срочно нужно зарисовать. Пора просыпаться и за работу. Иначе этот зуд не унять.

Я потянулась, разминая затёкшие за ночь мышцы, перевернулась на другой бок, чтобы обнять мужа, перед тем как

уйти, а встретила с холодной стеной. Красочный фантазийный мир сна рухнул. Добро пожаловать в реальность.

Солнце не рассыпается бриллиантовыми брызгами, а просто слепит. Вчерашние слёзы превратились в головную боль и отёк век. В комнате слишком душно, а в груди не хватает кусочка сердца.

Привычки и ритуалы, выстроенные за шесть лет, так быстро не выветриваются. Каждая мелочь завязана на человеке, которому ты неожиданно больше не нужен. И вот, даже такая ерунда, как встать с кровати, становится сложнейшей задачей. Уже выполнением этого пункта можно гордиться.

Гордиться я начинаю уже минут через двадцать. Усиленно хвалю себя за каждую выполненную задачу. Даже если это полная ерунда вроде мытья посуды. Если задача со звёздочкой, например, не разреветься, то хвалю дважды словами и заедаю капкейком.

Продвигаюсь вперёд мелкими шажочками. Наконец-то снимаю чехлы со всей мебели в доме, вытираю пыль, мою полы, перестирываю постельное бельё.

Контейнеры с рабочими материалами старательно обхожу, хотя неплохо было бы обустроить себе уголок. Сроки по некоторым заказам уже горят, а я не могу вернуться к любимому делу.

Боюсь. А вдруг я и там всё сломаю. И не будет больше этого волшебного ощущения, когда точно угадываешь, что именно нужно заказчику. Когда не замечаешь, как проходит время, выплетая самые сложные тоненькие узоры. Когда любишься результатом и тем, как счастлив человек, получивший готовую работу.

Машка, глядя на то, как я работаю, всегда говорила, что со стороны это выглядит невыносимо скучно. Она уходила на свои тусовки в девять вечера, когда я только начинала подготавливать основу, и возвращалась к пяти, как раз когда я была на самом сложном этапе создания ловца – фотографировании. Машка приносила с собой утро в картонном стаканчике, мы немного болтали и расходились по спальням.

Подруги в моей жизни тоже больше нет. Она писала сообщения, но я, не читая, отправила их в корзину. Не хочу сейчас никаких обсуждений и оправданий.

Ближе к обеду приехал дядя Коля. С полным багажником продуктов и огромной охапкой тюльпанов, бережно укутанных от мороза в несколько слоев газеты.

А я уже и забыла, что сегодня День рождения.

19. День рождения

Погода на юге – очень странная штука. За полчаса могут смениться все времена года, но настоящая зима здесь – настолько редкое явление, что детей отпускают с уроков, чтобы порезвиться, а взрослых – с работы, чтобы успели добраться домой по нерасчищенным улицам.

Так снег, который валил не переставая почти двое суток, сдаётся под лучами яркого солнца. К полудню почти все сугробы превращаются в бурные потоки воды, выглядывает зелёная травка и снова пахнет весной.

А ещё весной пахнут тюльпаны, которые привез дядя Коля. Сказал, что я на них похожа, поэтому и выбрал. Даже не знаю. Хрустящие, сочные. Перламутровые лепестки нежно-розового цвета, тонкие до прозрачности. Нежные и хрупкие. Я сейчас, скорее, вяленький подсолнух.

Распрашивать отчим тоже ни о чём не стал. Только непривычно долго обнимал поздравляя, а я сделала вид, что ничего не замечаю. Так сильно хотелось тепла. Я даже забыла попросить посмотреть котёл, да и поболтать толком тоже не вышло, он убежал, чтобы успеть на электричку, железно отказавшись ехать домой на такси.

А я осталась встречать этот вечер одна.

Когда тебе десять, День рождения – это один из самых долгожданных дней в году. Толпа друзей, ведро газировки и безлимитный торт. Можно стоять на голове сколько угодно и все будут счастливо умиляться “ой, какая красавица, разбойница выросла”.

Когда тебе восемнадцать, это сладкие духи, короткое платье, белые розы. Почему всегда дарят только их? Тусовка до утра, танцы до упаду, чьи-то горячие руки на талии и первое похмелье. Тут уже умиляться никто не будет, но понимающе покивают головой.

В двадцать пять не можешь определиться, что выбрать: посиделки с подружками в спа или отрыв до самого рассвета в той же компании? После долгих споров и, возможно, скандалов вы идёте сначала зарабатывать похмелье, а потом его снимать. Тут понимающих взглядов уже не будет, не то что умиления. Появится строгое: “Ты же уже взрослая женщина”. Ну спасибо, что напомнили, а то я успела забыть об этом между тостами “жених хороший есть, детишек бы вам и побольше” и “уже двадцать пять, можно начинать делать уколы красоты”.

Тридцать хотелось отметить наедине с мужем. Никаких гостей и суеты. Только вкусная еда, тихая музыка, объятия и поцелуи.

В самом начале романа нас накрыло безумной волной страсти. Мы не могли оторваться и насытиться друг от другом. Всё свободное время проводили вместе, а после того как Костя сделал мне предложение, сразу же забрал меня жить к себе.

Я видела его золотым драконом, который утащил сокровище в своё логово и наконец-то счастлив. Так и было все эти шесть лет.

И я никогда. Никогда-никогда. Даже в самых страшных мыслях не представляла, что он может так со мной поступить. Что мы не просто расстанемся, а вот так грязно и некрасиво. Что он будет так больно бить меня словами после всего увиденного.

На улице уже начинает темнеть. Мастер, которого я вызвала, не пришёл и трубку не берёт. Из праздничного настроения в наличии только букет и оставшийся от похода в магазин капкейк.

20. В темноте

Вселенная однозначно меня за что-то наказывает. Кажется, будто я ей задолжала очень много, и это будет убийство с особой жестокостью.

Я потихоньку разбирала привезённые продукты и вещи, но никак не могла расслабиться. Каждый раз, услышав шорох шин проезжающего мимо автомобиля, неслась к окну, высматривая очертания белого мерседеса.

Да. Я его ждала.

Несмотря на все обстоятельства, ждала.

Боялась до дрожи и ужасалась только от одной мысли о новой встрече или разговоре, но ждала.

Как полная дура, мысленно строила диалоги, в которых он приходит извиняться, просит прощения, а я... А я даже в мыслях ничего не могу ему ответить.

Ни-че-го.

Ведь он всё тот же. Короткий ёжик волос, который очень приятно трогать, особенно сразу после стрижки. Если поцеловать в чувствительное местечко чуть ниже подбородка, его кожа покроется мурашками. Глубокий шрам за правым ухом – это он в семнадцать вступился за какую-то девушку у ночного клуба. Её парень держал куртку Кости, пока он защищал её облапанную задницу.

Самое уютное и безопасное место – у его сердца.

Когда весь мир сошёл с ума и перешёл на удалёнку, меня невероятно успокаивала только возможность в любой момент забраться к нему на колени и уткнуться куда-то в подмышку. В те дни внутренняя паника после прочтения новостей сажала все аккумуляторы до нуля. И я бежала к своему солнцу хоть немного погреться. Прислониться ухом к груди и слушать, слушать стук сердца.

Чаще всего я так и засыпала, убаюканная ровным ритмом. Конечно, я хочу свою семью обратно.

Ведь он всё тот же? Но перед глазами всё ещё стоит картина его объятий и поцелуев с другой. Его слова-пощёчины и равнодушный взгляд. Это почему-то оказалось отдельным ударом. Он смотрел, как я плачу, корчусь от боли, и не только не утешал, ему было плевать.

Точно ли я хочу свою семью обратно? Не знаю. Не понимаю, но каждый раз, обнаруживая себя у окна, списываю эти приступы любопытства на ожидание мастера. А вовсе не жду, когда прилетит золотой дракон, который снова заберёт свою принцессу обратно в замок. От всех переживаний я не заметила, как расчесала кровавые раны на руках. Содранный слой кожи неприятно саднил при соприкосновении с тканью.

Вечер пришёл неожиданно. Красно-розовые сумерки кто-то выключил рубильником, и воцарилась темная ночь.

Делать было больше нечего. Только из дальнего уголка комнаты на меня смотрели рабочие материалы. Устроилась на диване подальше от них и коротким “Спасибо” отвечала

на поздравления. Если кто-то звонил, трубку не брала. Не уверена, что смогла бы ответить, если спросили бы про Костю.

Не уверена, что смогла бы вообще внятно ответить. Горло першило, хотелось сглотнуть неприятную боль, но становилось только хуже. И голова болела всё сильнее. Стрела, пропущенная сквозь висок прямо в затылок, медленно и с наслаждением проворачивалась, причиняя ещё больше неудобств. Заболеть было бы совсем не вовремя и, заварив очередную кружку чая, я уселась за стол с последним капкейком.

Холод шёл откуда-то изнутри, и согреться не получалось.

Накидываю вязаный кардиган, выкручиваю обогреватель на максимум, обжигаю губы чаем, пальцы – огнём. Поджигаю праздничную свечу, погружая её в масляный крем.

Где-то в другой жизни меня ждёт чёрное шёлковое платье, сочный шоколадный торт с пьяной вишней в начинке и любящий муж.

Маленькая розовая свечка с витиеватым узором сторела почти наполовину, капая воском на крем. Придумать желание никак не получалось. Для себя точно. В голову лезла всякая ерунда вроде мира во всём мире и отмены глобального потепления.

Как только я хочу задуть пламя с банальным “здоровья”, в глубине коридора что-то щёлкает и выключается весь свет.

За что ж ты меня так, вселенная?

21. Кружится

Сердце замерло на несколько секунд и понеслось галопом от внезапно захлестнувшей меня иррациональной тревоги. Ну кто в тридцать лет боится темноты? Я!

Единственным источником света остался только огонёчек у меня в руках, от которого и толку почти не было. Крохотная свеча догорала, нужно было действовать быстро.

Со стороны я, наверное, выглядела уморительно. Подсвечивая себе дорогу капкейком, гремела кухонными ящиками и выискивала хозяйственные свечи. Я их сегодня уже видела, но вот где именно – большой вопрос... Ах, да, в шкафчике с чаем и кофе им самое место.

В недрах этого дома обязательно должен был быть подсвечник, но зачем его искать, если есть фарфоровое блюдо? Осколки бабушкиного сервиза в красный горох. Вышло даже симпатично.

Последними вздохами пламени поджигаю большую свечу, а малышка гаснет, прогорев до конца. Всё у меня никак у людей. Даже желание ухватить за хвост не успела.

В голове шумело всё сильнее и моментами казалось, что я плыву. Расстояние до стула или дивана растянулось на километры. Покорив очередную волну, сползаю на пол.

Прислониться виском к дверце холодильника – настоящее блаженство. Металл приятно холодит кожу. Если надавить

чуть сильнее, то даже кажется, что огненная пульсация утихает.

Совсем не так я мечтала отметить свои тридцать. Капкейк смотрит на меня с укором, но есть совершенно не хочется. От одного вида ядовито-зелёного крема, залитого потёками розового воска, тошнота подкатывает к горлу. Голова кружится. Мысли ускользают, не позволяя себя додумать. Хочется спать, но непонятная тревога не даёт расслабиться. Добраться бы до дивана, немного передохнуть и идти в темноту коридора искать щиток. Явно же пробки из-за обогревателя выбило.

Закрываю глаза и на секундочку отключаюсь.

Выныриваю из вязкой мути, когда слышу непонятный шум из коридора. Открыв глаза, вижу перед собой пару мужских кроссовок. С ногами в них.

Тут бы испугаться по-настоящему, это не безмолвная темнота, а вполне себе реальный и, возможно, опасный человек, но мысли растворяются в головной боли, а сверху звучит знакомый, тёплый, но обеспокоенный голос.

– Тебе плохо? – он уверенно спрашивает и присаживается на корточки.

Ну наконец-то. Очень хотелось посмотреть, кто там обладатель ног, но тяжёлая голова не позволяла.

– Угу, – тихо мычу, боясь вызвать очередную волну боли.

Прохладные пальцы касаются моего лба и нежным движением отводят волосы от лица. Они приносят мимолётное об-

легчение, и я тянусь за рукой как кошка, лишь бы продлить это чувство.

– Мирра, давай я уложу тебя на диван?

Сильные руки обнимают меня и качают на волнах теперь в реальности, пока голова не касается подушки на диване. Он укрывает меня пледом и собирается уйти, а я протестующе мычу, боясь снова остаться одна.

– Подожди минуту. Пойду посмотрю, что там со светом, и вернусь.

Его тело меня покидает, а в руках появляется кружка горячего чая. Отпиваю глоток, и тепло смывает часть острых осколков в горле. Я, видимо, снова проваливаюсь, но яркий свет потолочных светильников озаряет кухню и немного приводит меня в чувство.

Мы с Костей за шесть лет вместе проросли в друг друга. Знали и чувствовали. Всегда ловили настроение. Мы сплелись корнями, и будет очень сложно выкорчевать из сердца огромный кусок жизни.

Теперь совсем другая улыбка меня греет.

В книгах часто встречается выражение “слёзы закончились”, но у меня, кажется, запас в целое озеро. Они тихонечко катятся из уголков глаз, стараясь не беспокоить.

– У тебя аптечка есть? – он присаживается у дивана, а я в ответ могу только растерянно пожать плечами.

Об этом при сборе вещей я не подумала, а здесь если и оставались запасы лекарств, то они уже давно просрочены.

– Я тогда схожу к себе за лекарствами и деталями для котла. Посидишь одна немного?

Смотреть ему в глаза всё ещё немного стыдно даже в таком состоянии, да и отпускать не хочется, но я всё равно согласна киваю.

Он неожиданно нежно вытирает слезу со щеки и встаёт, чтобы уйти.

– Спасибо, Марк, – севшим голосом хриплю ему в спину.

– Я скоро вернусь. Задание – не плакать. Справишься?

22. Неожиданный подарок

Не успеваю понервничать по поводу ухода Марка, сразу засыпаю. Тёмное гудящее марево поглощает меня, как только смыкаются веки. Это даже не сон, а просто отключение сознания без картинок и ощущений.

– Мирра, проснись, – слышу сквозь туман, но глаза открывать не хочется.

Время ведёт себя очень странно. Такое впечатление, что Марк меня будит практически сразу. Или не сразу, я не понимаю. Он мягко гладит меня по плечу, и приходится осмотреться. Судя по тому, что обогреватель отключен, а в комнате тепло, сплю я уже довольно давно.

Марк носится со мной как с маленькой. Измеряет температуру, выдаёт жаропонижающее и целебный чай. Вкусный чай. На основе облепихи и каких-то травок. Я опознала только мяту. Он с первого глотка принёс облегчение.

Попутно Марк забалтывал меня всякой ерундой. Не уверена, что невнятное мычание может считаться участием в беседе, но всё же.

– На вид это самый неудобный в мире диван. Пойдём уложим тебя в кроватку? – сказал он, когда я допила вторую полулитровую кружку его фирменного антипростудного зелья.

Я с грустью посмотрела на лестницу, и он всё понял. Молча подхватил меня на руки и понёс. Меня! Это не так уж и просто. Я та ещё любительница булочек.

Он даже не запыхался, пока доставлял нас на второй этаж по узкой лестнице. Оставил меня одну, чтобы я переоделась, и вернулся через пару минут с водой и градусником.

– Тридцать семь и три. Скоро лекарство подействует и станет лучше.

Он укрыл меня, лёг рядом, поверх одеяла, своей прохладной рукой поглаживал меня по лбу.

Это была слишком интимная ласка и неожиданная забота от почти незнакомого человека. Даже несмотря на то, что между нами уже случилось. Почти случилось.

Мы о чём-то разговариваем. Я не улавливаю смысл диалогов. Скачем с темы на тему, которые никак не связаны между собой. Мне ужасно плохо, но уютно и спокойно. Проваливаюсь в темноту снова неожиданно. Наш разговор будто обрывается на полуслове. Цветные картинки снов размыты в акварельные пятна. Они переливаются нежно-пыльными оттенками аквамарина, индиго, аметиста. Прожилки золота вплетаются трещинами мрамора. Оно чернеет и затапливает весь свет.

Просыпаюсь я одна. Утро оказывается не таким ужасным, как обещал его вечер. Не знаю, что за колдовство применил Марк и как работает его зелье, но голова почти не болит, и у меня даже достаточно сил встретить этот день.

Спускаюсь со второго этажа, крепко цепляясь за перила. На ногах я стою твёрдо, но эта винтовая лестница меня всегда пугала.

Впервые за все эти дни просыпается аппетит. На подходе к кухне меня встречает тихое позвякивание посуды и восхитительно-горький аромат кофе, от которого текут слюнки. К нему идеально подошёл бы вишневый тарт. Тоненькое хрустящее песочное тесто, кислая сочная начинка с упругой мякотью, лепестки миндаля для украшения. Если добавить шарик мороженого, можно будет сойти с ума от счастья. Не жалко.

Надеюсь, в морозилке найдётся вишня. Отчим не мог не привезти, он знает, как её люблю. Могу съесть всю упаковку и не заметить. Не размораживая, ага.

Я уже распланировала, как буду готовить и продумала, что делать, если не найдётся нужных ингредиентов, но тихое и уютное утро – это не про меня, да?

Сердце тревожно застучало, когда я заметила, как на диване абсолютно бесстыдно развалился огромный букет алых, почти чёрных роз в обрамлении крафтовой бумаги. Полуметровые ножи и крупные плотные бутоны, как для идеальной инстаграмной картинки. Никогда не любила такие. Они совсем не про меня.

Неужели я вчера сболтнула Марку про День рождения?

23. Красная роза – эмблема любви?

У всех роз бутоны как близнецы. Каждый будто выверен до миллиметра. Идеально бархатные, идеально ровные до последнего изгиба лепестки. Ни одного лишнего листика, ни одной колючки. Эта искусственная, почти стерильная красота очень пугает. Представляю, как за малейшую погрешность их отбраковывают на сорт ниже.

Впрочем, у людей всё точно так же. Если ты выделяешься из большинства, тебя могут не взять на работу или просто выкинут из “приличного общества”. Чем ты ярче, тем сильнее тебя пытаются подогнать под рамки. Или, в противном случае, вытесняют из своего круга.

Если бы я была цветком, то точно пионом. Весенним, растрёпанным, рассеянным. Источала головокружительную энергию, заряжая, увлекая за собой, с каждым дуновением ветра теряя лепестки. Все, кого любила и кем дорожила, уходя, забирала с собой частичку меня. Все эти люди клялись в вечной любви, верности, дружбе. Каждый раз пытаюсь обтесать меня под личные хотелки. И всех до единого пришлось отрывать прямо с кожей. Потому что я никогда не умела пускать в свою жизнь людей, не доверяя им своё сердце.

Кончиками пальцев пробегаюсь по бутонам цветов. Внешний вид не обманул. Они совсем не “мои”. Они идеально гладкие, нежные, алые. В тон помады той самой девицы, ко-

торуую так страстно целовал мой...

Не успеваю додумать эту мысль, как из кухонной кладовки выходит Костя.

Пальцы сразу же холодеют от страха. Сердце стучит где-то в горле, не позволяя дышать. Нет, нет, я не готова сейчас с ним разговаривать. Я и присутствие его непонятно как вынесу.

Простые джинсы и футболка сделали его уютно-домашним, родным до боли. В последнее время он столько торчал на работе, что я уже и забыла, как может выглядеть без своих костюмов.

Впиваюсь ногтями в ладонь, оставляя красные полумесяцы. Больно. Пока пытаюсь понять, в какой вселенной проснулась, он проходит мимо и, как обычно, целует в нос. Простая, привычная ласка. Ничего особенного. Но свежую рану, только-только покрывшуюся хрупкой, тонкой корочкой, сдирают снова до крови. Сдирают с особым удовольствием. Больно. Зачем он это делает? Зачем?

– Доброе утро. Я надеялся застать тебя в кровати. Не успел немного со своим сюрпризом. Понравились? – кивает на розы и уходит к кухонному островку.

Он говорит, а я не могу и слова вставить. Неужели он думает, что после произошедшего, всё будет так просто? Я пристворюсь, что ничего не видела, не слышала, и всё будет как раньше? Будто мы отмотали время и ничего плохого с нами и не случилось. Но насколько отматывать?

К вечеру четырнадцатого февраля? Я останусь дома и ничего не узнаю.

На несколько месяцев? Я замечу изменения в его поведении, буду больше уделять внимания и всё наладится.

В тот вечер, когда мы впервые целовались? Не пойти в аудиторию, а сразу уехать домой. Или лучше даже не приходиться на ту вечеринку вовсе.

Нет правильного ответа.

– Поднос вот нашёл, хотел завтрак принести. Совсем немного не дождалась, – махнув рукой, продолжает увлечённо что-то раскладывать по тарелкам.

Он что-то говорит, и я вроде бы даже различаю слова, но связать их вместе не получается. Он приехал поиздеваться?

Паника тянет ко мне свои жадные руки. Бежать больше некуда. Я заперта в клетке с клыкастым зверем.

– Вчера никак не смог вырваться.

А вот эти слова очень чётко бьют в цель, и не ответить я не могу.

– Она не отпустила? – голоса у меня практически нет, но он всё прекрасно понимает.

Костя вскидывает предупреждающий, злой взгляд. Он уже готов высказать мне всё за игру мимо сценария постановки “ничего не было”, но из коридора слышится звук открывающейся двери и шагов, на кухню заходит Марк.

24. Всё в порядке

Войдя на кухню, Марк оценил обстановку и сразу всё правильно понял. Мне достался встревоженный взгляд, а Косте – улыбка, больше похожая на оскал.

– Мирра, всё в порядке? – спросил Марк, отдавая мне принесённую с собой, небольшую плетёную корзинку, накрытую тканевой салфеткой.

Оттуда пахло летом, и будь это обычное утро, я бы уже засунула туда свой лисий носик для проверки содержимого.

Я кивнула Марку мол “всё в порядке” и перевела взгляд на Костю. Он был изрядно удивлён всем происходящим. Да так, что даже нервно крутил обручальное кольцо. Обычно он железно сдерживает свои эмоции, но сейчас что-то пошло не по плану.

Марк стоял между нами. Не закрывая вид, но при этом пряча меня за спиной. Тёплый пряный аромат его парфюма и кожи нежно укутывал и успокаивал. От такой защиты стало немного уютнее даже под колючим взглядом Кости.

– Представишь нас? – выплёвывает сквозь зубы муж, глядя мне в глаза.

– Не думаю, что это уместно, – мой голос хрипит, ломается, но я старательно выговариваю слова как можно чётче, несмотря на боль в горле.

– А заводить хахалю, сбежав от мужа, уместно?

Горячая волна стыда обжигает лицо. Пальцы сжимаются на корзинке, и слышен тихий хруст лозы. Ведь я, и правда, чуть не решилась.

– Костя!

– Что “Костя”? Твоя мать уверяла, что “бедная девочка страдает без мужа”, что “бедная девочка сбежала на эмоциях, но это ничего не значит”, а девочка просто развлечься решила, да? Тогда какие претензии ко мне Мирослава?

Вот теперь включился хладнокровный юрист Константин Жданов. На лице ни единой эмоции, руки спрятались в карманах, чтобы не выдавать лишнего. Но главное оружие – факты, вывернутые наизнанку, которые работают только в его пользу.

– Я не зря ни на секунду не поверил в твою истерику. К чему были все эти слёзы? Или это опять твоя придурь: накрутить побольше драмы вокруг своей персоны?

Он склоняет голову набок, рассматривая меня, как букашку. Кривит губы в отвращении и наносит удар за ударом. А я смотрю в его жестокие, но всё ещё любимые глаза и не могу понять, кто этот человек и почему он так невыносимо похож на моего мужа. Если он разлюбил или не любил никогда, зачем специально делает мне так больно?

Неглупые обвинения слышать больно. Нет. Он всегда во время скандалов выпаливал что-то обидное, чтобы задеть сильнее. Больно понимать, что за шесть лет он так и не узнал, не понял меня. Меня настоящую.

Даже розы в очередной раз это доказывают. Он за шесть лет так и не запомнил, что я их не люблю. Что мне не нужны огромные, пафосные букеты, широкие жесты и роскошные рестораны.

Мне всегда нужен был только он. Возможность погреться в его объятиях и забыть все беды, слушая стук его сердца.

– Когда же ты поймешь, что это не спектакль и театральные жесты в жизни неуместны?

От его ледяного тона по телу разбегаются колючие мурашки. Возвращаются, уничтоженные волшебным зельем, головная боль и выкручивающая суставы ломота в теле. С неприятной болью в переносице и висках закипают слёзы на глазах. Но их нужно сдерживать любой ценой. Костя больше не тот, кому я могу это доверить.

Температура возвращается, и меня снова начинает качать на волнах. Голова кружится, и я хватаюсь за предплечье Марка, чтобы не упасть. Мне не нужно просить, он усаживает меня на диван, освобождая его от цветов, просто сбрасывая их на пол. Садится на корточки передо мной и, заглядывая в глаза, нащупывает пульс на запястье. Хмурится с каждой секундой всё сильнее. Ласково поглаживает чувствительную кожу и, поднимаясь, неожиданно целует в нос.

Пока я пытаюсь прийти в себя от шока, Марк подхватывает идеально-алое безобразие и, подойдя к Косте, впечатывает всю эту прелесть ему в грудь. Роскошный фейерверк из лепестков осыпается на пол кровавой лужицей. Аромат

травы и немного химической свежести захватывает всё пространство кухни.

– Тебе, кажется, пора.

Я резко вскакиваю с дивана, чтобы остановить это сумасшествие, голова кружится всё сильнее. Хочу схватиться за подлокотник, чтобы не упасть, и забываю, что у меня в руках корзинка, принесённая Марком. Она с неприятным хрустом падает, и по полу разбегаются крупные красные ягоды клубники. Передо мной минное поле из ароматных осколков лета. Я остаюсь стоять у дивана, чтобы не давить ягоды ногами.

– Марк. Не надо, пожалуйста, – голос срывается, и к концу фразы превращается в хриплый шёпот.

– Я просто провожу, – поднимает ладони, до этого впечатывающие букет в грудь Кости, вверх.

Розы падают ещё одним бархатным всплеском, разливая алое море всё шире.

– Кого ты провожать собрался? Я её муж. Она хоть сказала, что замужем, прежде чем в постель к себе заманивать?

Марк шепчет одними губами “Прости”, хватая за ворот рубашки и от души встряхивает Костю. А дальше, как в том самом страшном сне, когда пытаешься кричать, а голоса нет.

Они стоят всего лишь в нескольких метрах от меня, но не слышат. И тогда я делаю самую глупую вещь, которую может совершить девушка во время начинающейся драки двух мужчин.

Взрывая ступнями лето, ныряя в бархатное озеро, вклиниваюсь между ними, пока не начали махать кулаками. Прижимаюсь спиной к Марку, чтобы не упасть на влажных от сока клубники ступнях. Он нежно придерживает меня за талию и шумно дышит куда-то в макушку. Тепло его тела согревает и даже, кажется, придаёт сил.

– Костя, ты очень-очень поздно вспомнил, кто именно твоя жена. Пускай тебе всё кажется наигранным спектаклем, но это я. Я настоящая, которую ты так и не узнал за шесть лет. Не получится притвориться, что ничего не было, пойми ты! – хриплю на одном дыхании, и, когда тянусь отвести волосы от лица, острые бриллианты на кольце царапают кожу.

Я разглядываю кольцо, будто впервые вижу. Символ нашей любви из самого любимого украшения превратился в обычную железку. Всё ещё очень красивую, но не мою.

Любуюсь переливами камней в солнечном свете. В последний раз.

Освобождаюсь из объятий Марка и делаю несколько шагов к Косте. Мучительно больно смотреть в его глаза, но я не отвожу взгляд. Его лицо теряет очертания, размывается и остаются только глаза, в которые я так отчаянно когда-то влюбилась.

Нежным движением веду по предплечью вниз. Разворачиваю ладонь и вкладываю кольцо.

– Уходи, Костя...

25. Вместе с ветром

Костя разглядывает кольцо на ладони, будто впервые видит. Будто, и правда, только сейчас понял, что “нас” больше не будет.

Кажется, он его сразу выбросит, но нет. Сжимает руку в кулак и прячет в карман. По-прежнему вижу только глаза, всё остальное в тумане. Он был моим столько лет, и я точно знаю: в самой глубине за сотней масок он прячет боль и горечь утраты.

Забирает телефон, куртку и, громко хлопнув дверью, вылетает из дома. С этим звуком обрывается последняя ниточка, протянутая от моего сердца к сердцу Косте. Кажется, она – последнее, на чём я держалась.

Аромат роз въедается в кожу, забивается в ноздри, с каждым вдохом делая всё больше. Слезы затапливают, ноги подкашиваются. Марк каким-то чудом успевает меня подхватить, пока я не утонула в алом море лепестков. Он усаживает меня на диван, аккуратно вытирает ступни от клубничного сока и просто не мешает мне оплакивать своё горе.

Не знаю, сколько времени провожу, уткнувшись лицом в подушку, но, когда вынырываю во внешний мир, пол больше не украшает кровавое безобразие, исчез запах роз и бардак, устроенный Костей на кухонном островке. Марк опять колдует над своими зельями и, когда замечает на себе мой взгляд, приносит кружечку чего-то бруснично-малинового. Забота и внимание согревают не меньше чая. Тепло разливается не только по телу, но и в душе. А ещё становится невыносимо стыдно за всё, что он увидел.

– Прости, за эту сцену. Я не...

– Мирра, не нужно оправдываться. Ты не виновата в том, что он идиот. Независимо от того, что между вами произошло, так вести себя с женщиной, тем более которую сам выбрал, неприемлемо.

Не знаю, что ему ответить, и просто прячусь за кружкой. Прав. Во всём прав. Только как я не замечала все эти годы такое отношение?

Марк приносит градусник и измеряет мне температуру.

– Тридцать шесть и восемь. Ты как себя чувствуешь? Хочешь проветрится? – протягивает мне руку в приглашающем жесте, и я не могу ему отказать.

Десять минут на сборы, из которых семь уходит на то, что я зависаю у открытого крана с холодной водой. Просто дышу. Просто пытаюсь расслабить, успокоить тело и смыть мой привычный уже макияж – опухшие веки и пятна от слёз.

Оставшиеся три минуты – на то, чтобы одеться и прыгнуть в машину Марка. Мы мчимся по набережной. На улице ярко светит солнце и, несмотря на недавно сошедший снег, очень тепло. Открываю окно, вдыхая соль и йод. Ловлю руками мягкие потоки воздуха. Белая полоска кожи на пальце приковывает взгляд. Я очень редко снимала кольцо.

На свадьбе, во время выездной регистрации мы должны были читать клятвы друг другу. Но как только ведущий выдал мне микрофон и произнесла первые слова, расплакалась. Эмоции переполняли и просились на выход. Говорить, особенно во всеуслышание, было невозможно. Гости шептались, не понимая, что происходит, а нам было всё равно. Мы просто обнялись и тихо шептали на ухо друг другу самые важные слова. Не думаю, что тогда это было неправдой. Просто где-то после мы разминулись, потерялись... А найти он меня так и не пробовал.

Марк паркует машину на смотровой. Бескрайнее, уходящее за горизонт море сегодня спокойно. Переливаясь тыся-

чами оттенков синего и голубого, оно ластится к берегу с тихим ш-шух-шух.

Мы стоим на самой вершине горы, и вид открывается умопомрачительный. Маленькая уютная бухта с пустым причалом и пляжами, посёлок, расчерченный дорогами улиц и заставленный уютными домиками. В детстве я проводила здесь каждое лето. Самое счастливое и беззаботное время. Не замечаю, что замерзаю, но Марк молча отдаёт свою толстовку пыльно-оливкового цвета. Я в ней практически тону, рукава свисают, но в них удобно прятать пальцы. Он уходит в машину, оставляя меня одну.

Весь кошмар, происходящий в моей жизни, настолько не вписывался в это место, что я отпускала его вместе с ветром. Он треплет волосы, выгоняет слёзы из уголков глаз. И я кричу изо всех сил. Всё до последней капли вкладываю в крик и отпускаю. По-настоящему отпускаю Костю, назначая его прошлым.

Ещё немного дышу и возвращаюсь в машину. После шума ветра и моря в машине оглушающе тихо. Марк молча тянется на заднее сидение и достает такую же корзиночку, как приносил сегодня утром. Это было всего несколько часов назад, а ощущение будто прошла целая жизнь.

Под тонкой кружевной салфеткой скрываются крупные сочные ягодки. Они пахнут солнцем и счастьем.

– Откуда? – спрашиваю и, не уточняя мытая ли клубника, откусываю первую.

Я думала это будет обычная зимняя импортная ягода со вкусом травы. Но нежная мякоть взрывается неожиданно сладким соком.

– У меня свои теплицы. Первый ранний урожай собрали. Как тебе?

– Она на вкус как настоящее лето, – восторженно хриплю и, подхватывая за хвостик, беру следующую.

– Как и ты. Вроде бы нежная, как весна, но горячая и сладкая, как лето.

Пока я краснею и задыхаюсь от этого комплимента, Марк наклоняется и нежно касается губами, не углубляя поцелуй.

26. Поцелуи и не только

Никогда не любила целоваться.

История этой нелюбви началась в детском саду с самого первого поцелуя в моей жизни. Мы с мальчиком по имени Рома дерзко сбежали с сон-часа и спрятались в раздевалке. Сам поцелуй не запомнился, а вот то, как воспитательница нас поймала и отругала при всей группе, оставило сильный след. Мама, пришедшая за мной в конце дня, краснея выслушала часовую лекцию о том, какая её дочь распущенная и это в пять лет, что же будет дальше?!

В школе было что-то невнятно-слюнявое, что абсолютно никакой радости и восторгов не приносило. Все подружки завидовали самому наличию парня, а не его умениям. В выпускных классах было пободрее, но тогда же случилась первая драма.

В универе поначалу было не до этого. Маленькому интроверту пришлось налаживать отношения с коллективом, вливаться в новый ритм учёбы, привыкать к самостоятельной жизни в большом городе. Счастье, что у меня была Машка, за которую я всегда держалась.

Потом были свидания, недолгие отношения, но никто из этих парней не уделял должного внимания поцелуям.

А потом случился Костя. Его прикосновения губами были не обещанием, а уже огнём. Опасным, жарким, пожирающим всё на своём пути. Не оставалось никаких границ и рамок. Весь мир исчезал. Хотелось всех, даже самых запретных удовольствий. Лишь бы с ним. Гореть кожа к коже и тонуть в черноте глаз, забывая себя.

Марк целует, касаясь легко, почти невесомо. Его солёные от морского ветра губы усиливают мой клубничный вкус. Усталость не даёт до конца разобраться в том, что я сейчас чувствую.

“Вижу” только разбегающиеся мурашки от прикосновения к уголку губ.

Только тихую нежность, когда разъединяются губы, мы прислоняемся лбами и просто дышим друг другом.

Только неожиданное тепло в районе солнечного сплетения, когда он проводит кончиками пальцев от виска вниз к подбородку, большим пальцем очерчивая контур лица.

Только заботу, когда касается губами лба, проверяя тем-

пературу.

– Негорячая. Ты как себя чувствуешь? Съездим пообедать или отвезти домой отдохнуть? – говорит, пристёгивая меня ремнём безопасности.

Волшебство момента не тает, даже когда он отрывается, заводит машину и выруливает со стоянки к спуску по крутому серпантину.

– Домой, – есть совсем не хочется, а вот усталость после всех пережитых и выпущенных на волю эмоций накрывает.

– Только давай сначала заедем поближе поздороваться, – добавляю, немного помедлив, и показываю Марку пальцем на вид из окна, где игривое море уходит далеко-далеко за горизонт.

Он кивает, молча улыбается и, изредка поглядывая на меня, спокойно ведёт машину. Очень спокойно. Я бы уже вся издёргалась на узкой, даже не двух-, а полутора полосной дороге. Страх увидеть встречную машину или случайно не вписаться в поворот выворачивает внутренности даже на пассажирском сидении. А Марк ничего. Сидит спокойно, одной рукой выкручивая руль.

Золотые лучи играют в его волосах. Хочется пропустить

сквозь пальцы кудри, подсвеченные солнцем. Попробовать их мягкие пружинки на ощупь. Немного потянуть, проверяя упругость.

Марк снова переводит взгляд с дороги на меня, подловив на разглядывании, и я смущённо отворачиваюсь к окну. Мы уже мчим по пока пустой от туристов набережной. Сложенные стопкой лежаки, затянутые клеёнкой, сложенные зонтики и ни-ко-го вокруг.

Как только подъезжаем к пляжу, я вылетаю из машины, бросая Марку короткое “Я скоро”. Аккуратно, боясь поскользнуться, бегу к морю. Солнечные блики играют в лёгких волнах. Идеальную гладь воды от самого берега до горизонта нарушают только несколько танкеров, видимо, ожидающих захода в порт в соседнем Новороссийске, и небольшая коряга, которую волны вынесли на пляж.

Кора с ветки, видимо, стесалась о мелкую гальку, и поверхность была заполирована до гладкости. Она была похожа то ли на рога оленя, то ли на витиеватую рогатку, но, проводя подушечкой пальца по плавным изгибам, увидела, как может заиграть эта вещица.

Если бережно проделать маленькие отверстия в веточках, в которые продеть тоненькую леску, чтоб узор напоминал изящную паутину, добавить прозрачные искрящиеся капли

стекла и...

Я сама не заметила, как сунула корягу подмышку, достала смартфон и начала зарисовывать макет будущего ловца, прямо на ходу, смело шагая к машине по влажной гальке. Очнувшись на половине пути, поняла, что произошло.

Мир необратимо сдвинулся, но стал на полтона ярче. Он стал только моим. А в руках снова пульсировало вдохновение.

Обращённое к морю “Спасибо” одними губами и бежать. Бежать к машине, чтобы скорее очутиться дома. Скорее к моим материалам, пока тонкая, почти прозрачная магия не рассыпалась пеплом.

Всю дорогу увлечённо рисую эскиз. Кажется, если не успею, упущу ниточку и потеряюсь навсегда. По приезду Марк обещает, что зайдёт то ли вечером, то ли утром, а я, негостеприимно захлопнув дверь у него перед носом, несусь к своим сокровищам. Вычурные бусины из цветного стекла не подойдут. Бисер, стеклярус – тоже мимо. Где-то у меня была одна из самых ценных зачачек.

Несколько лет назад я влюбилась в украшения одного ювелира. Они были похожи на эльфийские сокровища. Осо-

бого волшебства добавляло то, что “камни” были сделаны из стеклянной крошки. Обычные бутылки из прозрачного и цветного стекла, превращались в настоящие драгоценности.

Костя, узнав о том, как я восхищена, заказал сережки и каким-то чудом уломал мастера сделать для меня небольшую партию крошечных капелек разного размера. Я берегла их для особого случая. Кажется, это именно он.

Контейнеры, убранные в дальний угол, манили и пугали одновременно. Опасливо подбираюсь и стараюсь бесшумно открыть крышку. Будто лишний звук спугнёт дикого зверя. Страх исчезает, когда пальцы осторожно касаются баночек. Я не останавливаюсь, пока не нахожу все нужные материалы, но больше сил ни на что не хватает. Даже собрать разбросанные почти по всей комнате инструменты. Аккуратно огибая островки на полу, пробираюсь к кровати и проваливаюсь в тревожный сон, как только укутываюсь в одеяло.

Мне невыносимо жарко, душно, и какая-то назойливая муха зудит на ухо. Она ненадолго замолкает, и зуд повторяется снова. Я пытаюсь отмахнуться, но с закрытыми глазами промахиваюсь, и всё повторяется сначала. Приходится ненадолго прийти в себя, чтобы выяснить, что же происходит. За окном стало темно, и комнату освещает только мигающий экран телефона. Кто-то пытается дозвониться. Так вот что

это за муха. В темноте комнаты экран слепит, изображение размывается, я не вижу, кто там звонит, и, только чтобы избавиться от этого звука, беру трубку.

– Да? – хриплю в трубку первой, потому что собеседник молчит.

– Ну и как ты могла?!

27. Делай мне больно

Голова тяжёлая, в ушах гулко бьют барабаны, и этот звук, умноженный эхом, звенит в голове. Всё тело мокрое от пота, волосы прилипли к лицу. Жарко невыносимо. Я так и заснула в толстовке Марка, надетой поверх свитера, ещё и в одеяло завернулась, как в кокон. Отличная сауна вышла.

Никак не могу отойти ото сна и не понимаю, что от меня хочет голос в трубке.

– Мама? – говорю, но во рту пересохло.

Звук получается царапающим до мурашек, но она, кажется, этого не замечает.

Подтягиваю к себе стакан с водой с тумбочки у кровати. Приходится сесть на постели, преодолевая боль в затёкших мышцах. Ноги будто покалывают сотни тоненьких иголочек.

– Мама, мама. Мирка, ты что там вытворяешь?! Почему Костенька со мной и разговаривать не стал, когда я ему позвонила? – она громко и строго выговаривает каждое слово.

Вот это пренебрежительное “Мирка” на фоне “Костеньки” звучит очень отрезвляюще, я окончательно просыпаюсь.

– Мам, а ты зачем ему звонила?

— Узнать, как он съездил к тебе! У меня сердце не на месте, я же переживаю за вас!

– Откуда ты знала, что он приедет?

– Мы вчера разговаривали. Я рассказала, как ты переживаешь сильно и что на даче окопалась.

Так вот откуда ветер дул. Не то чтобы я удивлена, с тех пор как я познакомилась с Костей, мне всегда казалось, что она любит его чуточку больше. Всё равно неприятно, что ради чужого человека мама задвинула меня и мои чувства на второй план. Так бывало и раньше. Но когда я истекаю кровью, а она остаётся на стороне моего врага, слова ранят ещё больнее.

– Зачем? Мам, ну зачем, скажи, пожалуйста? Я же тебе говорила, что не хочу его видеть, – слишком резко пытаюсь встать с кровати и разбрызгиваю воду.

– А затем! – припечатывает поучительным тоном и про-

должает на одном дыхании говорить совершенно ужасные вещи: – Ты не дури! Четвёртый десяток уже. У тебя мужик богатый и любящий. Ну, сглупил он, поддался порыву. Но не портить же из-за этого отношения! Девочек может быть много. Но ты же жена! Потерпела бы. Всё равно к тебе вернётся! Гордость – это прекрасно, можно из него даже верёвки вить. Пускай побегаёт, извиняется. Но недолго! Если одна останешься, есть что будешь? Ты же ни разу на нормальной работе не работала. Всё бусы да перья твои!

– Мам, я отлично зарабатываю и без поездок в офис с восьми до пяти. Я люблю своё дело, – себя защищать нет никакого смысла, но вот тут я промолчать уже не смогла.

– Вот если бы у вас дети были, быстро бы назад побежала! С малышом в бусах долго не покопаешься! Все твои заработки быстро бы закончились.

– Но у нас нет детей. И уже не будет. Мама, пожалуйста, хватит.

– Что значит хватит?! Ты что себе думаешь? – её голос срывается на визг.

А я отбрасываю телефон на постель. Пускай выскажется. Но без меня.

Динамик хрипит на половину комнаты. Не могу это слушать. Достаяю из комода чистую пижаму, уютные носочки и, перепрыгивая через кучки разбросанных материалов, выхожу из комнаты. Мне в спину звучат крики, но я плотно закрываю за собой дверь.

Трубку положить было бы ещё страшнее. Мама если начинала ругаться, то давила как танк, до конца. Всегда. Нельзя было просто отключиться. На этом никогда не заканчивалось, с этого всегда только начиналось.

Как только я сбрасывала первый звонок, тут же раздавался новый и в трубке звучало: “Если ещё раз положишь трубку...”

Варианты шантажа менялись в зависимости от моего возраста, ситуации и её настроения.

“Не получишь игрушку”, “лишу карманных денег”, “выкину твоего кота из дома”. Последнее она бы никогда не сделала, любила Васяна безумно, но давить на что-то было необходимо.

А дальше обычно начинался почти бесконечный монолог о том, как я не права и что нужно срочно предпринять для

исправления ситуации. Желательно начать думать и делать по-другому уже в процессе разговора.

Сейчас особенно остро чувствуется, насколько мы разные. За своим опытом она не видит не только моих чувств, но и меня саму. Она помнит только то, как мы остались вдвоём без какой-либо поддержки.

Болезненные осколки детства вспышками проносятся перед глазами.

Работая на рынке продавцом одежды с шести до шести, в минус двадцать зимой и плюс тридцать пять летом в открытом павильоне, мама умудрялась ещё шить по ночам.

– Мирок, я дома! – переступая порог и волоком затягивая в квартиру огромный мешок, кричит мама.

– Подработку взяла. Анжелка с пятого шторы подшить попросила. А она нам вот! – с этими словами она достаёт из мешка несколько платьев, свитер, брюки.

– Это же вещи Вероники, – кривлюсь я.

Это дочка той самой с пятого. Учится в параллельном классе. И не сказать, что мы дружим. Она ещё выдумает ка-

ких-нибудь гадких подробностей про то, как моя мама унижалась ради этих вещей, расскажет всем, и ей обязательно поверят. Слушать меня никто не станет. Смеяться будут долго.

– Да, у неё размер побольше твоего. Немного подшить придётся, зато всё как новенькое! Вероника умеет аккуратно одежду носить!

Ох, эта прекрасная Вероника. Только никто и не догадывается, как она курит за школой и зачем ходит с парнями в заброшенные теплицы. Молча разворачиваюсь и ухожу в свою комнату.

– Эй, ты чего? Хоть бы спасибо сказала!

И я ей искренне была благодарна. За то, как она борется за наше выживание. Не раз слышала, как она плачет по ночам, думая, что рокот швейной машинки перекрывает всхлипы. Слышала, как она в особо тяжёлые дни воеет, уткнувшись лицом в подушку. Я не могла ей с этим помочь и поддержать. Просто не умела выражать свои эмоции. Кажется, я была настолько заморожена, что и чувствовать ничего не могла. Не только ей было больно.

Наверное, сейчас она боится, чтобы я не попала в такую

же ситуацию. Но даже если так, почему мама не хочет услышать меня? Увидеть, насколько другая моя ситуация.

Сейчас меня точно не хватит на выяснения отношений. Запираюсь в ванной, выкручиваю воду на полную. Слой за слоем сдираю с себя одежду. Она летит на пол, а я – под горячий душ. Намыливаю тело три раза пеной. Натаируюсь колючей мочалкой. Хочется до скрипа отмыть этот день от себя. Останавливаюсь, только когда кожа становится красной и очень чувствительной. И если ещё чуточку потерять – синяков не избежать. Тщательно смываю мыло, упаковываюсь в пижаму и можно идти на охоту за чаем.

Марк оставил своё антипростудное зелье. Из заварника пахнет зачарованным лесом, весенними цветами, сладкой земляникой и перечной мятой. С каждым глотком чай согревает и придаёт сил, будто, и вправду, волшебный.

Замечаю на комодe свою сегодняшнюю находку. В груди загорается слабенький огонёчек. Переключаю все силы на него, отсекаю всё лишнее, чтобы только не погас. Тону в огромном кресле у окна и рассматриваю каждый миллиметр коряги. Поглаживаю пальцами плавные изгибы. Карандашом размечаю места для будущих отверстий под леску.

Теперь неплохо бы сходить забрать коробку с отобранным

инструментом, но открывать дверь, за которой лежит телефон, совершенно не хочется. Так и продолжаю сидеть, поглаживая тоненькие веточки и медленно уплывая в сон.

Кажется, что кто-то открывает дверь и шуршит в прихожей, но сон оказывается сильнее любопытства и страха.

28. Марк

Стук ложки о бока гранёного стакана, жёлтый абажур с засаленными сосульками бахромы и тихий рокот радиоспектакля делают каморку уютнее на тысячу процентов и возвращают в детство.

– Иваныч! Ты угощал меня малиновым вареньем, помнишь?

– А то как же. Понравилось?

– Да. Продай банку.

Он смотрит на меня прищурившись. Ему даже пальцем у виска крутить не нужно, взгляд всё предельно ясно объясняет: “Идиот, ты, Марк Ожёгов”.

– А тебе на кой? Есть, что ль, будешь?

– Буду.

– Сам?! Цельную банку?

– Сам, – цежу сквозь зубы, а он тихо смеётся в седые усы, но уходит в свои закрома прихрамывая.

Мне кажется, я никогда не привыкну к тому, с какой скоростью разносятся по деревне сплетни. Похоже, меня кто-то увидел сегодня с Миррой, и уже разнесли чайки!

Щедрость деревенская также безгранична. Иваныч возвращается с полной корзиной позвякивающих банок.

– Смотри, малина, брусника, абрикос, тут всё понятно. Это опять прошлогодние. И вот, – поднимает на уровень глаз одну из банок и говорит с особой гордостью и блеском в глазах: – Белые! Сам собирал и закатывал!

Заботливо оборачивает каждую банку в газету и утрамбовывает обратно в корзину.

– Всё, вали к своей принцессе! – вручает мне гостинцы и провожает щедрым ударом по плечу.

Про деньги заикаться боюсь, непонятно, каким ещё наказанием это мне обернётся.

Уже в машине замечаю, что на часах половина десятого. Хотел заехать проведать Мирру пораньше, но бесконечный

список дел не отпускал.

В это время жизнь замедляется. В тишине пустых улиц резвится только шум моря и ленивый собачий лай. Летом даже в нашей глуши будет слышен смех и грохот музыки до самого утра. А пока посёлок будто напитывается спокойствием, чтобы пережить очередное нашествие туристов.

Доезжаю за несколько минут, замечая свет в её окнах, паркуюсь и направляюсь к дому.

Входная дверь оказывается открытой. Тёплый свет льётся из гостиной. Там, в огромном кожаном кресле, прижав к груди найденную сегодня днём ветку, спит Мирра. Светло-русые волосы выбились из косы и укрыли её лицо от моего взгляда. Пижама вроде бы обыкновенная, в светло-голубых тонах. Но вот изображение белого медведя, которого тошнит ёлкой, прекрасно. А самое удивительное, что на ёлке радостно горят светодиодные огни!

Мирра вся будто соткана из миллиона мелочей, сотен противоречий и чистой любви. Совершенно разных деталей, непохожих, но так чётко подобранных, что складываются в идеальную мозаику.

Аккуратно, стараясь не разбудить, откладываю корягу,

подхватываю Мирру на руки, чтобы отнести в постель. Невольно зарываюсь носом в волосы. Сладкий аромат пьяной вишни в шоколаде кружит голову. Она доверчиво жмётся сквозь сон, согревая дыханием шею, и что-то невнятно бормочет.

Что ж ты делаешь, девочка, я и так держусь из последних сил.

Никак не могу выкинуть из головы наш вечер знакомства. Она так горела в моих руках, что можно с ума сойти.

Прижимаю к себе крепче, поднимаясь по дурацкой лестнице. Но она оказывается не последним квестом. Открыв дверь в спальню, замечаю лабиринт на полу из странных вещей. Какие-то цветные банки, которые сбились в стайки по оттенкам. Множество маленьких коробочек и свёртков. Странные круглые штуки, разложенные по размерам. Кажется, это что-то для вышивания.

Аккуратно перешагивая все эти островки творчества, укладываю Миру на подушки. Начинает ворочаться и, кажется, проснётся, но она только подтягивает за шею к себе ближе и нежными губами касается щеки лёгкими поцелуями.

– Спокойной ночи, Костик, – тихо бормочет, поворачивается на другой бок и засыпает.

Костик. Этот лесной олень заслужил куда больше, чем пары дружественных тычков букетом. Он должен понять, что нельзя безнаказанно ломать людей.

Чувствую, что он обязательно вернётся. Невозможно, побывав рядом с Миррой, отказаться от её света.

Если ещё раз сунется, точно не стану себя сдерживать. А пока...

29. Точно доброе?

Сосед сверху опять достал перфоратор. Значит уже восемь утра. Его многотрадальный ремонт ввинчивается мне в мозг по утрам уже месяцев восемь.

У них вся семья музыкальная. После обеда домой со школы возвращается младший и три часа к ряду играет на скрипке. Этот хотя бы сносно. Старший же приходит к семи и мучит несчастное пианино. Я считаю это преступлением против музыки и человечности, а его родители – явно очередным шедевром.

У меня было наоборот. В тринадцать мы с Машкой нашли кружок по вокалу и как-то быстро и плавно в него влились, что уже через несколько месяцев начали выступать с коллективом. Но каждый раз я слышала: “Вот Машка – умница, и костюм сидит, а тебе бы похудеть”, “А кто это в первом ряду? Обалдеть, как поёт красиво”. Я всегда оставалась за кадром или была удостоена равнодушного кивка. Но самым страшным оказалось не это.

– Мирочек, хорош реветь, макияж потечёт, – гладила меня по плечу Машка. – Я уже позвонила твоей маме, скоро

приедет, она успеет.

Мне было уже шестнадцать, и я переживала первую драму в своей жизни. Выступления никто не отменял, но внимательность упала до нуля и сбылся самый страшный кошмар. Выходя из дома в разобранном виде, я взяла не тот чемодан с костюмами.

– А вон и она.

Я так рада её видеть, что бросаюсь обнимать. Между нами такое случается крайне редко.

– Мирка, ну ты чего.

– Спасибо, мам. Ты останешься? Я сейчас для тебя билет попрошу, – разворачиваюсь, чтобы пойти к организаторам, но она ловит меня за рукав и возвращает обратно.

– Нет, я поеду. Что я там не видела?

Ну да. Всё видела. И не по одному разу. Но почему-то в сердце гаснет ещё один огонёчек. Каждая подобная мелочь нас всё сильнее отдаляет.

Так что я завидую пацанам сверху. Их слушают, даже если

совсем не хочется, их поддерживают, даже если это полный провал.

Сегодня я как никогда рада сверлу, которое, с каждым “бз-з-з-з-з” врезается всё глубже в висок. Эти адские звуки выдернули меня из ужасного сна, в котором я застаю Костю за изменой. Всё было до сбившегося ритма сердца естественно, и только тёплые руки, укладывавшие спать, убедили, что это всего лишь сон.

Перфоратор стихает, и я почти засыпаю, чтобы в этот раз увидеть что-то хорошее, но тут же громкое “бз-з-з-з-з” как бы отвечает “размечталась”.

От возмущения резко сажусь на кровати, открываю глаза и понимаю, как сильно обмануло меня это утро. Голубые занавески вместо чёрных штор. Тёплые бежевые обои вместо холодных серых. Чемодан и контейнеры в углу заменяют кресло-качалку. Телефон заряжается на тумбочке, хотя я его бросала на постели.

Но откуда тут перфоратор?! В унисон этой мысли повторяется жужжание, и меня передёргивает от страха. Сердце, судя по всему, пытается эвакуироваться, так сильно стучит.

Но гены никуда не деть. И в доме бабушки-казачки они играют ещё сильнее. Они и шашка, припрятанная в шкафу.

Стараюсь всё делать очень тихо, но кажется, что дыхание слышно в соседнем городе. Скрип дверцы почти вызывает инфаркт, но шашка в руках, даже тупая, придаёт сил.

Выхожу на охоту. Вся возня происходит за стеной. Крадусь ко входу и резко распахиваю дверь, пропуская перед собой шашку. Ещё один инфаркт от того, какие изменения произошли в соседней комнате и кого я там нашла.

– Марк?! Ты что здесь делаешь?

Эта комната пустовала, с тех пор как умерла бабушка. Она создала одни из самых счастливых воспоминаний моего детства. Сердце каждый раз сжималось от тоски и грусти, поэтому я старалась сюда не заходить. Но комната была великолепна. Её сердцем был сказочный эркер. Маленький, полукруглый, с огромными окнами, благодаря которым всё помещение дышало солнцем.

Марк сидел на полу у маленького порожка на балкон и что-то строгал из дерева.

– Да так. Обживаюсь понемногу.

– В каком смысле? Кто тебе разрешил тут хозяйничать? – возмущаюсь и перехватываю поудобнее своё оружие.

– Ты, – он смотрит, нагло улыбаясь, и встаёт, отряхивая руки.

– Когда это? – судорожно перебираю события вчерашнего дня. Вдруг, и правда, разрешала.

– Когда входную дверь забыла закрыть. Я решил тут обосноваться. В воспитательных целях, так сказать.

Марк подходит ко мне, упираясь грудью в острый нос тупого лезвия шашки.

– А серьёзно?

– Хочу сделать небольшой подарок. Холодное оружие ни к чему. Хотя, если сделаешь завтрак, буду страшно благодарен. Со вчера ничего не ел, а уже почти двенадцать.

Поднимаю шашку выше и провожу голым лезвием по шее Марка. По вене, в которой бьётся пульс. По острому кадыку. По ключицам, спрятанным под тканью футболки. Его зрачки расширились, и участилось дыхание. Бойтся, что ли?

– Не из меня завтрак, – говорит срывающимся голосом, но тут же откашливается и добавляет: – Если можно.

– Я подумаю, – отрываю шашку от его тела, прячу лезвие в ножны, закидываю себе на плечо, разворачиваюсь, чтобы уйти, и в последний момент решаю добавить: – Марк, это место – мой портал в прошлое. Не сломай, пожалуйста.

Не слышу, но чувствую его приближение. Он легонько обнимает меня со спины и целует в макушку. Он, не касаясь, согревает мою спину теплом, окутывает ароматом свежего дерева с острыми нотками перца.

– Не переживай. Тебе понравится, – хриплый шёпот обжигает кожу на шее.

Молча киваю и ссыпаюсь по лестнице вниз, на кухню.

Кажется, меня заждались в дурдоме. Спокойно доверяю практически постороннему человеку. Почему не устроить скандал и не выгнать его? Полицию вызвать для начала.

Но нет. Я становлюсь печь блинчики и параллельно разгребать рабочие сообщения.

Сотни уведомлений, заказов и поздравлений с днём рождения заждались меня. Старательно огибая чат с Машкой, пишу всем покупателям с текущими заказами, что сроки сдвинутся минимум на неделю. Благодарю всех, кто поздрав-

лял, и перехожу к сообщениям с заказами. Дублирую всем одинаковый ответ о том, что заказы временно не принимаются. Пока не буду уверена, что смогу полноценно работать, лучше ничего не обещать.

Вставляю такой же и в следующее окошко, почти нажимаю кнопку “отправить”, но взгляд вовремя цепляется за последнее сообщение в чате: *“Отпусти его. Он же тебя не любит давно!”*

30. Она

Казалось бы, чему удивляться? Я уже всё знаю, видела своими глазами подтверждение неверности мужа. Даже, кажется, приняла то, что мечты не исполнятся, а загаданного будущего не случится. С Костей. Будет что-то другое, новое. Пугающее до одури неизвестностью.

Но пока всё равно каждое написанное ею слово – острым лезвием по коже до крови.

“Он же тебя не любит давно!”

Кап-кап. Не могу поверить, что Костя обсуждал с ней нас. Рассказывал тайны и подробности.

“Он же тебя не любит давно!”

Кап-кап. Это может значить только то, что она стала ему ближе. С ней можно было поделиться тем, что болит, а для меня оставалось: “Малыш, конец месяца, я сегодня здесь ночую”, “Эти идиоты по третьему кругу условия пересматривают, не жди” и совсем равнодушное “Буду поздно”. Он всё это время проводил с ней.

“Он же тебя не любит давно!”

Кап-кап. Каждый раз, возвращаясь ко мне, зачем-то нежно целовал по утрам, щекотно шепча всякие глупости на ушко, готовил завтрак по воскресеньям и долго любил ночью.

Я никогда его не ревновала. Знала, что несмотря на его колдовскую красоту и очарование, он останется верен. Потому что безумно любит. Доверяла. Дура, наверно, но по-другому не могла.

Кружочек аватарки показывает ту самую блондинку, что сидела на коленях Кости. Те же алые губы, идеальная укладка идеально белых волос и лисий взгляд из-за спины. Она будто чувствует, что я на неё смотрю, и тут же загорается зелёный огонёчек, оповещающий, что собеседник снова онлайн. Она, кажется, ждала, что я прочитаю её сообщение, и начинает печатать новое. Смски начинают сыпаться одна за другой.

“Что ты с ним вчера сделала?”

“Почему он приехал пьяный?”

“Хватит его мучить!”

“Он мой. Отстань уже!”

“Сиди в своей глуши тихо!”

Они появляются и появляются. Пропитанные ядом и отчаянной злостью. Ранят до самых костей не меньше вчерашних слов, сказанных самым близким человеком. Сердце давно онемело, но каждое сообщение тянет меня ко дну всё сильнее. Не просматривая следующую дозу, дрожащими пальцами, блокирую Линду Ткач.

Какой-то странный порыв дёргает меня написать Косте, чтобы попросил свою подружку не писать мне. Мимходом взгляд цепляется за имя контакта. Нужно всё-таки заменить “Котика” на что-то другое. Я никогда не выберусь из этой ямы, если всё будет напоминать о прошлом. Открываю переписку и убеждаюсь в этом ещё сильнее.

Последние сообщения оставлены ещё четырнадцатого февраля. Костя пишет, что задержится, чтобы не ждала и ложилась спать, а он, когда освободится, будет долго просить прощения. Почти так и вышло.

Не могу на это смотреть. Не хочу ничего помнить. Под тяжелый шум в ушах к чёрту удаляю всю переписку.

Кажется, меня обволакивает густой туман. Неужели от горя и бедствий, поразивших меня, я стала ведьмой? К сожалению, это всего лишь сгорел блин. Снимаю сковородку с огня и сразу бросаю в раковину, под воду.

Этот будет долгий день.

31. Виновата всегда я

Лёгкое и игривое настроение стёрлось подчистую. Открытые нараспашку окна не спасали от въедливого запаха гари и прилипчивых мыслей. Только колючие мурашки разбежались по телу от холодного воздуха.

Я остервенело пыталась соскрести железной мочалкой угольки, оставшиеся от блина, попутно сдирая нежное антипригарное покрытие со сковородки. Хороший антидепрессант получился. Только на чём теперь готовить...

Марк спустился в момент, когда я технично, по кругу, сдирала остатки тефлона. Сковородку уже не спасти, а вот пар выпустить поможет. Наконец она заблестит!

Возможно и со мной можно так же? Оборвать верхний слой вместе с кожей. Стать как все, найти нормальную работу, быть взрослой и ответственной. Этого же все хотят от меня?

Был период в школе, когда весь класс ополчился против. Началось с какой-то ерунды, а закончилось оскорблениями и подколами. Встать на мою сторону было некому, Машка

поломала ногу и два месяца провалялась на больничном.

– Ну ты посмотри на её жирные ноги. Как этими сарделями вообще ходить можно?

– И лосины натянула. Не стыдно на такую жопу огромную. Ещё бы сиськи свои вывалила и можно на панель, а не на физ-ру.

Громкий шёпот и смех в раздевалке, облитые парты, мистическое исчезновение стула, подставы на уроках. Дети бывают очень жестоки, и я, не выдержав постоянного давления, стала прогуливать занятия. Поначалу просто сидела дома, но когда начали присылать самых рьяных активистов проводить, как я там, перебралась переждать учебное время во взрослой библиотеке, укрывшись в самом дальнем уголке за стеллажом с детективами. В них я тоже пряталась. Но долго не вышло, маму вызвали в школу, после чего меня ждал тяжёлый разговор на кухне.

– Ты же понимаешь, что не один человек так о тебе говорит. Все, абсолютно все, Мирослава! Сразу весь коллектив не может ошибаться. Значит, нужно искать проблемы в себе! И исправлять! – размахивая деревянной лопаткой, говорила мама.

Её монолог под треск раскалённого масла надолго врезался в память. С тех пор скандал для меня пахнет котлетами, а мнение людей вокруг всегда важнее моего. Ненавижу их.

Может и сейчас дело исключительно во мне и пора меняться?..

Я всё сильнее тёрла сковородку, сдирая уже, кажется, металл. Марк очень многозначительно посмотрел на это безобразие и пожал плечами.

– Заварю тебе чая.

– Если притащишь ромашковый – озверю ещё больше. Не рекомендую нарываться, – говорю с самым невинным видом, который могу сыграть, хотя внутри дикий огонь дожигает остатки стен.

– Что-то случилось? – говорит он по-настоящему обеспокоенно, но для меня эта фраза становится контрольным в голову.

Я в последние дни всё билась в конвульсиях. Не жить нормально, не умереть по-человечески. Давно пора было перестраиваться, а я всё цеплялась то за любовь, то за надежду, то за память о прошлом и мечты о будущем.

Марк наконец-то добил. Молодец. Спасибо ему и сразу тысяча извинений. Потому что всё, что я прятала, даже от самой себя, получит сейчас он.

– Жизнь моя случилась! – с силой швыряю сковородку прицельно в мусор так, что ведро переворачивается и с ужасным грохотом катится по полу, теряя внутренности. Стену украшают медленно стекающие вниз по кафелю хлопья мыльной пены.

– Что вам, мужикам, нужно, объясни мне! – мочалка отправляется вслед за сковородкой, с некрасивым хлюпаньем врезается в стену, умножая фейерверк из пены. – В чём смысл этих игр? Найди неподходящую бабу, влюби в себя, сломай и вылепи из неё, что хочется?!

Вытираю руки о домашние штаны и продолжаю наступление.

– Если не выходит, можно найти другую, не снимая с цепи первую? Вдруг пригодится. Так удобнее переключиться, да и под рукой всегда, если нужна, одна на работе, другая дома постель греет, – огонь клоочет внутри, требует выход.

Я хватаю стакан из раковины и отправляю в стену. Звук

бьющегося стекла и вид разлетающихся осколков дарит мимолётное удовлетворение. Мне мало. Тянусь к следующей жертве, но Марк перехватывает руки.

– Ты не сломалась. Мирра, ты нашла в себе силы уйти и дальше борешься. Не осталась сидеть дома, притворяться, что ничего не происходило и тихо ненавидеть мужа. Да и не все такие идиоты, как твой Костя.

Нежно поглаживающие мои запястья пальцы сжимаются сильнее, когда Марк упоминает имя моего мужа. Он, что, ревнует? Или его так заботит вселенская несправедливость по отношению к обманутым жёнам?

– Не хочу никаких других. Никого вообще не хочу, – отрываю свои холодные от его нежных и ухожу к открытому настежь окну.

Жадно вдыхаю холодный воздух до головокружения. Лучше не становится. Тихое солнечное утро, и я с чёрной бурей внутри. Жизнь вокруг продолжается. Катастрофа случилась только со мной.

– Марк, можешь отнести блинчики тёте Кате? Позавтракаете? Я хочу одна немного побыть.

– Хорошо. Позвони, если помощь понадобится.

Я молча киваю, не оборачиваясь и любясь счастьем за окном. Марк подходит совсем неслышно. Не прижимается, но его тепло всё равно обнимает меня.

– Наверху сюрприз. Ты поаккуратнее, я не успел убрать, там всё в опилках.

Он невесомо касается губами плеча и уходит, тихонечко прикрыв за собой дверь.

Любопытство меня пожирает, я не могу выдержать ни секунды и, огибая результаты своей истерики, несусь наверх. Распахнув дверь в комнату, просто немею от увиденного.

32. Всё забудется

Бабушкина спальня всегда была волшебной комнатой. В ней было прохладно в летнюю жару и тепло во время самых колючих метелей. Благодаря огромным окнам каждый закат неповторимой картиной ложился на стены, отражаясь в зеркалах, дарил ещё больше золотого света.

У входа стоит сказочный шкаф на высоких ножках с резной дверью. Он будто сошёл со страниц книг. Однажды я рассказала соседской девчонке Яне о Нарнии. Видимо, вышло так убедительно, что мы на полном серьёзе решили сходить туда в экспедицию. Запаслись бутербродами, фонариками и ушли искать вход в заснеженные леса. Просидев в шкафу целую вечность в ожидании, когда же задняя стенка из ДСП превратится в ряд из шуб, подточив бутерброды, мирно уснули. За что и получили по полной. Нас искали добрых два часа сразу две семьи, пока мы смотрели сны о дальних странах.

На следующий день я хотела позвать её на исследование чердака, но ворота мне никто не открыл. Яну гулять со мной больше не отпускали.

Шкаф и сейчас выглядел гостем из другого мира, вызывая исследовательский интерес.

А вот трельяж с тройным зеркалом был настоящей сокровищницей.

За разглядыванием содержимого сундучка для шитья можно было провести весь день. Под съёмной крышкой прятался большой отдел, полностью заваленный разномастными пуговицами. Железные, пластиковые, деревянные и даже несколько стеклянных. Любые цвета и размеры. Была даже парочка квадратных. Перебирать все эти мелочи было удивительно интересно.

Отдельным удовольствием была немногочисленная косметика и духи. Бабушка обожала аромат “Сальвадор Дали”. Мне запах не очень нравился, слишком сильно там звучал ладан и мимоза. А вот упаковка была нереальная. Эти чёрные матовые губы и колпачок в виде аккуратного носика манили меня всегда.

В самых маленьких ящичках столика прятались браслеты, серьги, подвески и самая настоящая жемчужная нить. Она была особенно притягательной.

Приспособив наволочку вместо платья, а занавеску как плащ, наматывала на руку до локтя жемчуг и ходила туда-сю-

да, воображая, что я сказочная принцесса. Бабушка тогда устроила целую фотосессию. Спустя много лет кто-то показал эти снимки Косте.

В самый разгар свадьбы, пока все танцевали и веселились, он со страшно довольным видом обнял и шепнул мне на ухо:

– Ты улыбаешься, как на тех фото с пером.

– О чём ты? – не поняла сначала я.

– Там ты на даче стоишь на перевёрнутом облупившемся тазу. Укутанная в какую-то узорчатую белую тряпку, на шее завязана занавеска, на руках бусы, а в волосах перо куриное, – он говорил это с такими горящими глазами, что казалось прямо сейчас влюбляется в меня всё сильнее.

– Это было перо павлина! – притворно возмущаюсь и бью кулаком в плечо.

– Да какая разница. Главное, ты там улыбалась, как самая счастливая девочка в мире. Как сейчас. Кажется, мне удалось сделать тебя такой?

Удалось. Так, что каждая деталь отравлена воспоминаниями. Меня даже предаёт собственное тело, каждый раз на-

помятая о том, что мы больше не вместе, белой полоской кожи на пальце.

Он не отпускает, даже когда совершенно другой мужчина дарит мне подарки.

Раньше на подиуме эркера стояло бабушкино кресло. Во время дождя это было самое уютное место в мире. Я зарывалась в него, укутанная пледом, и, засыпая, наблюдала, как одинокие капельки соревнуются друг с другом на стекле, сливаясь в тонкие струйки.

Сейчас... Сейчас Марк сотворил чудо для меня. Рядом с окнами, одетыми в деревянные рамы, появился стол с удобными узкими ящичками для хранения. В уголке, на стене удобно расположились полки, на которые идеально встанут все мои баночки с бусами. Специальные крючки для основ и даже подвесные полочки для инструментов.

Кажется, даже я сама не придумала бы лучше

Мчу за тряпками и шваброй, но натыкаюсь на оставленный на кухне бардак. Ничего, подождёт ещё часик, у меня есть дела поважнее. Стараясь не смотреть на жутковатую на вид растекающуюся кучу, забирая всё, что нужно, иду наверх.

Собираю все опилки, пыль, перетираю ящики и полки по несколько раз и только после этого прикатываю свои контейнеры. Тщательно перебирая, раскладываю все вещи по местам, в их новый дом. Навожу порядок в нитках, распутывая все узлы. Разбираю по оттенкам бусины, бисер и заполняю полки на стене.

Фурнитура в ящиках выстроена ровными рядами по размеру. Я предвкушаю, какой бардак тут будет после первой же сделанной работы, и у меня уже чешутся руки начать!

Когда настольная лампа прикручена и настроена, а последняя вещь из рабочего арсенала находит своё место, наступает время добавить немного уюта. Тоненькая гирлянда для подсветки полок и настроения, несколько пушистых веточек камыша в пузатую вазу и мой главный талисман на самое видное место. Это маленькая вязанная кукла, подаренная другом на день рождения. Девчушка с тёмными кудряшками в костюмчике лисы. У неё хвостик с пушистой кисточкой, ушки с чёрненьким кантом и пуговичка в виде сердца на груди.

– Славка, ты живёшь всегда с сердцем нараспашку. Хочу, чтобы хоть иногда эта милая зайка пряталась в костюм хитрой лисы, – вручая мне подарок, говорил Слава.

Ярослав Руденко, если точнее. Бывший одноклассник, а сейчас серьёзный специалист в своём деле, важная шишка в следственном комитете, ответственный отец трёх мальчишек. В нашей компании он превращался в уютного медведя. Всю дорогу считал меня своей тёзкой и называл только Славой.

Развернув подарочную упаковку, пищала от счастья весь вечер, Костя изревновался весь. Подаренный им смартфон я приняла не так радостно. Подарок мужа давно разбился, а кукла по имени Слава остаётся со мной рядом всегда.

Муж. Опять он. Прочь из моей головы!

Чтобы заглушить мысли, достаю дрель. Она не похожа на обычную ручную, а, скорее, на ручку-переростка с блоком питания. Зато отлично сверлит отверстия по три миллиметра. Идеально для моей коряги. Делаю разметку и начинаю понемногу двигаться. Если нажать чуть сильнее – сверло погнётся, а ветка будет испорчена.

Монотонное жужжание успокаивает и немного расслабляет. Это почти медитация. Сконцентрироваться и думать только о том, что делаешь, здорово помогает.

Через сорок минут у меня готова основа для ловца. Начи-

нается самое сложное и интересное. Нужно аккуратно плести тонкое кружево паутины, соблюдая рисунок, и не забывать добавлять стеклянные капли. Не перетянуть леску и не слишком её ослабить, чтобы не провисали отдельные нити.

В этот момент исчезает всё вокруг. Остаюсь только я. Настоящая я. Мои руки творят что-то сами по себе, и получается необыкновенное чудо.

Выныривая из своего мира, замечаю, как проголодалась, с самого утра ничего так и не ела. Но такого подъёма не испытывала давно. Меня немного потряхивает. То ли от голода, то ли от счастья, что закончила одну из лучших работ в своей жизни.

Ловец вышел лучше, чем я себе представляла. Коряга, побитая морем, превратилась в изящную веточку, окутанную паутиной. Если она поймает солнечный луч, хрустальные капельки росы засияют радугой. И от малейшего движения блики начнут свой неповторимый танец.

Зимой за голыми скелетами деревьев виднеется синяя полоска моря. Солнце медленно тонет в алых брызгах, забирая с собой этот день. А я, наконец, выдыхаю боль и обиду. Тёплые слёзы крупными каплями катятся по лицу. Всё обязательно забудется. Всё будет по-новому и, возможно, даже

лучше. Со временем.

Только когда тёмная ночь укутывает посёлок, отлипаю от окна и иду разбираться с бардаком на кухне. По пути замечаю в окне, как перед воротами тормозит огромный чёрный танк, из которого выпрыгивает хмурая Машка.

Да когда же этот сезон неожиданных гостей закончится?!

33. Ночные разговоры

Сердце разрывается от тоски и грусти. Понимаю только сейчас, как остро не хватает её присутствия в моей жизни. Мы так редко расставались, что перерыв в несколько бесконечных дней кажется невыносимым. Особенно сейчас, когда жизнь разваливается на куски и любые попытки собрать этот пазл – неудачные. Хочется броситься в объятия и, не разжимая рук, обсудить абсолютно всё, а о чём-то помолчать.

Несмотря на то, как больно иголками колет обида и мучает непонимание совершённого ею поступка, я невыносимо соскучилась.

Машка стоит перед воротами и не может решиться нажать на кнопку звонка. Жаль, правда, что она не знает, что звонок не работает, а ворота и так открыты, за Марком я не закрывала, но тем интереснее наблюдать. Она то подходит ближе, то возвращается к приоткрытому окну водительской двери, с кем-то разговаривая.

Её приезд не единственный сюрприз. Ещё одной неожиданностью оказывается, что водительскую дверь открывает Слава.

Он обнимает нерешительную Машку и, оставляя её у автомобиля, направляется к воротам.

Переговорщик всё-таки будет. Ну, попробуем. Накидываю кофту и выхожу из дома. Он уже справился с дверью и идёт ко мне. Встречаемся на середине пути крепкими объятиями. Он задерживается чуть дольше, чем обычно, и успокаивающе гладит по спине.

– Я надеюсь, ты в лисьей шубке, зайка? Никому себя в обиду не дала? – наклоняясь шепчет на ухо и, отстранившись и заглядывая в глаза, добавляет: – Почему не позвонила, Славка?

Я пытаюсь что-то невнятно сформулировать, но слова застревают в горле. Получается только пожать плечам и спрятать взгляд.

– Эта звезда тоже партизанила до последнего. Вчера пришла. Зарёванная и пьяная в хлам. Отрезвил, освежил, привёз тебе. Поговорите нормально.

– Уверен, что стоит?

– Вам обеим нужно.

– Слав, ты...

– А я мешать не буду. Вы девочки умненькие, без меня отлично справитесь. Домой поеду.

– Как там Ая? – переключаю внимание Славы на более безопасную территорию и главную его гордость.

– Ничего, – его лицо всегда лучится светом, когда он говорит о своей жене. – В этот раз болеет апельсинами.

– Опять пацан?

Его рука ложится на сердце в притворном испуге, кошачья морда сначала кривится и тут же расплывается в самой счастливой из всех улыбок.

– Обещают девчонку, – с особой теплотой и трепетом говорит он.

– Поздравляю, Слав! Полный комплект собрал!

Я невероятно рада за него. Но чужое счастье сильно режет глаза в моей темноте. Пока обнимаемся, аккуратно рукавом вытираю слёзы из уголков глаз.

– Зайдёшь?

– Ненадолго. Сейчас пакеты выгружу и поеду. Ая рулет меренговый передала и оливье. Не успокоится, пока всех своим салатом не осчастливит.

– Машку загрузить не забудь. Она, кажется, уже приросла к забору.

Слава уходит к машине, а Машка, наоборот, робкими шагами неуверенно идет ко мне. На улице уже совсем стемнело и резко похолодало без солнца, нужно как можно скорее всех утрамбовать в дом, а там будем разбираться.

Мы ругались невероятное количество раз, но только один скандал разлучил нас. Абсолютно не помню, с чего началось, но в молчанку мы играли неделю. А потом, во время экскурсии с классом, девчонки начали обсуждать сериал, который мы с Машкой запойно смотрели. Не пропуская ни одной серии, воображая себя ведьмами. Нам не хватало третьей сестры, но это были мелочи, мы могли меняться ролями. Каждый день, после школы мы вместе бежали домой, чтобы успеть посмотреть новую серию.

Когда у девочек завязался спор, пока ехали в автобусе об-

ратно в школу, мы одновременно не выдержали и вклинились в их обсуждение. Через пару минут всем надоело, да и не слушал никто особо, а вот мы, зацепившись, не заметили, как потеряли аудиторию и остались одни на заднем сидении автобуса. Так и ехали домой, нагоняя потерянное время друг без друга.

Сейчас всё гораздо сложнее, да и нам уже далеко не тринадцать, но я слишком сильно её люблю. Каждый раз, когда я нуждалась в поддержке, она держала меня за руку и была рядом. Машка забивала на все свои планы и просто была.

Это же и есть настоящая дружба, когда, узнавая человека, будто попадаешь домой. Рядом с ним всегда тепло и уютно. В него можно поплакать и рассказать все тайны, не боясь, что тебя не поймут или не примут.

Машка, по жизни боевая валькирия, сейчас похожа, скорее, на уставшего, грустного котика. Не стоит Костя нашей дружбы, но поговорить всё-таки придётся. Нужно начать хоть с чего-то, а страшно. Я будто острый нож держу за лезвие. Одно неверное движение – и он вскрыет кожу до самых костей.

– Ты видела? – говорю, и она дёргается, не ожидав такого резкого вступления. – Они опять Коула убили. А он всего

лишь хотел сделать Фиби королевой подземного мира и разлучить с сёстрами.

– Это он зря, – облегчённо выдыхает Машка, моментально понимая, что я вообще такое несу.

– Зря. Не все демоны знают, что сёстры важнее короны.

Слава, проходящий мимо, услышав наш диалог, удивлённо поднимает брови и прибавляет шаг. Судя по увесистым пакетам, отгружает оливье сразу на целую роту солдат.

– Сволочи эти демоны. Малинка, я... – продолжает Машка, но её фразу обрывает крик из дома.

– Славка!

Мы обе дёргаемся от испуга, так неожиданно это прозвучало. Товарищ старший следователь, видимо, забыл, что не в своей казарме. Мы с Машей идём к дому и на пороге врезаемся в друга.

– Славка, это что за современное искусство посреди комнаты?

Уй, как неудобно получилось.

– Блины не вышли, – бурчу и, отодвигая его с пути, поднимаю треснутое мусорное ведро, собирая в него все разлетевшиеся ошмётки.

– Сурово. Давай помогу.

С уборкой мы справляемся быстро. И было бы ещё быстрее, если бы Слава не завис, увидев сковородку. Его “А кто её жевал?” удостоилось лишь моего пристального взгляда “Попробуй вякни ещё что-нибудь” и тихого похрюкивания Маши.

Отец семейства отчалил, прихватив с собой мусор и напоследок обняв меня так крепко, что затрещали все кости.

– Славка, звони. По любому поводу. Не молчи больше, договорились?

– Договорились. А ты жену от меня поцелуй. И мальчишек.

Мы с Машкой остались наедине с тазом оливье, кастрюлькой плова, меренговым рулетом и двумя ведёрками мороженого “Пекан-солёная карамель”. Кажется, кто-то думал, что я здесь голодаю.

Слюнки текли от всё ещё тёплого ароматного плова, и тут же меня потряхивало от предстоящего разговора с подружкой.

34. Пьяная вишня

Молчаливый ужин сопровождался только нервным позвякиванием посуды. Машка лениво ковыряла свой плов, изредка подбирая по зёрнышку риса, а я уничтожала уже вторую порцию. Вот так всегда. Она мелкая и худая, а я мелкая... И на два размера больше. Ровно по количеству лишних порций. Но остановиться было невозможно, на меня напал какой-то небывалый жор, и вдобавок к плову уничтожился целый судочек оливье, пока я голодно поглядывала на рулет.

Ухожу заваривать чай. Жаль, что из успокоительного остался только ромашковый, и в доме нет ничего алкогольного. Эту беседу без смазки начать и пережить будет сложновато.

– Ты чего не ешь? – спрашиваю, заменяя тарелку с растерзанным пловом на блюде с десертом и подвигая ближе кружку с чаем.

– Что-то не хочется, – бурчит себе под нос, пряча глаза.

Мои руки слишком дрожат, и аккуратно сложить посуду в раковину не получается. Звон стоит такой, будто парочка

нижних тарелок разбилась. Сегодня всё идёт не по плану. Опираюсь на раковину и сдаюсь.

– Маш, я не зверь. Меня не нужно бояться. Я просто не понимаю, как вышло, что моя жизнь идёт ко дну, а лучшая подруга не на моей стороне! – выпаливаю на одном дыхании, глядя перед собой.

Мучительная тишина давит на барабанные перепонки. Она не торопится отвечать, и я слышу, как в окно начал тарабанить дождь и лает соседский алабай.

– Малинка, я не хотела. У меня просто не было никаких доказательств. Пока длилось её разбирательство, я ни о чём не догадывалась. Меня и в офисе почти не бывает. Ты же знаешь, я всегда на заседаниях, – тихонько начинает Машка.

Сердце моментально разгоняется на максимум, становится очень жарко, я так и не сняла кофту. Путаюсь в рукавах, стаскиваю лишнюю одежду. Машка, наоборот, кутается в воротник и прячет пальцы в рукава кардигана, сквозь ткань обнимая горячие бока кружки.

– Появление этой дамы в конце января меня удивило, но мало ли зачем она зашла. А вот пару недель назад, зайдя в кабинет Кости, я увидела её. Ничего такого, они просто пили

кофе, правда, она стояла у окна, рядом с его креслом. Мало ли какие закидоны у вип-клиентов, но Костя очень разочлился, что я помешала. Это было удивительнее всего, – терзая салфетку, продолжает она.

Медленно разбирает на слои и рвёт на тоненькие лоскутки. Звук рвущейся бумаги раздражал, но что-то возразить не могла.

С каждым её словом я всё сильнее держалась за край стола, пытаюсь устоять на ногах. Чёрная пропасть утягивала всё глубже и глубже на дно. Бешеное сердце колотилось где-то в горле, не позволяя нормально дышать. Я только отрывисто хватала ртом воздух и сползала на пол.

Это оказалось больше, чем я думала. Подробности их прятков мне точно ни к чему.

Машка пугается моих манёвров, подбегает и усаживается передо мной на колени. Начинает тараторить быстро-быстро, я еле успеваю уследить за смыслом.

– Малин, я больше ничего не знала, правда. Из его секретарши ничего не удалось вытрясти. А с той ерундой, что я видела, боялась идти, чтобы не расстраивать напрасно. У вас же всё было отлично, ты мне только рассказывала, как он тебе цветы и десерты по утрам присылает, как день рождения

твой и отпуск планируете.

Мне стоило бы услышать всё это раньше. Я не могу её винить в том, что она ничего не говорила. Тут и рассказывать по сути нечего. Да и что бы я сделала? Начала приносиваться к одежде Кости? Выискивать чужие волосы в его машине? Или точно так же застала бы их в офисе? Что бы изменилось? Просто наличие паранойи. А если бы Машка оказалась неправа? Меня бы явно сжирали сомнения. Я бы с ума сошла от догадок.

Мне стоило услышать это раньше не только для того, чтобы не сомневаться в подруге, но и ещё чтобы она была рядом. Как сейчас сидела со мной, вытирая слёзы. Пройти через этот ад было бы в разы легче.

– Так вчерашняя пьянка была за моё здоровье? – говорю, отпуская хоть одну из своих проблем.

– А то как же. Но она началась позавчера, – кривится она. – Торт твой забрала у кондитера и Жданову в офис отвезла. Вместе с заявлением.

– Надеюсь, ему вкусно было, – разочарованно киваю, но лицо Машки кривится в самой ехидной из всех её улыбок.

– Не успела спросить, как ему, – притворно рассматривает свой маникюр и добавляет: – Когда залепила в рожу. Но вот то, что на пальцах у меня осталось, было очень даже. Ты опять пьяную вишню заказала?

– Как всегда. Ничего нет лучше шоколадных коржей и вишни, вымоченной в роме!

– А мне красный бархат еще нравится, – отмахивается Машка.

– Любишь краситель? – хохоча интересуюсь я, но, когда смех стихает, вспоминаю, что была в её словах ещё одна деталь, которую нужно обсудить. – Маш, ты зачем уволилась? Я же знаю, как дорожила этой работой и как сложно устроиться в нашем крае.

– Малинка, Жданов не единственный работодатель. Справлюсь. Тем более, обросла знакомствами, не переживай. А с ним не смогла бы больше работать.

Мы перебираемся на диван, вооружившись ложками и мороженым, запускаем “Сладкий ноябрь” – идеально красивый фильм, идеально попадающий в настроение. Можно ничего не говорить, просто хохотать, когда Нельсон пытается включить телевизор, использующийся как кашпо, умиляться

его первым свиданиям с Сарой и немножечко умирать, обливаясь слезами во время финальной сцены, когда героиня прощается: “Теперь мне ничего не страшно. Ты – моё бессмертие”. И уходит, завязав герою глаза.

В этом состоянии нас и застал стук в дверь. Я уже догадывалась, кого там увижу, но вышло все равно неожиданно.

Марк стоял, держась за спинку кресла. Такого обычного, офисного, на колёсиках. Ничего примечательного. Кроме цвета.

35. В лунном свете

Нежно-розовые сиденье, спинка и подлокотники выпрыгивают из темноты очень неожиданно! Марк изо всех сил старается не ржать, но, когда хорошенько меня рассматривает, его лицо мрачнеет.

– Это что за зверь? И что он здесь делает? – настороженно показываю пальцем на розовое нечто.

– Это кресло. К рабочему месту, – хмуро проговорил Марк. – А в честь чего потоп?

На пару секунд зависаю, не понимая, о чём он, и даже собираюсь оглянуться проверить пол, но вовремя замечаю комок из салфеток у себя в руках.

– А, ерунда, кино смотрим, – отмахиваюсь я, пропуская Марка в дом.

– Смотрим? – успевает удивиться он, всё ещё не замечая, что я не одна.

И тут на арену выходит Машка, явно изнывающая в ожи-

дании, когда же её представят публике. Следы рыданий стёрты с лица, волосы распущены, лишняя пуговка на рубашке расстёгнута. Перед Марком будет выступать дуэт грациозной кошечки и рыдающего бегемота. Кто есть кто, уточнять, думаю, не стоит, и так понятно.

– Это Маша, моя подруга, – показываю на неё, и эта звезда подплывает походкой Наоми, не меньше.

Маша, никак не показывая удивление, глядя исключительно в глаза, а не на стоящее между нами розовое чудовище, протягивает Марку руку.

– А это Марк, мой сосед и племянник тёти Кати, – зачем-то показываю на Марка, хотя на меня уже давно никто не обращает внимания.

– Племянник? А как так вышло, что мы не знакомы? – мяукает Машка, продолжая гипнотизировать жертву.

– А он переехал недавно, – говорю и решаю вернуться к дивану.

Пускай сами там в коридоре разбираются, у меня ещё кусочек божественного рулета остался. Кажется, организм решил оптом доест всё то, что пропустил за последние дни.

– Ты откуда переехал, кстати? – удаляюсь от сладкой парочки и приближаюсь к рулету.

– Из Ставрополя, – неожиданно близко от моего уха оказываются его губы, и руки ложатся на талию. – Заварить чай?

– А как же розовый монстр? – разворачиваюсь в его объятиях, хочу показать на стул, но вижу только Машку, которая, одобрительно гримасничая, показывает пальцы вверх.

Она устраивает целую пантомиму о том, как текут слюнки и вонзается кинжал в сердце. Она очень вовремя берёт себя в руки и нелепо опирается на холодильник, чтобы он не заметил её кривляния.

– Точно, сейчас отнесу и вернёмся к чаю.

– Куда отнесу? – вклинивается Машка, прикатывая монстра на середину комнаты.

– Наверх. Я для Мирры небольшую мастерскую сделал, – легко подхватывает кресло и забирается на второй этаж.

– Да что ты! А мне не показала! А ну-ка, пошли посмотрим, – почти орёт Машка и тут же тихонько на ухо добавля-

ет: – Не то что некоторые, за пять лет не сообразившие. Так и сидела упакованная в свои контейнеры.

Делаю страшные глаза и толкаю локтём в бок Машу, но ей абсолютно всё равно, она тащит меня по ступенькам наверх. Она чертовски опасна в таком настроении, нужно чем-то срочно потушить этот пожар. Но мне не приходится.

Поднявшись на второй этаж, мы замечаем, что Марк стоит на пороге комнаты и, будто зачарованный, что-то рассматривает, но не заходит. Машка бежит к нему и точно так же зависает. А я, поняв в чём дело, не спешу к ним присоединяться.

Как только дойду, придётся прощаться. Я поняла это сразу. Как только закончила работу. Хотела повернуть всё тихонечко, одна, но теперь не выйдет.

Уходя, я не посмотрела, что вышло. Просто выключила свет и даже не обернулась на оставленную конструкцию. Чтобы не влюбиться насмерть. Снова.

Сейчас, медленно подобравшись к двери, убеждаюсь, полюбоваться есть чем. И это действительно лучшая из моих работ.

Свет от маленького фонарика, направленный в круглое зеркало, попадает на ловец. Я подвесила свою веточку прямо над батареей. От потоков горячего воздуха эта конструкция слегка покачивается. Капли стекла дрожат и лучик, попадающий прямо в центр паутинки, распадается на миллиарды звёзд, украшающих стены. Они медленно плывут по небу-своду-потолку, перемещаясь, каждым движением создавая новые созвездия.

Пробираюсь в комнату и поражаюсь тому, как это похоже на крошечный планетарий, даже голова немного кружится. Обернувшись на так и оставшуюся стоять на пороге компанию, вижу, что Машка стоит с открытым ртом любуясь, а вот Марк смотрит на меня не отрываясь. Удивлённо и, кажется, с восхищением. Или это просто звёзды в его глазах...

Один щелчок выключателем, и всё волшебство рассеивается. Из бликов остаются только цветные круги перед глазами, оттого что слишком сильно жмурилась от яркого света люстры.

– Мирочек, это...

– Нет! – обрываю я Машку на полуслове, снимая ловец. – Не надо, Маш. Марк, ты можешь отвезти нас на дальний пляж? Я боюсь в темноте заблудиться, давно там не была.

– Не вопрос. В машине вас подожду, – уходит, оставляя нас с Машей наедине.

– Что задумала?

– Пафосное прощание.

– А губить для этого такую красоту обязательно?

– Да, – говорю я, укутывая эту красоту в несколько слоев шуршащей бумаги.

– Не согласна, но я в деле.

– Спасибо, дружочек, – целую её в щёку и тяну за руку к выходу.

Пока едем в машине, все молчат, тревожно поглядывая на меня. Машка – с сидения рядом, Марк – в зеркало. Я нежно прижимаю к груди свёрток, боясь потерять по дороге. Когда виднеется вход на тропу здоровья, прошу Марка остановить машину.

– Мы быстро, – неожиданно говорит мою реплику Машка.

Выбираюсь из тёплой машины в прохладную ночь. Ветер у моря пронизывает до костей ледяными иголками. И хорошо. Меньше времени будет на сентиментальную ерунду.

Эти места мы с Машкой знаем до последнего камушка. Облазили все местные горы во время летних каникул, проведённых вместе. На этой тропе из новшеств появилась только табличка “Берегись медведей”, которой пугают туристов, а те вместо испуга с ней зачем-то фотографируются.

Мы быстро приходим к первой смотровой. Идеальное место. Я разворачиваю свой клад и добавляю ловцу маленькую деталь, почти подпись для моих работ. Пушистое пёрышко мудрой совы.

Привязываю ловец к нижней веточке разлапистой сосны. Между длинных иголок. На фоне спокойного моря. В лунном свете. Теперь он на своём месте.

Это до слёз красиво, но я даже не могу сделать фото. Пускай всё останется только в памяти.

Возможно, его уже утром заберёт кто-то из активных спортсменов, возможно, он найдёт свой дом где-то в средней полосе России, попав в руки туристу. Это абсолютно неважно. Пускай только он принесёт счастье новому хозяину. Желаю этого всей душой и, подхватив свою моральную

поддержку за руку, убегаю с площадки. Чтобы больше не видеть и не хранить это у своего сердца.

Здорово продрогшие вваливаемся в машину. От усталости и тепла я засыпаю, как только начинаем движение. Уже у дома меня, тихонечко поглаживая по плечу, будит Машка, а Марк берётся провожать нас до дома, чтобы убедиться, что я точно закрыла дверь на замок.

– До свидания, Марк, приятно было познакомиться, – бурчит сонная Машка и добавляет, удаляясь по коридору: – Я в душ, Малинка!

– Ты далеко не заплывай, мне воды оставь! – кричу ей вслед и поворачиваюсь к Марку: – Спасибо тебе за всё. Я побежала, а то останусь без душа.

Пытаюсь закрыть дверь, но Марк ее мягко придерживает рукой.

– погоди секунду. Ты завтра, что делаешь? Не хочешь куда-нибудь сходить?

– В смысле поужинать?

– В смысле на свидание.

36. Плюшевый мишка

Когда ты влюблён, каждый день кажется прекрасным. Настроение всегда на максимум, и даже текущие проблемы его не портят.

Ливень за окном – это не повод прятаться дома, а возможность выгулять резиновые сапоги и огромный прозрачный зонт. Забыть последний дома и наслаждаться тем, как приятно крупные капли холодят разгорячённую кожу. Чувствовать приятную щекотку, оттого что вода катится за шиворот. Когда выходит солнце, брызгаясь, ерошить волосы, но плевать, вы и так уже промокли до нитки. Слушать, как от дуновения ветра с нежно-зелёных листьев ароматных лип стекают задержавшиеся капли. А желанные губы так близко...

Метель – это не десятибалльные пробки, а возможность выгулять санки, поваляться в снегу и облизать все доступные сосульки. Нелепо держась за бортик, провести целый час на катке. Больше обнимаясь, чем пытаюсь покорить лёд. Колкие снежинки моментально тают на красных щеках, но задерживаются на ресницах, превращаясь в воду только от его дыхания. Перчатки остались дома, но руки погреть можно в его карманах. И снова эти губы, со вкусом пряного глинтвейна,

близко-близко.

Свидания в моей жизни случались нечасто. Самое первое было полно ожиданий и провалилось по всем пунктам с таким треском, что я ещё долго опасалась подобных мероприятий.

– Вот увидишь. Придёт с плюшевым медведем и белыми розами, – раз за разом повторяла мама, а я почему-то не верила. Ну как же. Мы давно знакомы, он должен знать, что я не люблю пылесборники и белые цветы.

Ровно насколько не верила, так же ужасно и расстроилась с самого старта, когда увидела огромного белого зверя со стразами в ушах и пять таких же белых, как медведь, роз! Кажется, именно с тех пор, я и не люблю эти цветы.

Весь вечер было жутко неудобно таскаться с этими подарками. Крупногабаритное животное всё время сползало, а розы кололись. Парень делал вид, что не замечает, а мне было ужасно неловко просить его понести всё это добро. В кафе медведя усадили с нами за стол. Под его косым взглядом я никак не смогла расслабиться.

Романтика закончилась, так и не успев начаться, никаких поцелуев не случилось, а я сбежала при первой же возмож-

ности, растеряв подарки по пути домой. Ужасно их стыдилась. Не хотелось давать маме повод для снисходительного "Я же предупреждала".

Мне уже давно не тринадцать, я только что попрощалась со своей прошлой жизнью, а судьба тут же подкидывает мне новые приключения.

– Марк, ты уверен, что тебе это необходимо? Я сейчас не в очень хорошем состоянии, и компания из меня так себе, – растерянно пожимаю плечами.

– Она пойдёт! – доносится из-за угла.

Наглая морда, казалось бы, подруги, выныривает из ниоткуда и виснет на моих плечах.

– Во сколько ей нужно быть готовой? Форма одежды?

– К пяти, думаю. Форма одежды – свободная, – говорит Марк и, улыбаясь, вопросительно на меня смотрит, а я легонечко киваю, соглашаясь, не прерывая последнее выступление в жизни Марии.

– К пяти сделаю. Не опаздывай, – тараторит, захлопывая дверь перед носом Марка.

– Маш, ты что творишь? Что значит “сделаю”?! – от моего рычания, кажется, звенит хрусталь в буфете.

– Добро! – отмахивается и убегает в направлении ванной.

– А если я не хочу? – ловлю её в дверях и удерживаю за руку.

– Самообман – паршивая вещь, – припечатывает Машка, но и я не сдаюсь.

– А если не готова? – мы дёргаем дверь каждый на себя, будто занимаемся перетягиванием каната.

– Подготовим! – говорит и как-то очень подозрительно-оценивающе меня рассматривает.

– Я не в этом смысле! – отвечаю в тон, понимая, что она уже задумала для меня тысячу пыток со скрабами и депиляцией.

– А я в этом! Малинка, всё будет отлично. Не знаю, где ты его взяла, но Марк – неплохой мужик, дурного не сделает, – снова смотрит, будто ведёт какие-то внутренние подсчёты. – Только если сама не попросишь.

– Машка!

– Ну что “Машка”? – она отпускает многострадальную дверь так резко, что я отшатываюсь назад, но успеваю ухватиться за ручку. – Я уже очень много лет она! Поэтому и знаю, что говорю. И вижу. Он добрый как Лабрадор. Только слюнями на пол не капает, когда тебя видит. А когда слышит про Костю, шерсть на затылке дыбом. Вот-вот и в стойку станет, чтобы порвать.

– Я не хочу никаких отношений. Не сейчас.

– Малин, а тебя не заставляет никто. Ты теперь свободная женщина. Это просто свидание. Вкусный ужин, разговоры, возможно, горячее продолжение. Не кривись. У тебя есть уникальная возможность развлекаться со штампом в паспорте.

– А вот с этим нужно что-то делать, – кажется, будто я нырнула в ледяную воду.

Ничего не слышно, всё тело сковал спазм, и от первого глотка воздуха мелко-мелко потряхивает.

– Не сейчас Мирочек, – чувствуя мою реакцию, обнимает

меня Маша и усаживает на край ванны. – Хочешь, сама всё сделаю? Но только попозже. Обрастём немножечко бронёй?

Приняв по очереди душ, мы сидим ещё несколько часов, пока я рассказываю, как всё было с самого начала. С той гадкой сцены в офисе Кости до сегодняшнего вечера. Как познакомилась с Марком и об их встрече со Ждановым.

– Марк – молодец, а ты, конечно, зря не дала ему вломить. Это не торт, ох, не торт! – хохочет Машка за завтраком, никак не успокоившись за ночь.

Она заедает кашу уже третьим бутербродом с сыром, а я подвигаю ей свою порцию овсянки, убираю сыр и пытаюсь впихнуть в себя просто кусочек хлеба с маслом. Так нервничаю, что ли?

– Ну что, звезда моя, сделаем из тебя королеву?

Боюсь до чёртиков её в таком настроении, но бежать уже поздно.

37. Разведи огонь

Когда-то давно на первое свидание с Костей собирала меня тоже Машка. Она устроила в квартире настоящий погром! В ванной я лишилась всех лишних волос и была натёрта всевозможными скрабами и маслами из двух десятков баночек. В наших комнатах отбракованные вещи валялись на всех поверхностях. Даже отклонённые строгой судьёй розовые трусы повисли на торшере. Вскрытые шкатулки лежали, вывалив все свои внутренности наружу. Косметички рассыпали цветастые тени и пушистые кисти.

В этот раз всё прошло куда спокойнее. Но тому виной лазерная эпиляция, отсутствие домашнего арсенала баночек и скудный гардероб. Почти все мои вещи остались дома. У меня каждый раз сжималось сердце, когда я думала о том, что Костя может приводить кого-то к нам в квартиру и в нашей постели, глядя на портрет на стене... Нет, не время сейчас об этом думать. Даже без этих мыслей меня и так немного подташнивало от переживаний.

Платья “на выход” я с собой не взяла, что особенно расстроило Машку, но она воодушевилась, когда увидела длинную шёлковую ночную рубашку, больше похожую на платье

с развратным разрезом до бедра, случайно попавшую в мой чемодан.

– Маш, а это не слишком..? – делаю непонятные движения руками в воздухе, собирая мысли в кучу, но всё равно не могу выбрать правильное определение.

– Для первого свидания? – подсказывает Машка.

– Для первого свидания, для посёлка, для меня, для зимы, в конце концов, – снимая с себя ночнушку и нервно наматывая круги по комнате, бурчу я. – Ты мне ещё чулки в сеточку и босоножки предложи! – понимаю, что перегибаю палку, но перестать психовать по щелчку я не могу, а Машка и не ведётся.

– А есть? – загораются два ярчайших софита на всём белом свете.

– Нет! – отрезаю. – И колготок, кстати, тоже нет.

– Сбегаю в магазин к тёте Кате. У неё можно что угодно найти, – подхватывая свой рюкзак, выметается из комнаты, оставив меня с распотрошёнными шкафом и комодом, но голос из коридора выдаёт задания: – А ты пока голову помой и платье погладь!

Вот же у неё шило в заднице. И достанется же кому-то счастье..

Со вторым я справляюсь быстро и даже наношу кокосовую маску на волосы, а вот на рубашке зависаю.

Наше первое официальное свидание с Костей случилось где-то через неделю после того, как мы окончательно влипли друг в друга. Точнее, наконец-то смогли отлипнуть и хоть как-то адекватно себя вести на людях. Не пытаюсь каждую минуту соприкоснуться кожей или обменяться жидкостями. В универе мы с трудом, но справлялись, а вот выйдя за пределы, сходили с ума сразу же.

Само свидание было до ужаса банальным. Кино и ужин в ресторане, но было плевать. Главное с ним. За вечер жарких взглядов и прикосновений мы довели себя до такого состояния, что сошли с ума прямо в машине, не добравшись до дома.

Это было ровно шесть лет назад. Очень символично я отмечу эту дату свиданием с другим мужчиной.

Запах гари и сизый дым перед глазами прерывают поток глупостей в моей голове.

Отлепляю подошву утюга от скукоженной тлеющей тряпочки. Запах жжёной ткани становится ещё сильнее. Машка меня убьёт. Свидание ещё не началось, а я уже провалилась по всем пунктам. И голову можно идти мыть заново. Желательно раза три. Если поможет. Дым слишком въедливый и хоть его немного, но запах горелых волос или костей стоит ужасный.

А может это знак, что не стоит торопиться с Марком? Очень не вовремя эта мысль оглушает, и я случайно прижимаюсь запястьем к всё ещё дымящейся поверхности утюга.

Я вскрикиваю, но не могу понять свои чувства. Сначала тело путает меня, кажется, будто я прикоснулась к чему-то очень холодному, но жжение, которое накрывает сразу после, не даёт обманываться и дальше. На коже моментально проявляется ярко-алая полоса. Чёртов Жданов опять занял все мои мысли. Я так дом сожгу! Надеюсь, свидание с Марком окончательно выгонит Костю из моей головы, и я не буду вспоминать о нём каждый раз.

Пытаюсь пробраться к раковине, чтобы набрать стакан воды и потушить, наконец, всё ещё тлеющую ткань, путаюсь в проводах от удлинителя и утюга.

– Да твою ж..! – красноречиво описываю ситуацию я, и именно в этот момент входит Марк.

Он быстро выпутывает мои ноги, срывает с гладильной доски мягкую накладку вместе с ошметками ночнушки и топит всю эту дымящуюся экспозицию в раковине.

– Ты как?

– Я вот, – виновато демонстрирую свою руку.

На коже образовался некрасивый волдырь, и, кажется, уже вся кисть пульсирует болью. Подсовываю руку под холодную воду и чувствую, как она смывает жжение. Жаль, что облегчение только временное, но голову немного проясняет.

– Не видел у тебя в аптечке ничего от ожогов, кажется. Поехали ко мне. Сможешь одеться сама? – жадно стреляя в меня глазами, говорит Марк.

И вот только я собираюсь остроумно пошутить по поводу “Поехали ко мне”, как понимаю, что я всё ещё одета лишь в скудные кружевные лоскутки, которые выбрала для меня на этот вечер Машка. Они абсолютно ничего не скрывают, только создают видимость присутствия. Я моментально краснею абсолютно вся, что-то пишу и убегаю наверх. Джинсы, фут-

болка, тёплая рубашка и закатать рукав, чтобы ткань не касалась кожи. Небольшое мокрое полотенце на рану, чтобы хоть немного притупить боль снаружи, и две капсулы нурофена, потушить пожар изнутри. Брызгаюсь любимым ароматом, но вряд ли тонкими нотами коньяка и нежной вишни получится убить вонь гари.

Внизу Машка уже вовсю болтает с Марком и трескает принесённую им клубнику. В лицо снова ударяет жар стыда, когда он на меня смотрит.

– Поехали? – шепчу пряча глаза.

38. Марк

Она не замечает, что стоит в одном белье до последнего, а я дурею от того, как её кожу обнимает чёрное кружево, но всё же стараюсь смотреть в глаза. Они серо-голубые, с россыпью маленьких чёрных точек по всей радужке. Эти точки рассыпаны веснушками по её аккуратному носику и щекам. По ключицам и даже груди. Они манят не меньше всех этих рюшечек и тесёмочек, так удачно обтягивающих её тело. Каждой хочется коснуться губами.

За секунду до того, как я окончательно заработаю косолазие, Мирра приходит в себя. Пугается своей наготы и ментально взлетает вверх по лестнице, виляя аппетитными бёдрами. Зрелище невероятно притягательное, но быстро заканчивается. К сожалению.

Упираюсь лбом в холодную металлическую дверь холодильника в попытках остыть. Не помогает. Ничего мне с этой девчонкой не помогает. С тех пор как увидел её в тёмном углу магазина, не могу перестать думать. После первого вечера у неё дома вообще снесло голову напрочь. Она так сладко плавилась в моих руках, и только телефонный звонок перечеркнул все планы.

Да, к нежной зайке прилагается ещё и урод – бывший. Проблема, которую хотелось закопать на месте, но девочка и так пуганая, куда ей ещё на кровь любоваться. Это проблема. И если она ещё раз возникнет, придётся решать по-другому.

Оборачиваюсь на грохот и крики в коридоре.

– Малинка! Представляешь, нашла. Даже со стразами! Для сельского свидания не пойдёт, конечно, а вот ночью... – Маша осекается, когда видит меня на кухне, а жаль, интересно было бы послушать, что там за планы со стразами на ночь.

– Марк? Привет. А Малинка где? И чем тут так жутко воняет? – кривится она.

– Мирра пропала что-то утюгом, что, я не смог опознать по останкам, и обожглась, – показываю на орудие преступления, перепачканное чёрными угольками, и иду открывать окно. – Ушла наверх одеваться, сейчас поедем за лекарством. Почему Малинка, кстати?

– Так Малинина же. Была. И наверное, скоро опять станет. А в пакете что?

– Клубника, мытая. Угощайся. А сейчас?

– А той фамилии, что сейчас, осталось недолго.

Хотелось расспросить ещё об этом Косте, но спустилась Мирра, и мы почти сразу уехали. Дома у меня аптечка оказалась на этот случай бесполезная. К тётке соваться было опасно, и остался только один не самый болтливый вариант.

– Иваныч, у тебя в аптечке пантенол есть? – крикнул я, заходя в каморку.

– Химии не держим, – закатил глаза, поднимаясь и что-то выискивая в ящике стола. – Вы, молодёжь, совсем проверенные методы не цените. Вот. Масло облепиховое.

– Спасибо. И ключи мне от первого домика дай.

– А на кой тебе?

– Надо. И рабочих на завтра отмени.

Хоть раз у нас с ней должно случиться идеальное свидание.

К моему возвращению Мирра выбралась из машины и

осталась любопытно разглядывать теплицы, почему-то не решаясь подойти.

– Хочешь посмотреть поближе?

– Ой! – она пугается моего голоса и почти подпрыгивает от неожиданности, придерживая колотящееся сердце. – А можно?

– Конечно. Обрабатываем сначала руку? Мне тут выдали целебный эликсир. Нужно опробовать, – показываю баночку из тёмного стекла, в которой плещется жидкость.

– Уже не болит почти. Может, на минуточку?

– Давай за минуточку справимся с рукой, а потом всё остальное? В теплице быстро вряд ли получится. Пойдём в беседку.

Она кивает, щурясь на закатное солнце. Последние лучи этого дня подсвечивают её кожу золотым светом. Маленькая ямочка украшает правую щёку, когда она улыбается. Невыносимо хочется поцеловать, но торможу изо всех сил, чтобы не напугать. Не могу себе отказать хотя бы в прикосновении. Провожу ладонью по щеке. Мирра, как ласковая кошечка, жмётся поближе и прикрывает глаза от удовольствия.

Забывая о своём бывшем, она превращается в чистое счастье. Каждая её улыбка усиливает желание жёстко разобраться с этим идиотом Костиком. Не знаю, что между ними произошло до, явно ничего хорошего, но я видел, как он каждым словом лишал Миру сил. Она угасала на глазах, а он целенаправленно бил в самые больные места. Зачем так унижать женщину, которую сам же выбрал, мне никогда не понять, а вот желание закопать эту тварь практически непреодолимо, и лучше ему здесь больше не появляться. Второй раз я точно не сдержусь.

Провожу большим пальцем по подбородку, в миллиметре от губ Мирры. Её дыхание учащается, но глаза так и остаются закрыты.

Девочка, как же я хочу, чтоб ты была всегда счастлива в моих руках.

Она тянется ближе, словно услышав мои мысли. Неожиданно прохладные губы легко касаются моих. Осторожные, почти невинные поцелуи. Её близость и совершенно сумасшедший вкус вишни сносят крышу, и тут уже я перехватываю инициативу, утягивая нас, скорее, в жаркую прелюдию, чем в поцелуй.

Чё-ё-ёрт, люди же. Плевать, какие ещё слухи распустят

обо мне, главное, чтобы Мирру не задело. Быстро увожу её в беседку, подальше от посторонних глаз.

– Время поиграть в доктора. Ты же будешь послушной пациенткой, Мирра?

– А это не слишком для первого свидания, Марк, как Вас там по отчеству? – отвечает в тон, но руку всё равно даёт.

– Викторович. И нет, думаю в самый раз.

Аккуратно протираю влажной салфеткой пострадавший участок кожи. Мирра шипит от боли, но не останавливает меня. Ватных дисков в аптечке не нашлось, зато была новая упаковка стерильной ваты. Пропитываю её ароматным облепиховым маслом и укладываю на рану. Поверх – липкий бинт. Не помню, как это чудо медицины называется, но лучше пока ничего не изобрели.

Бинт этот поселился в моей машине с тех пор, когда я возил к врачу младшего сына сестры. Шустрый пацан умудрился сломать руку в год и превратить это из трагедии в сплошное развлечение.

– Готово! – делаю последний оборот ярко-жёлтого бинта с принтом в виде улыбающихся смайликов.

– Спасибо, добрый доктор. Я буду самой яркой в этой деревне, – звонко смеясь, разглядывает получившуюся картину и прячет под рукав.

– На здоровье. Пойдём, покажу тебе кусочек лета.

– Лета? – в её глазах горит любопытство, подпитанное удивлением, а когда я открываю двери в теплицу, начинают сиять ещё ярче.

39. Марк

Здесь действительно лето. Шесть рядов стеллажей с тремя уровнями посадки, и на каждом созревает клубника. Стабильные плюс двадцать пять, световой день минимум четырнадцать часов, высокая влажность, аромат травы и спелых ягод.

Мирра осторожно крадётся между рядами, разглядывая всё вокруг, легонько касаясь лепестков и улыбаясь маленьким белым цветкам.

– У нас пятнадцать минут до того, как включится полив. До этого лучше справиться, если не хочешь промокнуть.

– С чем справиться? – оборачивается Мирра, а я достаю из коробки на входе новое лукошко и вручаю очарованной девушке.

– Со сбором клубники, конечно.

Она почему-то смущается, но аккуратно выбирает самые спелые. Хочется немного подразнить, и я срываю крупную ягоду, ополаскиваю в ручномойнике и подношу к сочным гу-

бам Мирры.

– Попробуешь? Смотри, какая красивая. И вкусная, гарантирую, – шепчу срывающимся голосом.

Её зрачки моментально расширяются, а над верхней губой появляются бисеринки пота. И правда, становится жарковато. Не только от температуры в теплице. Особенно когда она вонзает свои зубки в красную плоть. Когда по губам порочно стекает сладкий сок. Когда я растираю каплю пальцем и слизываю с него сладость. Когда целовываю этот вкус с губ Мирры, а она тихонечко стонет мне в рот, совсем растворившись в моменте.

Где-то вдалеке слышен писк предупреждающий о включении полива, но сейчас плевать. Нас накрывает страстью и облаком воды из распылителя. Температура не понижается. Мы всё так же жарко целуемся.

Мозг отключается не весь. Поблёскивающие мелкие капли росы в волосах Мирры – это, конечно, очень нежное зрелище, но она только выздоровела и снова болеть ей точно не стоит. С сожалением отрываюсь от самого вкусного десерта, а она тянется за мной, пытаюсь поймать, чтобы продолжить.

Мирра нехотя открывает глаза и, кажется, только сейчас

замечает, что нас накрыло дождём. Обнимая, быстрым шагом увожу её из теплицы.

– Ну что? Поехали дальше? – спрашиваю, когда выходим на улицу.

– Будут ещё сюрпризы?

– Надеюсь, получится тебя удивить. Стейки любишь?

Ехать не очень далеко, но дорога пока не самая лучшая. Открытие глэмпинга планируется только к началу сезона в мае, а здесь регулярно ездит строительная техника – смысла наводить красоту пока не вижу. Полностью готовы только первые три домика из десяти. Нам хватит и одного.

Останавливаю машину на небольшой парковке, и Мирра вопросительно смотрит на меня.

– Завёз меня в глухой лес? Учти, я Машке свою геолокацию отправила, чтобы она следила!

– Всё равно тут интернета пока нет. Пойдём. Тебе понравится. Вызывать МЧС не придётся, – достаю из багажника корзину с заготовками для нашего ужина, аптечку для перевязки и закрываю машину.

Всего несколько минут пути, и начинают виднеться домики. Они стоят у самого берега, но всё ещё в тени сосновой рощи. Мирра немного хмурится, не понимая, что именно видит. А видит она три дома в стиле “А-фрейм”, если проще – дом-шалаш. Треугольная постройка, напоминающая крышу без самого дома. Два яруса, первый из которых – полноценный этаж с кухней-гостиной, и второй, высотой в пол-этажа, – спальня. Туда ведёт деревянная лестница, и почти всё пространство занимает просторная кровать. На нашем побережье такое редко встретишь. В основном это гостевые дома ободранного типа или гостиницы с бешеным ценником и отвратительным сервисом. Они так приелись туристам, что, как только мы разместили первые объявления, бронь заполнилась на несколько месяцев вперёд.

– Удивил! Это очень красиво, Марк! – отмирает она после нескольких минут разглядывания домика.

– Когда стемнеет, зажжём огни на крыше. Будет ещё красивее, – обнимаю её за талию и легонько целую в макушку.

Волосы пахнут солнцем, чем-то сладким и немножечко гарью. Отпускаю её исследовать дом внутри. Она любопытно заглядывает за каждую дверь, пока я выношу мягкое кресло на террасу с видом на море.

– Пойдём, я тебе кинотеатр под открытым небом организовал, – выдаю плед и мытую клубнику. – Не замёрзла? Что-то ещё хочешь?

– Нет, спасибо, – довольно кутаясь в клетчатое безобразии, усаживается в кресло.

– Хорошо, – целую одну из сотен постоянно манящих меня веснушек на её носике, оставляю любоваться догорающим закатом, а сам иду готовить ужин.

В меню сегодня овощной салат, печёный картофель и сочные стейки с золотистой корочкой, красное вино и шоколадный торт. Минимум усилий, но всё безумно вкусно. Когда мясо почти готово, а солнце село, приходит Мирра.

– Прости, я уснула. Тебе чем-то помочь?

– Всё готово, осталось только выложить и можно ужинать, – открываю крышку гриля, под которой бодро скворчит ароматное мясо.

Всё вроде бы хорошо, но Мирра хмурится с каждой секундой сильнее.

– Ты в порядке?

– Нет, – говорит она, убегает в дом и закрывается в ванной.

– Мирра? – стучу в дверь, а за ней какое-то время слышен только шум воды.

– Всё нормально. Дай мне пару минут.

– Если что, я рядом, просто позови, – дожидаюсь одобрительного ответа и ухожу накрывать на стол.

Я забыл подключить холодильник и вино осталось тёплым. Хорошо, что торт и масло для стейков остались в сумке с аккумулятором холода. Придётся заваривать чай. Рибай с чаем... Просто прекрасно, Ожёгов. Удивил так удивил девушку. Хоть бы с прожаркой угадал, а то и это не додумался спросить.

Выкладываю стейки на деревянные доски, посыпаю солью и укладываю сверху кусочек чесночного сливочного масла. Оно подтаивает, добавляет мясу ещё больше сочности и усиливает аромат. Идеально.

Мирра выходит из своего укрытия как раз, когда я разли-

ваю чай по кружкам.

– К ужину на выбор горячий чай или тёплое вино. Ещё есть сок и вода, но тоже тёплые. Холодильник забыл завести, – виновато улыбаюсь и замечаю, что настроение у Мирры стало чуть лучше, а вот цвет лица приобрёл серо-зелёные оттенки. – С тобой точно всё хорошо?

– Порядок. Давай чай, если не сладкий, – говорит она, усаживаясь за стол.

Ставлю перед ней дымящуюся кружку и доску с мясом, сажусь напротив, и Мирра вроде бы улыбается, но так, будто терпит боль.

– Если что-то не так, ты мне скажи, ладно?

– Конечно.

– Ну тогда за этот вечер? – отрезаю кусочек мяса и протягиваю Мирре, ну не кружками же с чаем чокаться.

Она, смеясь, повторяет за мной и по кухне разносится стальной, царапающий звук вилок.

– Приятного аппетита, – говорю я, а Мирра кивает в ответ,

уже пережёвывая свой кусочек. – Угадал с прожаркой?

Она кивает ещё интенсивнее и вроде улыбаясь, но всё так же напряжённо. Отставляет мясо и пьёт только чай, а в какой-то момент срывается и бежит снова, запирается в ванной, где её рвёт.

Убираю всё со стола, оставляя только чай. На ещё не остывшем гриле делаю что-то вроде тостов.

– Я, кажется, отравилась, можешь меня домой отвезти? Прости, я опять всё испортила, – она выходит заплаканная и расстроенная.

– Нет и нет. В смысле не испортила. И не отравилась. За качество клубники я отвечаю головой. А такую аллергию на мясо я видел трижды в своей жизни. У своей сестры.

Мирра не понимает, в чём дело, а я узнаю эти симптомы из тысячи.

40. Убежать

Марк что-то рассказывает про сестру и её команду малышей, а я не слышу. Сквозь монотонное шипение и оглушающий звон до меня доносится невнятное эхо голоса, но разобрать слов невозможно. Я глубоко под водой, на самом краю вселенной... Или это обрыв? Что я вообще здесь делаю? Вроде бы рядом с Марком, он тёплый, уютный, любит объёмные худи и, кажется, меня. Но при этом я совершенно одна в своей темноте и пустоте. Вижу, как двигаются губы, как, улыбаясь, он показывает какие-то размытые в сплошное пятно фото в телефоне, как почему-то дрожат его пальцы. А с ним что случилось?

Опускаю глаза на свои руки, повисшие вдоль тела, чтобы посмотреть, а не дрожат ли мои. Поднимаю повыше, и на ладони падают две тёплые капли. Это ускользающее тепло единственное, что я чувствую. В остальном – нервы перегорели и абсолютно не принимают сигналы.

Растираю капли по складкам на ладони. Расчерчиваю мокрым пальцем линию мудрости, жизни, судьбы, любви... Где-то среди этих тонких морщинок кожи точно должен быть ответ на все вопросы. Я просто не вижу. Передо мною

подробная карта, я просто не умею ей пользоваться.

Когда собираюсь повторить линию брака дорожкой из слёз, вспоминаю, что где-то тут должна быть подсказка по поводу детей. Не оглядываясь на шокированного Марка, подбегаю к вытяжке над плитой. Бессмысленно тарабаню по сенсорной поверхности, пытаюсь включить подсветку, но включается что угодно, кроме неё. Пальцы не слушаются, и я уже со злостью бью по панели. Марк, видимо, не выдерживает этого зрелища, подходит и спокойно укрощает дикого зверя по имени “вытяжка”.

Я почти отпихиваю его со своего пути и подставляю ладонь свету. Абсолютно ничего не понимаю в изломах кожи, но всё равно нервно пытаюсь высмотреть хоть немного правды. Придерживаю одну руку другой, пытаюсь спасти от дрожи. Ничего не выходит. Злюсь всё сильнее. На кого или что не разобрать, но колкие пузырьки закипающего гнева превращают душу в кровавое месиво. Так часто и рвано дышу, что не хватает воздуха.

Вылетаю на улицу. Всё ещё по-зимнему холодный воздух забивается в лёгкие, заставляя закашляться. Нервные окончания снова просыпаются. Февральская ночь обжигает кожу и отрезвляет сознание.

Марк не может быть прав. Нет, нет, нет. Это просто дурацкое стечение обстоятельств. Сейчас я приеду домой, расскажу всё Машке, она меня успокоит. Дурацкая сеть на краю света не ловит, так бы уже поговорили. Нужно просто немного подождать, и всё снова вернётся на свои места. Я уверена, что совершенно зря сейчас перепугалась.

Марк обнимает меня сзади и нежно целует плечо.

– Пойдём. Только придётся с фонариком пробираться через рощу. Не испугаешься? – тепло шепчет на ухо.

Отрицательно качаю головой. Так и молчу всю дорогу домой.

Слишком много навязчивых мыслей, от которых нужно быстрее бежать. Не заметила, как мы дошли по ночной роще до машины. Доехали домой, кажется, за несколько минут.

Когда Марк паркуется у ворот, я моментально обрываю его порыв пойти меня провожать.

– Прости, Машка уже спит, наверное, не хочу её будить. Тихонечко в спальню проберусь и тоже спать лягу.

– Договорились. Если тебе снова станет плохо, позвони

обязательно. Я помогу.

– Ты ещё и доктор?

– Немного ветеринар, – говорит он с особой гордостью, а я не могу понять: он серьёзно или это шутки такие, чтобы меня подбодрить.

– Вы полны сюрпризов, Марк Викторович, – выдавливаю из себя улыбку, которая быстро гаснет. – Что-то не клеится у нас со свиданиями. И всё равно спасибо за вечер.

– Как бы ни сложилось, всё будет хорошо, Мирра.

—Доброй ночи, – делаю вид, что не понимаю, о чём он говорит, и убегаю из машины.

В доме закрыта входная дверь и темно. Наверное, Машка действительно спит. Тихонечко прячусь в спальне и ворочаюсь в кровати полночи. Засыпаю тревожным сном, только когда небо начинает сереть.

А просыпаться было невероятно тепло и уютно. Я снова была в самом безопасном месте на всей планете, под ухом билось самое родное сердце.

41. Снова и снова

Я ухватила за хвост то редкое чувство, когда просыпаясь понимаешь, что пора вставать, но тут же вспоминаешь, что никуда не нужно спешить и можно ещё немного безнаказанно понежится, обнимая любимого человека. Не открывая глаз, вдыхать аромат кожи и кончиками пальцев наслаждаться её гладкостью. Споткнуться о небольшой шрам, вспомнить, как на несколько недель забила на работу, готовила все возможные блюда из диеты номер пять, меняла повязки три раза в день и всячески ублажала пострадавшего от аппендицита мужа. Это был почти второй медовый месяц, но сладкое временно заменили на сериалы и настолки.

Целую вечность мне не было так хорошо. Удивительно, что нет чувства усталости после целой ночи метаний. Поэтому сейчас боялась открывать глаза из последних сил, хватаясь за обрывки сна, только бы ещё немножечко погреться. Только бы не терять эту ниточку, ведущую к прошлому.

Прошлому?

Понимание, что я действительно лежу, прижавшись к мужской груди, приходит не сразу. Плечо под головой, ров-

ное дыхание и спокойный пульс, тёплая, вкусно пахнущая кожа и тот самый шрам под пальцами.

Ощущение безопасности и дома очень быстро тает, превращаясь в тревогу. Откуда он здесь взялся и что вообще происходит? Хочется оттолкнуть, закричать, но в то же время какие-то ошмётки сердца всё ещё тянутся поближе прижаться к груди.

Осторожно, не открывая глаз, отрываю себя прямо с кожей, но, к своему удивлению, без мучительных сожалений.

Не знаю, сколько я проспала. Голова немного гудит, а сердце колотится, набирая обороты. Смотрю куда угодно, только не на человека, развалившегося рядом. Солнечный свет уже не ломился в окно наглыми рассветными лучами, а мягко, почти вальяжно укутывал спальню. Часы над дверью показывают половину второго. Как Машка до сих пор не пришла и вообще впустила его в дом?

– Костя, что ты здесь делаешь? – пытаюсь его спихнуть с кровати ногой, но ничего не выходит, тяжёлый зараза.

Он нехотя начинает ворочаться и щурится сонными глазами. Оглядывается, будто сам не понимает, где находится и падает обратно на подушки.

– Доброе утро, – потирает глаза и, подхватывая с тумбочки часы, застёгивает их на запястье.

Совершенно спокойные, будничные действия. Просто очередное утро, я почему-то проснулась в капризном настроении, а он не понимает почему.

– Жданов, я не любезностей от тебя жду, а информацию, что ты в моей постели забыл?! И как ты в дом вообще попал? – зло откидываю одеяло и спрыгиваю с кровати.

Не может же он дураком прикидываться? Ради чего?

– Вчера ночью приехал. Там тебе почты пришло много, заказы всякие. Вот привёз. А ключи запасные нашёл. Ты чего злишься, Мирок? Хорошо же сейчас спали в обнимку, – он улыбается, будто не было всей прошлой недели, не было скандалов и оскорблений, мы просто приехали на дачу отдохнуть.

Меня ужасно мутит от всей ситуации, от его улыбки, по-настоящему искренней, от неожиданно душного аромата его парфюма, от...

А вот последняя догадка меня добивает окончательно. Я

мчусь в туалет, где меня выворачивает. Желудок пустой, но спазмы мучат меня снова и снова.

42. Начнём сначала

Провожу в ванной не меньше получаса в надежде, что Костя поймёт, что ему тут не рады и, наконец, уедет. Можно даже по-английски, я не обижусь. Лишь бы не видеть его сейчас. Особенно сейчас.

Принимаю душ, вымываю и тщательно высушиваю волосы. Мне так не хочется выходить, что я почти делаю укладку и даже на этом не успокаиваюсь. Перебираю ящики, в которых почти нет вещей. Вытираю дверку душа, чтобы не осталось никаких разводов. Набираю номер Машки, чтобы узнать, где она лазит и как вообще допустила появление Кости в доме. Даже если она спала ночью, то как могла не зайти ко мне до самого обеда?

– Привет, Малинка! Ну как прошло свидание? Хватило у твоего фермера сил кровать сломать? Ты дома уже? – спустя несколько гудков жизнерадостно отвечает Маша.

– Со вчера я дома, ты где? И как ты появление Кости проспала? – опираюсь на раковину и начинаю ревизию полок.

Раньше здесь можно было найти всё для всего и от всего.

Может, я и ответы на вопросы случайно найду?

– Жданов припёрся? Да твою же... Я вчера вечером почти сразу после вас с Марком уехала к своим. Оставила записку на столе, дозвониться не смогла, – она шумно вздыхает и, судя по звукам, выходит на улицу. – Подожди, а почему ты домой вернулась?

– Это отдельная и очень сложная тема для разговора. Маш, ты мне очень нужна, приезжай, пожалуйста, – упираюсь лбом в холодное зеркало, шепчу последние слова едва слышно.

– Сейчас, Малинка. И так собиралась уже. Пятнадцать минут потерпи и я на месте. Жданова только не слушай.

Сбрасываю звонок и машинально рисую на запотевшем от моего дыхания стекле сердечко. Я справлюсь. Обязательно справлюсь. Вытираю свои художества и решаюсь выйти.

У меня стойкое ощущение, что это всё уже было. Костя снова хозяйничает на кухне. В сковороде что-то булькает, пока он увлечённо нарезает зелень. Так и не надев футболку, разгуливает в одних домашних штанах. Желание обнять его со спины, поцеловать между лопаток никуда не девается. Не счесть сколько раз я любовалась его таким домашним видом,

а теперь это кажется слишком интимным.

– Костя, что ты делаешь, почему всё ещё здесь?

– Шакшуку, – отвечает, не оборачиваясь. – Ты же любишь её вымакивать хлебом прямо из сковороды.

– А ты не слишком поздно вспомнил о том, что я люблю? – швыряю в него фразу для начала разговора, который больше нельзя откладывать.

Костя откладывает нарезку, выключает плиту и поворачивается ко мне, вытирая руки полотенцем.

– Мирок, я накосячил. Не пойму сам, как влип в эти игры. Мне очень жаль, что ты всё это увидела.

– А если бы не увидела? Так бы и прятался с ней по кабинетам? – каждое слово во мне прожигает огромную дыру.

Но ад нужно пройти до конца. Иначе как найти выход?

Черты его лица некрасиво заостряются, становятся жёстче, руки, спрятанные в карманы, сжимаются в кулаки. На кого он так злится? На мои слова или на себя?

– Я что-то не так сказала?

– Всё так, Мирра, всё так. Я перед тобой виноват, не спорю. Прошрое только никак не могу исправить, – не спеша, словно боясь спугнуть, подходит ближе. – Но и без тебя не могу. Задыхаюсь дома. Вчера консьерж почту принёс, и я сразу к тебе поехал. Понял, что не смогу дождаться утра.

Замечаю, что он говорит только про себя и свои чувства. Неужели так было всегда, а я просто не замечала этого, будучи по уши в нём?

Костя принимает моё молчание за согласие и решает выдать пачку козырей. Исходя из его логики, выигрышных.

– Давай начнём сначала? Притворимся, что ты ничего не видела, и Макар этот... Марат... Или как его там... Ну, было и было. Забудем, – он почти сияет, произнося эти слова и всё ближе подбираясь ко мне. – Может, ребёнка родим, Мирок? Говорят, это помогает. Помнишь, мы хотели когда-то, а потом случились фирма, свадьба, ремонт. Всё завертелось, и нас незаметно разнесло по разным сторонам.

И снова он болтает, не давая вставить и слово. Следующий ход в программе – давить аргументами, после которых твоя точка зрения покажется ошибочной. Но мы до этого не

дойдём. Когда он предлагает родить ребёнка, мне по-настоящему становится страшно.

Жданов всегда умел бить словами точно в цель. Это его попадание оказывается особенно метким. Рой моих мыслей одновременно перестаёт жужжать. В оглушающей тишине не слышен даже стук сердца. Я скрещиваю руки на груди, не только чтобы отгородиться от Кости, но и чтобы он не увидел, как дрожат мои пальцы. Не время сейчас проявлять слабость. Он больше не самый близкий и родной человек, и не должен увидеть, как я плачу.

– Костя, тебя по голове не били случайно? Что за ерунду несёшь? Ты уже привёл кого-то третьего между нами. Давай на этом остановимся. Пожалуйста, – о последнем прошу не только Костю, но и всех богов, которых знаю.

– Нет. Никого. Между нами, – чеканит каждое слово мне в губы и, резко сокращая расстояние, впивается в них поцелуем.

Врезаясь, он беспощадно терзает мои губы, зубы неприятно царапают кожу, кажется, до крови. Никак не могу поверить, что это мой Костя. Это чужак, совершенно непохожий на моего мужа. Запах, вкус, движения невпопад – всё совершенно не то. Это настолько неприятно, что я мгновенно

но отталкиваю и, сама от себя не ожидая, бью его по лицу изо всех сил.

Звук пощёчины оказывается неожиданно сладким. Я повторяю ещё, ещё и ещё, а он шокировано смотрит, покорно принимая удары. Все мои демоны сорвались с цепи и отрываюются по полной. Боль растекается по ладоням горячими и острыми колючками, а в душе ворочается тьма, пропитанная ядом.

– Костя, что ты сделал с нами? Стоило оно того, скажи? – пугаюсь самой себя и всё дальше отхожу от него, не поворачиваясь спиной, пока не упираюсь в стену. – Это всё. Нет у нас больше никакого общего будущего. А прошлое ты в своём кабинете испачкал.

– О чём сожалею. Мирра, я люблю тебя. Я самый настоящий придурок, что так себя повёл, и готов на всё, лишь бы ты дала мне шанс. Для меня это очень важно.

– Ты действительно считаешь, что в нашей ситуации родить ребенка – хорошая идея?

– Конечно, – он сияет, словно я уже на всё согласна. – Ты будешь прекрасной мамой. Мальчишки. С твоими глазами. Только без веснушек желательно. Мальчишкам такое не идёт.

– Я буду рожать и воспитывать, а ты с каждым разом всё дольше задерживаться на работе? С клиентками? – он снова подходит ближе и делает единственное, чего я не ожидаю.

Костя становится на колени и, упираясь головой в живот, обнимает за бёдра. Его горячие руки до боли жгут кожу сквозь ткань домашних штанов.

Он всегда чувствовал меня и понимал. Это очередное доказательство, что мы больше не совпадаем совершенно. Иначе он понял бы, что для меня всё это слишком.

– Мирок, я как увидел тебя там, испугался страшно. Будто протрезвел моментально и понял, что натворил. Не знаю, за каким чёртом ещё гадостей потом наговорил. Я на самом деле так не думаю, ты же знаешь.

Не хочу это слышать, машу головой и поднимаю руки, чтоб заткнуть уши. Рукав домашней кофты соскальзывает до локтя, оголяя мою счастливую повязку. Костя её замечает и меняется в лице.

– Это что? Мирра, ты совсем дура, что ли?!

Вот здесь можно ставить точку. И минуты не прошло, как

он из жалостливого и ласкового котика превратился в жестокого и холодного мужчину. Снова первым делом выяснение отношений, а потом уже решение проблем. Я больше так не хочу.

43. Встретиться с будущим

Костя резко поднимается, дёргает на себя руку и начинает хаотичными движениями срывать бинт. Тянет в разные стороны, пытается найти конец, но ничего не выходит. Он липкий эластичный и не рвётся, а только неприятно врезается в нежную кожу и рану. Мне хочется скулить от боли и обиды, но я держусь, глядя на беснующегося всё ещё мужа. Костя дёргает особенно сильно, разрывая рисунок улыбки на жёлтом бинте пополам. От этого движения повреждённая кожа на ранке лопается, и на месте небольшого волдыря выступают капельки крови.

– Что это?! – он почти кричит, а мне больше неинтересно.

Мне почти безразлично и холодно рядом с ним. Я просто наблюдаю, как капельки становятся всё больше и сливаются в одну, стекая тонкой струйкой вниз по запястью.

Хотел крови и добился своего.

– Обожглась случайно, ничего криминального, – говорю спокойно, зная, что, когда он уйдёт, начнётся буря. – Кость, ты действительно думал, что стоишь того, чтобы вены ре-

зять? Мне кажется, того, что со мной происходит, уже многовато будет. Я не заслужила всей этой боли.

Вдох-выдох. Только продержаться, ещё несколько минут и несколько фраз.

Все эти дни я крутила наш разговор в голове, выстраивала фразы в ряд, меняла местами слова, выбирала самые болючие, заучивала, но сейчас... Сейчас просто хочется, чтобы он услышал меня и по-настоящему понял, что назад пути нет.

– Не будет у нас с тобой общего будущего, – аккуратно вынимаю руку из его стального захвата и решаюсь заглянуть в не менее стальные глаза. – Ты меня совершенно не слышишь, и я не понимаю, к чему это сегодняшнее выступление. В прошлый раз ты очень красноречиво дал понять, что я тебе не нужна. Пускай так и будет. Уходи, Жданов, – отворачиваюсь, чтобы не смотреть и взять салфетку вытереть кровь.

– Мирок, я болван. Наговорил глупостей, но я же люблю тебя.

– Откуда мне знать, что сейчас тоже не глупости? Или завтра найдутся какие-то новые обстоятельства, которые повлияют на твоё мнение? Нет, Кость. Ты слишком поздно вспом-

нил обо мне. Я больше не хочу.

Он собирается ответить, но в дом влетает, не разуваясь, одна грозная валькирия. Становится на мою защиту, пытаюсь спрятать за спиной.

– Ко-о-остя, давно не виделись. Что пришёл? Сладенького захотелось? Я могу добавить.

– А ты не обнаглела лезть не в своё дело? – скалится он.

Машка что-то собирается ответить, судя по тому, как у неё шерсть становится дыбом, но я обрываю Костю, чтобы не начался скандал.

– Тебе пора, – выныриваю из-за спины Машки. – Костя, этот разговор ничего не изменит, поверь. Не приезжай сюда больше. Я постараюсь, чтобы моя почта тебя не беспокоила, как-нибудь заеду за оставшимися вещами. И нужно будет что-то придумать с разводом, – выдыхаю это страшное слово вместе со всем кислородом в организме.

Всё замирает. Кажется, даже кровь в венах останавливает свой бег. Боюсь шевелиться и даже дышать. Если я сейчас сдамся и расскажу о своих догадках, он меня больше никогда не отпустит. Мы будем ходить по кругу снова и снова. Мне

придётся терпеть его измены и ложь и с каждым разом всё сильнее ненавидеть себя.

Представить не могла, что с нами такое может случиться, что мне придётся делать такой выбор. С Костей всегда было уютно, тепло и безопасно. Но сейчас кто-то другой долго смотрит мне в глаза, выискивая хоть немного желаний всё вернуть, и упирается в глухую стену.

– Это не конец, Мирра. Я знаю, что сломал тебя. Знаю, что сделал больно, но постараюсь всё исправить, – говорит он, а я больше не верю ни одному слову.

– Оставь ключи, пожалуйста, – шепчу, а сердце всё ещё не бьётся. Я своими руками обрываю последние ниточки между нами.

Холодный металл и неожиданно холодные пальцы касаются моей кожи. Он больше ничего не говорит. Просто уходит.

– Ты в порядке? – обнимает меня Машка.

– Нет. Во всех смыслах нет.

Меня начинает мелко потряхивать. То ли это откат от беседы с Костей, то ли страх произнести вслух следующие сло-

ва.

– Вот Жданов – скотина, умеет настроение испоганить!

– Я, кажется, беременна, – выдаю на одном дыхании. – Я не просто так вернулась домой вчера. Мне стало нехорошо и...

– Ты тест уже сделала? – как всегда, рвётся в бой Машка.

– Нет. Вчера негде было взять, утром Костя обнаружился.

Маша очень быстро берёт всё в свои руки, а точнее ключи от моей машины, и едет в магазин. Я не успеваю убрать все последствия пребывания Кости, как она возвращается и вручает мне небольшой пакет.

– Все, что нашла. В дальнем магазине был последний, а у тёти Кати три, но все просроченные. Лучше, чем ничего. Вперед, – говорит, заталкивая меня в ванную.

Я растерянно стою с ворохом коробочек и не знаю, с чего начать. Цветастые, жизнерадостные упаковки, украшенные счастливыми пузатыми дамочками, не очень-то воодушевляют в такой ситуации, но всё равно приходится действовать по инструкции.

Выкладываю на раковине в ряд все тесты и отворачиваюсь к противоположной стене на положенные три-пять минут.

Не так и просто встретиться со своим будущим.

44. Всё решено за меня

Раз, два, три. Считаю про себя секунды. Они тянутся долго-долго, как жвачка, лениво высыпаясь песчинками сквозь пальцы.

Восемнадцать, девятнадцать, двадцать. Начинаю очень медленно. Чем дальше, тем сильнее ускоряюсь. Вроде бы никто не гонится, а сердечко несётся галопом.

Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, ну вот сейчас можно? Бесконечная минута прошла. Мне можно простить моё нетерпение.

Я хочу знать скорее.

Я хочу не знать никогда.

Оборачиваюсь на секунду, глядя только в зеркало, и тут же обратно. Успеваю заметить уставшую, заплаканную девушку. И никаких красных полосок в районе раковины. Но должна же быть хоть одна. Они все что ли просроченные? Может посмотреть? Вдруг зря жду.

Оборачиваюсь и пытаюсь заглянуть в самую себя. Внутри бушует штормовое море, а снаружи – полный штиль. Только вот на шее часто-часто пульсирует венка, зрачки сожрали почти всю радужку, мурашки, не прекращаясь, кочуют из одного места в другое, выдавая моё состояние.

А предатель-взгляд сам по себе соскальзывает вниз и натывается на пустоту на просроченных тестах. На единственном рабочем рядом с первой ярко-алой виднеется бледная, почти прозрачная вторая полоска.

Раньше, когда я думала об этом моменте, казалось, что он будет наполнен счастливым предвкушением. Я буду выбирать один из сотен вариантов, как обрадовать Костю, друзей, родственников. Выбирать одежду для нового человека и скупать приспособления, которые покажутся практичными, но так ни разу и не пригодятся.

Сейчас же приходится придерживать одной рукой выпрыгивающее сердце, другой останавливать крик, рвущийся из горла. Кусаю ладонь до боли, до красных чётких следов, чтобы удостовериться в реальности происходящего.

Слёзы только не остановить.

Не знаю, сколько времени проходит, но в ванной появля-

ется Маша. Я настолько оглохла, что не слышала, как она меня звала и вскрывала дверь снаружи.

– Малин, ну тут почти не видно, – щурясь пытается навести резкость, чтобы разглядеть вторую полосу.

– Тоже считается, – сгребаю все неудавшиеся тесты, вырываю из рук Машки ещё один и отправляю в корзину.

Проблема от этого не исчезнет, но хоть какие-то действия успокаивают.

– А если он бракованный? – возмущается она, тоже разозлившись. – Так, пойдём попробуем утрамбовать в тебя завтрак и съездим в город к доктору.

– Завтрак – нет, а насчёт второго согласна, пойду одеваться.

– Тпру, лошадка, – хватает за рукав меня Маша. – Первым делом самолеты. Шагай на кухню, я овсянку сварила, как ты любишь.

Желудок скрутило в тугой узел, но подругу обижать не хочется. Поесть вряд ли получится, но хоть сделаю вид.

– Умывайся, и жду тебя на кухне, – крепко обнимает, долго не отпуская. – Малинка, мы со всем справимся, верь мне, – клюёт в щёку поцелуем и оставляет меня одну.

От её поддержки во всём этом сумасшествии становится немного теплее. Я знаю, что она меня никогда не оставит и поможет, но придётся справляться одной.

Но Костя... Что он скажет, когда узнает? Судя по его сегодняшним обещаниям, посадит на цепь рядом с собой, и всё будет продолжаться и дальше. Или всё это была игра и он отправит меня избавляться от ребенка? А я сама себя не отправлю? Я смогу с этим жить?

Хоровод моих мыслей обрывает звонок мамы. Это уже становится нехорошей традицией после приезда Кости. Неужели он ей пожаловался, чтобы “повлияла”?

45. Тишина

Малодушно жду, пока закончится звонок и погаснет экран. Оправдываю своё невежество тем, что её высказывания сейчас могут слишком сильно повлиять на мои решения и настроение. Не хочу слышать очередной идеальный план моей жизни, срежиссированный мамой.

В меня всего пять минут назад ударила молния, врезался автомобиль и упал тот самый кирпич на голову. Думаю, я заслужила передышку хотя бы от мнения, что важен кто угодно, кроме меня. Совсем скоро и так от меня самой вообще мало что останется.

К счастью, звонок не повторяется.

А вот дальше время сходит с ума. Оно проносится кометой мимо меня, пока заталкиваю в себя кашу, одеваюсь, чищу зубы, глядя на полоски на тесте. Пока Машка пытается меня развеселить по пути в клинику. Даже километровые пробки милостиво пропускают нас в город.

А потом время начинает липко тянуться. Медсестра медленно заполняет карточки, задавая глупые вопросы по кру-

гу, заботливо протирая кожу спиртом, выкачивает сразу три пробирки крови.

Когда врач приглашает на УЗИ, сердце разгоняется до ста двадцати, а часы, наоборот, останавливаются. Долго и неприятно водя датчиком, хмурия брови, она смотрит в монитор. Я тоже заглядываю в надежде хоть что-то разглядеть, но мутные пятна из всех оттенков серого не складываются ни в какую картинку.

Врач диктует какие-то параметры для медсестры, а я всё больше не понимаю, почему разговаривают не со мной. От этого ещё страшнее, а спросить не хватает голоса. Я слишком боюсь ответов.

Считаю светильники на потолке, книжки на полке в шкафу, количество тюльпанов, которые почему-то стоят не в вазе, а в кружке в виде снеговика с серебристым шарфиком и почему-то носом. Как-то очень несочетаемо выглядит холодная весна и ярко-жёлтая, с брызгами зелени, весна.

– Ну что, – прерывает мои мысли доктор, у которой из-под шапочки выбилась прядь неожиданно розовых волос. – Плодное яйцо прикрепилось к задней стенке низковато, конечно, но...

– Я что... – не даю договорить фразу на каком-то непонятном для меня языке и хочу уточнить, но не выходит произнести вслух.

– Беременны? Да. Срок шесть-восемь недель. Вы не рады?

– Я не знаю, – давлюсь своими же словами, но мысли скачут так быстро, что я не успеваю их ловить, врач точно подумает, что перед ней сумасшедшая. – Это всё очень не вовремя...

– Нежеланная? – её лицо становится жёстче и холоднее. – Хотите записаться на прерывание?

Я не знаю. Не знаю. Не знаю!

– Я могу подумать?

– Можете. Но недолго.

Она объясняет сроки, последствия и ещё множество мелочей, которые я не запоминаю и прошу мне записать.

– Только подумайте хорошенько, это важное решение, – говорит она напоследок.

Мне нечего ответить, и я тихонечко прикрываю за собой дверь. Также тихо и аккуратно крадусь к выходу, боясь сломать тишину звуком своих шагов.

Усаживаюсь в машину и тут же отворачиваюсь к окну, с головой укутываясь в палантин. Машка вопросов не задаёт, а просто везёт нас домой.

Когда мы подъезжаем, у ворот обнаруживается Марк. Сейчас он точно лишний.

– Ты сегодня получше? – как всегда, с улыбкой и очень заботливо спрашивает он.

Хочу ему рассказать. Так много хочу рассказать, но будет совершенно несправедливо сейчас втягивать его в свою жизнь. Самой бы разобраться, как из этого выпутываться.

– Не приходи больше, пожалуйста.

46. Почему я?

Попросив Марка не приходить, развернулась и ушла. Не оглядываясь и не делая попыток объясниться. И он неожиданно послушал. Не появлялся все те дни, когда меня поглощали работа и побег от действительности. Только по утрам на крыльце каждый день меня ждала корзинка с ягодами, домашним маслом и хлебом. Это было очень трогательно и вкусно, но мою тревогу не снимало.

Теперь, когда всё известно, становится ещё страшнее. Холод пробирался вверх по ногам, постепенно захватывая всё тело, несмотря на тяжёлое одеяло, плед, тёплую пижаму и пушистые носки. Из окна открывался невероятно красивый вид. Солнце согревало воздух и февральское тревожное море. Блики плясали на волнах, ослепляя глаза даже здесь. Ветер доносил колокольный звон из храма по соседству, напоминая мне одну из поездок с Костей в командировку. Прячусь под одеяло с головой, и картинка становится реальнее.

В Питер я влюбилась насмерть с первого взгляда. Прилетели мы ночью, и единственное, что я смогла заметить за усталостью это то, как после раскалённого Краснодара, северная столица встретила нас свежим ветром и тёплым до-

ждём. Дорога меня так вымотала, что я заснула в такси ещё до того, как мы успели отъехать от аэропорта. Так что первый взгляд случился только из окна квартиры, в которой мы поселились. Она была спрятана в одном из неприметных и запутанных дворики в самом центре. Подъём на пятый этаж оказался сложнее, чем на двенадцатый, и это отняло последние силы. Я упала лицом вниз на кровать и отказывалась шевелиться, хотя Костя заманивал волшебным видом из окна. Но мне было так лениво, что я отказалась даже перекатиться на спину ради этого. Утром отвертеться уже не получилось. Меня разбудило солнце, настолько неожиданно ворвавшееся в сон, что я резко поднялась с кровати. И увидела его.

Купол Исаакиевского собора заливало карамелью расцветное солнце. В окнах дрожали и переливались блики золота, скульптуры казались живыми, а множество гранитных колонн надёжно держали всю эту красоту на своих плечах.

Я открыла окно и вынырнула наружу почти до пояса, подставив лицо солнцу. На крышах домов высыхали последствия ночного дождя, ласточки радостно визжали в небе. Очарованная зрелищем, не заметила, как сзади подошёл Костя.

– Доброе утро, – прокладывая дорожку щекотных поцелуев от уха к ключице, шептал он. – Выспалась уже?

– Нет. Но это так великолепно выглядит, что оторваться невозможно. Мы же тудаходим?

– Обязательно, но не в пять утра, – хрипый смех пробежался мурашками по всему телу, усиливая возбуждение, которое дарили наглые пальцы мужа. – Ты помнишь, что мы вчера обсуждали?

– М-м-м? – мурчу, совершенно не понимая, что он в такой момент от меня хочет.

– Ты согласилась завести ребенка, помнишь? Попробуем?

– Что, прямо сейчас? – заглядывая в его решительные глаза, сдаюсь.

Тогда у нас так ничего и не вышло, а по возвращении домой нас так поглотила работа и быт, что мы даже не заметили, как забыли о своём желании. Зато сейчас...

Ледяные руки укутываю в рукава, но согреться это не помогает. Прячу их под пижамную кофту и замираю, когда понимаю, что пальцы накрыли низ живота. Крупная дрожь, прошибающая моё тело разрядами тока, моментально исчезает. Я замираю, боясь пошевелиться, и даже дышу аккуратно.

нее. Кажется, что любое движение может что-то необратимо сломать мне окончательно.

Зачем же ты сейчас пришёл ко мне, маленький. Я явно не та мама, которую ты искал. Уйди, мне тяжело, я тебя не просила.

Замечаю, как против всех моих мыслей и желаний тело продолжает действовать по-своему. Кончики пальцев поглаживают кожу живота. Когда осознаю свои движения, меня бросает в жар и моментально срывает с постели. Что-то хочется срочно сделать. Не дойдя до окна, разворачиваюсь, а зачем я туда вообще шла? Наматываю круги по комнате, бессмысленно перекладывая вещи с места на место дрожащими руками. Губы искусаны до крови, но мне этого мало.

Пробегая мимо бабушкиной спальни, увидела под столом новенькой мастерской коробочку с незаконченными работами и решила на этом остановиться. Хотя нужно было решить ещё одну проблему.

Я откладывала решение, что же делать с беременностью и звонком Косте, сначала на завтра. Не звонить же в двенадцатом часу. Потом дала себе время до субботы, чтобы не отвлекать от работы шокирующими новостями. До понедельника, потому что в субботу и воскресенье замоталась, дого-

ня заказы по графику. Просто забыла.

В четверг решила, что сообщать по телефону – это не самая лучшая идея. И пообещала себе, что в пятницу точно-точно поеду. Но, ещё не открывая глаз, почувствовала приступ тошноты такой силы, что не могла оторваться сначала от унитаза, а затем от кровати.

Машка уехала ещё через пару дней. Поиски новой работы больше никак нельзя было откладывать, и я не могла её задерживать.

Потихонечку начала разбирать скопившуюся пробку из заказов. Я засыпала с плетением, просыпалась среди ночи от впившейся в бок основы и продолжала, продолжала, продолжала.

Когда я закончила упаковку последнего заказа на этот месяц по графику, на календаре было всего девятнадцатое марта. Уже девятнадцатое марта.

Я провела в таком безумном марафоне целых три недели и совершенно не заметила. Времени для выбора оставалось критически мало. А ещё нужно было всё-таки рассказать Косте.

Если сейчас не позвоню – не решусь уже никогда. Телефон жёг пальцы, а каждый следующий гудок раздражал всё сильнее.

47. Солнце в волосах

За стройными рядами бесконечно долгих гудков механический голос неожиданно сообщает, что абонент не отвечает. Ещё один маячок того, что всё изменилось, острым осколком впивается в сердце. Обычно Костя брал трубку, просто чтобы сказать, что занят, и спросить всё ли в порядке, даже во время самых важных совещаний. Даже если он был на судебных заседаниях, после гудка сразу приходило сообщение, что он скоро освободится.

Кажется, не должно это уже задевать, но никак не удаётся отделаться от ощущения разъедающей горечи.

Не могу остановиться и звоню ещё и ещё. Напряжение постепенно сменяется раздражением, и я уже решительнее набираю номер. С каждым гудком всё сильнее сжимаю розовенький мячик – антистресс, который случайно сгребла в одну из коробок с рабочими мелочами, когда собирала вещи. Он очень вовремя мне попался. Это гораздо лучше, чем грызть обветренные губы, бить посуду или придушить того же Костю, пусть он и заслуживает.

Останавливаюсь, только когда случайно замечаю счётчик

исходящих. Я так увлеклась, что позвонила двадцать два раза. За это время отчаянная тревога сменилась решительной злостью.

Пока не потеряла настрой, пытаюсь собраться с мыслями и собрать себя, чтобы добраться, наконец, до города. Нервными пальцами застегнуть молнию на джинсах получается не с первого раза. Царапаю кожу, ломаю ногти. Пробегая мимо зеркала, останавливаюсь, чтобы оценить масштабы своего безумия.

Растрёпанные волосы неровными заломами обрамляют лицо сероватого оттенка. Что-то между мхом и зелёным чаем. Веснушки, рассыпанные солнцем по носу и щекам, делают кожу ещё темнее, и хочется тщательно умыться. Единственный яркий свет – в глазах. Там из последних сил тлеет яростный огонёчек.

Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня.

Очень, очень близко. Но Маргарита была невероятно красивой, а тут готовый образ зомби к хэллоуинской вечеринке.

Шорох около входной двери отрывает меня от созерцания “прекрасного”. Кто-то шуршит на крыльце и тихонечко ругается матом, когда с глухим звоном что-то ударяется о сту-

пеньки. Кажется, у меня сейчас появится возможность поймать моего утреннего волшебника.

Тихонечко крадусь на цыпочках в коридор, прислушиваясь к возне снаружи и резко тяну дверь на себя.

– Доброе утро, Марк, – заявляю и нагло выхватываю у него из рук коробочку с голубикой, которую он ещё не успел пристроить в корзину. Интересно, это тоже своя?

Марк в шоке не только от моего появления, но и внешнего вида. Кроме классических проявлений зомби, на мне футболка надета швами наружу. Только джинсы сидят как надо. Пока ещё.

Но его взгляд привлекает что-то значительно ниже.

Решаю проверить, не выросла ли у меня третья нога, вдруг у зомби так бывает, но нахожу всего лишь носки. Разные. Один – серый в жёлтеньких уточках, второй – белый с гордой кошечкой, которая держит в лапке бокал красного, и надписью “сильная и независимая”. Последние Машка недавно притащила в попытке в очередной раз согреть и подбодрить.

Не обращая внимания на удивление в глазах Марка, открываю коробочку с голубикой. Сквозь отверстия на дне

капают вода. Помыл, значит. Подхватываю несколько ягод. Тонкая кожица лопаётся под давлением зубов, и кисло-сладкий сок разливается во рту. Вкусно так, что хочется мурчать от удовольствия, но у нас тут вроде как разговор намечается, а я всё ещё приличная женщина. Кажется. Хотя сумасшедшим, наверное, можно и помурчать...

Никто не решается заговорить первым после такого вступления. Так и стоим. Он пялится на мои носки, я жую голубику. И тоже пялюсь, да.

На то, как рассветное солнце играет в его волосах. Тёмные кудри, подсвеченные золотом, кажутся почти прозрачными и невесомыми. Прохладный ветер путает их, и мне приходится бросить все силы на то, чтобы удержать руки на месте.

На то, как тёплая улыбка расплзается по лицу, когда я, переминаясь с ноги на ногу, открываю ему вид на надпись, вышитую под котиком.

На то, как разгорается огонь в глазах, когда он поднимает взгляд выше. Холодный воздух ещё не успел согреться нежным весенним солнцем. Он нёс свежесть и прохладу ночного дождя, а я всё ещё одета только в тоненькую футболку, и стало слишком очевидно, что замёрзла.

Хочу исправить ситуацию, скрестив руки на груди, но корбочка мешается, движения получаются ломаные и нелепые, чуть было не рассыпаю ягоды, но во время беру себя в руки. Во всех смыслах.

– Так вот кто каждое утро завтрак доставляет, – пытаюсь переключить внимание на разговоры со своей бесконечной неловкости. – Зачем, Марк? Я же просила больше не приходиться.

– А это и не я. Ты меня не видела, – говорит низким голосом и добавляет жест убеждения Силы. Вот же гад. Пытается выехать за счет джедайских техник!

– Не сработало. Я всё ещё тебя вижу.

– Ладно. Тогда козырь. Сейчас вернусь, – уходит к машине и возвращается, скрывая что-то за пазухой.

– У кого-то хозяин – снова идиот? Что на этот раз прячешь?

Он улыбается так открыто, что я не могу не повторить за ним. Тяжёлые гири на сердце никуда не исчезают, но мне достаётся немного света в этой бесконечной темноте.

Марк удивляет и в этот раз. Он протягивает мне букет тюльпанов пыльно-аметистового цвета с желтой сердцевинной. Они немного похожи на пионы количеством лепестков и нежностью. Свежий аромат весны ласково обнимает меня и заставляет улыбнуться ещё шире.

– Что у нас сегодня ещё в меню? – спрашиваю, прижимая к себе, пытаясь не выронить из рук коробочку ягод, букет и заглядывая в корзину у ног.

– Творог, масло, хлеб ещё тёплый. И клубника.

– Идеальный набор для завтрака. Только сгущёнки не хватает, – говорю и тут же жалею, потому что Марк сначала теряется, а потом, кажется, собирается идти в магазин. – Пойдите. У меня есть. Это было такое нелепое приглашение. Позавтракаешь со мной?

Невыносимо захотелось перед погружением в бездну провести обычное, спокойное утро. Без потрясений и внезапных гостей. Чтобы из неожиданных поворотов сюжета остался только вернувшийся ночной дождь. В комнате снова станет темно, и вместо холодных ламп зажгутся свечи. Да, в шесть утра, кому какое дело, если хочется уюта и тепла? Тяжёлый запах серы от спичек растворится в воздухе, оставляя сладковатый шлейф, а по стенам запляшут живые тени.

Марку я поручила самую нелюбимую часть приготовления – протереть творог. Мне осталось самое простое – смешать все ингредиенты и пожарить сырники, пока он заваривал чай.

Звон посуды, тихий смех, беседа ни о чём – и километры одиночества и боли остаются позади. Хотя бы ненадолго. Даже не заметила, как мы начали говорить о первой любви.

– Это было на первом курсе универа. Я долго не осознавал, что мы можем быть парой, начать встречаться. Дружили. На одну из вечеринок пришли в разных компаниях, встретились в баре и заболтались, затанцевались. Денег было немного, и мы заказывали две водки и один сок на двоих, – разливая чай по кружкам, рассказывал Марк.

За окном ливень совсем разошёлся, бросая крупные капли в стекло. Ветки груши стучали в окно, напрашиваясь в укрытие. Но здесь было место только для двоих.

– Утро наступило слишком быстро, расставаться уже не хотелось. Мы поехали к кому-то в квартиру. Кроме нас двоих, была ещё одна пара, и чёрт его знает почему, но по комнатам решили разойтись по принципу: мальчики налево, девочки направо. А меня, как понимаешь, это не устраивало, –

он хрипло смеётся и заглядывает мне в глаза, будто проверяя, внимательно ли я слушаю. – С тем парнем мы были не знакомы, договориться не получилось, нужно было его как-то отвалить, и я не нашёл ничего остроумнее, чем спросить у него, как мы собираемся спать вместе, если я в стрингах.

– Что, прости? – выдавливаю из себя, после того как откашливаюсь, подавившись чаем.

48. Стриптизёры и другие неловкости

Я мастер попадать в неловкие ситуации. Гордо вышагивая на каблуках, обязательно некрасиво споткнусь так, чтобы все видели. Выбегая вынести мусор в домашней футболке на пять размеров больше и волосами, намазанными кокосовым маслом, что выглядит, будто ты три недели не мыл голову, обязательно встречу с кем-то важным, нужным или просто с главным сплетником.

И, казалось бы, можно было уже набраться опыта, чтобы выпутываться, но нет. Но что ответить на подобные признания? Сижу, делаю вид, что безнадежно подавилась и пытаюсь придумать, что сказать. Ничего внятного, естественно, не выходит.

– А это... В смысле как у стриптизёров? Стринги? Ну там красные или золотые?.. С блёсточками? – кажется, у меня краснеют даже волосы, большей глупости произнести было просто невозможно.

Марк смотрит на меня серьёзно и почти строго, но всё

равно через несколько секунд срывается на хохот.

– Понятия не имею, как там у стриптизёров, – давится словами, но продолжает рассказ: – Я просто выпалил первое, что пришло в голову. И достиг своей цели. Тому парню так сильно не понравилась перспектива, что он наотрез отказался находиться со мной в одной комнате. А ты что подумала? – накрывает мою ладонь, лежащую на столе и заглядывает в глаза.

Секунда, другая. Его деланная серьёзность исчезает, и мы смеёмся вместе. Звонко, легко, светло, воодушевлённо, жизнерадостно. Я не спешу убирать его руку, а он аккуратно, боясь спугнуть, поглаживает тыльную сторону ладони чуть шершавыми от мозолей пальцами. Что-то приятное снова ворочается в душе от его прикосновений. Но мне нельзя в него влюбляться. Сейчас самое неподходящее время.

Когда смех утихает, я решаю продолжить разговор, с сожалением освобождая руку, тянусь к кружке.

– Ну а с девушкой выгорело?

– Не совсем. Она была моей первой, меня так трясло от волнения, что пришлось сказать, что замёрз. Мы лежали под одеялом и соприкасались только пятками. Это было очень

романтично, но хотелось другого. Я долго решался её обнять. Исключительно, чтобы согреться, – и снова его тёплый смех наполняет кухню.

– И как? Согрелись? – не без зависти спрашиваю я.

Тарелки и кружки пустеют. У нас заканчивается разрешение на этот кусочек спокойствия. Заканчивается и дождь, подгоняя время, которое несётся скорее, собирая потерянные секунды.

– Согрелись, но немного позже. Да так, что поженились, как только исполнилось восемнадцать. Влипли в друг друга и никого больше не замечали, – говорит с невыносимой тоской и болью в глазах.

– Ты женат? – с дрожью в голосе задаю вопрос, потому что ответ может меня убить. Не может же он бегать ко мне, зная, что его где-то ждёт любимый человек.

Каждый раз, когда происходят значимые события в жизни, время начинает чудить на полную катушку.

Моменты, которые хочется запомнить, пролетают одним сладким мгновением, и ты только успеваешь ловить за хвост приятные впечатления и пытаться спрятать их в коробоч-

ку про запас. Чтобы в самые тёмные времена можно было окунуться в тёплое лето или родные объятия. Вернуться на танцпол шумной вечеринки или задуть свечи на торте, пока их всего десять. Уткнуться носом в шерсть любимой собаки или плечо близкого друга, пока он рядом, а не за тысячи километров.

Когда всё идёт не по плану, хочется скорее подгонять стрелки часов, но они сопротивляются изо всех сил, замедляя свой бег. Так и сейчас, два удара сердца и один вдох занимают целую жизнь. И мириады мыслей проносятся мимо.

Пока разговаривали, мы очень близко склонились друг к другу. Я резко отшатываюсь от Марка подальше и рассматриваю его со стороны. Что может в нём выдать женатого мужчину? Кольца нет, но когда это было признаком? А вот слишком хорошо выглаженная футболка и чистые кроссовки вполне. С другой стороны, он столько раз справлялся сам с готовкой и уборкой на моей кухне, что вполне может быть представителем того редкого вида мужчин с прямыми руками.

Костя привил мне острую ненависть к гладке. Могу вымыть окна, посуду или полы. Дважды. Только бы не становиться к пытящему паром станку. Каждый день мне приходилось выглаживать идеальные воротнички и стрелки. Так и

выработалась стойкая аллергия на уют.

На футболке Марка ни единой складочки. Могла ли это сделать его жена? Если да, то как он может сидеть сейчас рядом со мной, а не баловать свою женщину завтраком. И как он может, зная нашу с Костей историю, ставить меня в такой положение?

Фантазии меня всегда заводят в самые тёмные уголки реальности. Никогда не мечтала о роли любовницы, а сейчас все внутренности скручивает, как только представляю, что это я могу быть той самой разлучницей.

Кажется, что вот-вот распахнутся двери и войдёт невероятно красивая девушка с печальными глазами. Её печаль – моя вина, но я ничего изменить не в силах. Не могу оторвать ни рук, ни губ от её мужчины. Сгораю изнутри заживо, но прекратить не получается.

Марк очень вовремя обрывает мои мысли.

– Я бы не очень хотел это обсуждать. Особенно сейчас. Расскажу, чтобы ты не сомневалась во мне, – он неожиданно теряет и не знает, куда деть свои руки, то поглаживая вышитые васильки на скатерти, то виски, будто пытаюсь снять головную боль. – Настя умерла через два года после нашей

свадьбы. Я вдовец. Уже очень много лет.

Его ответ заставляет больно стукнуться сердце и устыдиться своих мыслей.

Время оживает. Снова пляшет пламя свечей, но уже некстати. Солнце стирает тени и запускает свои пальцы в кудри Марка.

– Прости, я не хотела напоминать. Мне очень жаль, – в очередной раз теряюсь с ответом и теперь тоже не знаю, куда деть свои руки.

– Ничего, Мирра. Это давно в прошлом. Сейчас остались только хорошие воспоминания и немного грусти по тому, что не случилось.

Молчим. Каждый о чём-то своем. Утро становится ближе. Забывая, что себе обещала, тянусь к особо строптивым кудряшкам, которые всё время падают Марку на лицо. Прочёсывая мягкие волны пальцами, пытаюсь вплести их к остальным локонам, но ничего не выходит. Они снова рассыпаются. Я встречаю горячий взгляд Марка, который напоминает, кто мы, где и почему не стоит этого делать.

Я берусь тушить свечи пальцами, слегка обжигаясь, но по-

чти не чувствуя боли. Собираю посуду и краем глаза замечаю часы.

– Чёрт, почти девять. Я же собиралась в город ехать, пока ты не пришёл. Меня ждут. Прости, Марк, я пойду собираться и очень быстро.

– Давай отвезу. Мне тоже нужно в город. А ты соберёшься спокойно, – стреляет глазами в мои, всё еще разные, носки. – Чтобы точно ничего не забыть.

– Это будет неудобно. У меня куча дел по пути и встреча, – вспоминаю о своих планах посещения офиса Кости, и сразу страх колкими пальцами пробегается по позвоночнику. – Неважно, в любом случае не хочется тебя напрягать ждать меня и ехать обратно на такси тоже. Но ты можешь помочь. Там у двери коробки с заказами. Загрузишь в мою машину? А я, и правда, пока соберусь нормально.

– Хорошо. А запрет на приближение остаётся в силе?

– Нет, но Марк... Я пока хочу побыть одна. Понять, чего хочу на самом деле. Я, а не все вокруг меня.

Он не давит. Не пытается переубедить или как-то поставить под сомнение мою точку зрения. Думаю об этом по пути

в город. Я собрала все возможные пробки даже в тех местах, где их быть не должно, так что времени погрызть себя было достаточно.

Заехав по пути к постоянной покупательнице отдать заказ, мыслей ещё прибавилось. В дверном проёме меня встретил огромный живот, а потом уже вышла и миленькая голубоглазая девушка.

Это и меня такое ждёт?!

49. Розовый зефир

– Привет, – говорю, всё ещё глядя на живот, а не в лицо девушки стоящей передо мной.

– Да, я слегка поправилась с нашей последней встречи. Привет, Мирра.

– Тебе очень идёт, – говорю без капли лукавства.

Она действительно сильно похорошела. Исчезли тёмные круги под глазами, появились щёчки и румянец на них. Вся светится счастьем, поглаживая круглый животик.

– Спасибо. Зайдёшь на чай? Ты мне обещала! – Ксюша закрывает двери, отрезая пути отхода, а я вручаю ей долгожданную коробочку и наклоняюсь снять кроссовки. – Заодно посмотришь, как будет смотреться ловец над кроватью.

– Над кроватью? – поднимаюсь так резко, что кружится голова.

Почему-то раньше я не обращала внимания на количество беременных девушек на улице. Попросту не замечала, как

много рекламы всяких детских вещичек. Теперь же отовсюду на меня сыплются знаки вселенной. И вот ещё один.

А самое главное, все так отвратительно счастливы, что даже начинаешь задумываться о том, что всё это враньё и не будет никаких бессонных ночей и сложностей. Всё само по себе станет хорошо. В роддоме без усилий и боли выдадут кулёчек со счастливым младенчиком, и мы поедем домой отсыпаться.

Счастливые.

Нет, нет, нет. К такому я не готова. Я же вообще ничего ещё не решила. У меня есть немного времени всё изменить! Есть же?..

– Да. Я не писала? Хочу ловец вместо мобиля, – не замечая моего замешательства и растерянности, схватив меня крепко за руку, тащит к ярко-жёлтой двери в конце коридора. – Там уже всё установлено, повесишь?

У неё так горят глаза, что я не могу отказать, да и поздно уже отступать. Особенно когда открываются двери в зефирно-розовое царство. С потолка свисают три воздушных шара-светильника. Из их корзинок выглядывают серые зайцы в клетчатых рубашечках. Похожие зайцы, но уже в виде

наклеек, обнимают выключатели и розетки. Выделяются и ручки совершенно белого комода. Вместо скучных пластиковых стоят разномастные керамические. Маленькая сова, львёнок, лисёнок, коала, простое облачко и даже морская звезда! Комната очень светлая, и даже карта мира на свободной стене нарисована в нежно-розовых тонах.

Пока я очаровываюсь обстановкой, Ксюша распечатывает коробочку с ловцом. Да, он идеально сюда подойдёт. Это одно из самых редких удовольствий – посмотреть, как мои работы обретают дом. Почти все заказчики присылают фото, очень редко и видео. Но вот так вживую увидеть, как что-то, сделанное моими руками, становится частью целого мира для маленького человека, удивительно.

– Мирра, как ты угадала с зайцем?! – она смотрит на меня глазами, полными слёз умиления, и становится ещё красивее.

А я не знаю, почему выбрала именно его. Мы обсуждали только цвет, во всём остальном Ксюша доверилась. У меня были фигурки сонных мишек с подушками, спящих лисят, свернувшихся клубочком, были даже девочки-феечки на луне. Но пальцы сами потянулись к этим ушастым, длинноногим созданиям с сердечком на груди. Я так и не разгадала, как работает это волшебство, но каждый раз точно угадываю,

что именно нужно моим заказчикам.

Улыбаясь, забираю ловец из рук Ксюши и креплю его к музыкальному блоку кронштейна. Включаю, и ловец начинает медленно кружиться под первые ноты “Маленького принца”.

Получилось так нежно, что и у меня щёки становятся мокрыми. Ксюша пищит от радости и хлопает в ладоши, а меня завораживает вид разлетающихся пёрышек под мелодию из детства.

– Мирочек, ты так смотришь зачарованно. Вам с мужем давно маленького пора. Тебе же тридцать исполнилось?

Ох, как я не люблю эти разговоры. Они начались ещё на свадьбе. Один из первых тостов был за детей. Кто-то из станичных гостей притащил синие и розовые колготки и порывался собирать деньги на первенца. Хорошо, что организаторы быстро и аккуратно уgomонили активиста. Через полгода начала намекать на продолжение рода моя мама и продолжает делать это до сих пор.

А сейчас и сказать нечего. Меня раздрают на части тысячи противоречивых чувств. Их слишком много для меня. Я поворачиваюсь, чтобы отказаться от чая под предлогом

опоздания, но Ксюша замирает, неожиданно хватая мою руку и кладёт на кругленький бок живота.

– Сейчас почувствуешь. Это можно засчитать за “спасибо”.

Она плотнее прижимает мою руку, и я чувствую, как маленький бугорочек резко упирается в самый центр ладони. Он исчезает и бьёт ещё и ещё уже резче.

Я, кажется, перестаю дышать, только бы не упустить ни одного движения. Совсем крошечный человек, который ещё даже не родился, а уже передаёт мне привет. Маленькая девочка, которую, судя по имени над кроватью, назовут Динной. Поглаживаю оттопыренную пяточку, и что-то сказочно тёплое разливается в груди. Будь счастлива, малышка. Ты будешь видеть этот мир очень красиво, я знаю.

Ведь и я могу через несколько месяцев вот так общаться со своим... Своей...

Могла бы. Но реальность вносит свои коррективы. Смогу ли я одна всё это вынести? А главное, как отнесётся Костя. Когда-то он очень хотел малыша, но что будет сейчас, непонятно. Теплота превращается в сковывающий льдом страх.

Мне нужно скорее ехать.

Мне нужно хоть немного определённости.

Обжѣгшись правдой, отрываю руку от живота слишком резко и, кажется, пугаю Ксюшу. Невнятно бормоча извинения, выметаюсь и квартиры, падаю за руль и лечу к офису Кости. Не обращая внимания на светофоры, писк навигатора о превышении скорости и ухудшающие видимость слѣзы.

Совсем не помню, как паркую машину. Прихожу в себя, только когда вижу своё лицо в отражении в зеркале лифта. Вытираю крошки туши пальцами и уже чуть больше становлюсь похожа на человека.

Ну что, Мирослава. Уровень с боссом?

50. Перед бурей

Сладкий, шёлковый голос Эллы Фицджеральд, доносящийся из динамиков, который должен успокаивать, только сильнее раздражает. Я не знаю, куда себя деть, и мечусь от одной стены лифта к другой, нервно расчёсывая ранку на запястье.

Тело каждый раз очень интересно реагирует на стресс. Адреналин бушует в крови, сердечко бьётся о рёбра, стараюсь сбежать из своей клетки, пальцы становятся холодными, а ладони неприятно потеют. Вытираю их о джинсы, но это не помогает. Приходится выискивать в недрах сумки бумажные салфетки. Все знают, что женские сумочки – это маленькая Нарния. Бардак в сумке творческого человека можно смело приравнять к трём-пяти Нарниям. В зависимости от сезона. Перед Новым годом и на весенние праздники двойная нагрузка. Сейчас это особенно некстати. Да и трясущимися руками что-то найти не так просто. Блеск для губ, ключи, скобы для крепления страз, солнечные очки, блокнот, ручка, три оттенка оливковых мулине, антисептик, леденцы. Попадает что угодно. Даже жетон питерского метро. Он меня и добивает. Этажи плывут слишком медленно, дышать становится тяжелее, а голова кружится сильнее.

Падаю на колени и выворачиваю внутренности сумки прямо на пол. Они разлетаются во все уголки кабины разноцветными пятнами. Молясь, чтобы никто не решил подсесть в лифт, лихорадочно сгребаю всё, что рассыпалось и укатилось. Среди кучи чеков, клубков зарядок, отливантов парфюма, резинок для волос, встречаются презервативы. Купленные много месяцев назад для нас с Костей.

Почему-то становится невыносимо смешно. Я всегда знала, что это не самый надёжный вариант контрацепции, но более неуместный момент попасть мимо девяносто восьми процентов придумать было бы очень сложно.

Жизнь складывается, как в паршивой мелодраме, а я сижу на полу и то ли плачу, то ли смеюсь, самой бы понять, что именно. Или это от гормонов меня уже так штормит?

Сгребаю остатки разбросанных вещей, так и не найдя салфетки. Успеваю подняться на ноги и надеть тёмные очки, как раз когда двери медленно открываются. Слишком медленно. Протискиваюсь мимо толпы желающих прокатиться на лифте и, пытаюсь не сорваться на бег, иду по коридору. Прячусь в туалете, пытаюсь умыться, но сенсорный смеситель, издавая с тихим жужжанием, выдаёт крошечные порции воды. Иногда забота об экологии бывает очень некстати.

В зеркале отражается злая, уставшая ведьма. И если волосы можно расчесать, а тёмные круги под глазами скрыть консилером, то взгляд не спрячешь ни за одними очками. Мне нельзя слишком долго плакать. Ядовитая зелень вытесняет нежно-голубой оттенок, заполняя собой всю радужку. Мама всегда удивлялась этому цвету. Она как-то сказала, что я буду взглядом намертво привязывать к себе мужчин. Конечно, это так не работает, но я тогда ужасно испугалась этой фразы и долго боялась смотреть кому-либо в глаза.

Неожиданно оживает телефон, чуть не ныряя в раковину. Успеваю подхватить его мокрыми руками и с третьей попытки, но всё же взять трубку.

– Мирочек, давно не слышно тебя. Ты почему даже писать забываешь? – раздаётся строгий, но родной голос.

– Прости, дядь Коль. Всё закрутилось так, что выдохнуть не успеваю, – и правда, не успеваю. Весь мир перевернулся, а я от него спряталась в работу. Жаль, она не спасает.

– Это в деревне-то? Не скучаешь? – осторожно пытается выведать, как я на самом деле. – Или некогда? Я в воскресенье заеду. С гостинцами!

– Некогда скучать. Заказов много и вообще...

– Это «вообще» не являлось больше? А то у меня кулаки так и чешутся, ты только дай добро, – в трубке слышатся шуршание и приглушённые голоса. – Мирочек, тут подмогнуть требуется, побежал, в воскресенье после обеда жди!

– Спасибо, па, – шепчу беззвучно, когда из динамика доносятся только гудки.

Сам того не понимая, отчим крошечным разговором придаёт сил и решимости. Собираю волосы в пучок, вытираю остатки косметики, закапываю глаза и прячу их за стёклами очков.

Иду по коридору под обстрелом взглядов. Кажется, что все знают, обсудили, и теперь сквозь прозрачные стены кабинетов одни сочувственно хмурят бровки, другие шепчутся и смеются. Больно и то, и другое.

Чувствую себя снова, как в школе, когда девочки в сотый раз высмеивали мой внешний вид. Хочется спрятаться от этих взглядов и внимания. Но сбежать с уроков больше не выход. Это не поможет.

Тошнота подкатывает к горлу. Чем ближе я подхожу к ка-

бинету Кости, тем явственнее чувствую душный запах ванильных свечей и приторно-сладкого шампанского. Он возвращает меня в тот вечер. Иду в мягких кроссовках и слышу стук своих каблуков. Хоть из окон и льётся яркий свет, на улице всё ещё темно и начинается метель. Страх холодным ветерком пробегается по всему телу и остаётся в руках, сжимающих ручки сумки, лишь бы так явно не дрожали пальцы.

– Мирра Максимовна, а Константин, – секретарша Кости пытается мне что-то сказать, но я уже тяну ручку двери на себя.

Я не могу сейчас кого-то послушать и сбежать. Отступить некуда. Мне нужно услышать, что скажет Костя. Дружной и счастливой семьи из нас уже не выйдет, но он имеет право голоса. Это касается не только меня. И даже не только его.

Хотя для себя я уже всё решила.

51. Идеально алый

Я всегда первым делом приезжала сюда. Рассказать важные новости, поделиться удачами или поплакать в любимого мужчину. Просто пообедать вместе или побыть хоть немного рядом в самые загруженные дни. Уткнуться в плечо, пока он увлечённо печатает текст, и вдыхать его тёплый аромат.

Каким я только не видела этот кабинет.

Впервые, когда ещё были голые стены. Мы с Костей заехали за ключами и остались отмечать новое начало. Сидя на полу, ели пиццу с ананасами (да простят нас итальянцы), запивая шампанским прямо из горла. И мечтали. Была близость.

Когда закончился ремонт, в офисе оказалось слишком стерильно. Поняла я это в первом часу ночи за день до открытия. Мы нашли круглосуточный садовый центр недалеко от города. Костя гнал машину по пустой трассе, в открытые окна врывался горячий, даже ночью, июльский воздух. Он не давал прохлады, только спутывал волосы, дарил ощущение свободы и лёгкости.

Сонные охранник и кассир были совсем не рады, особенно когда мы притащили на кассу весь запас фикусов. Долго считали и загружали, а как затащить их без посторонней помощи на тринадцатый этаж, никто не подумал. Это была самая весёлая часть ночи. Мы хохотали, как сумасшедшие, над дурацкими шутками, затаскивая очередную партию цветов в лифт и расставляя их по кабинетам. Под утро мы решили присесть ненадолго на диван и не нашли сил ехать домой. Там и уснули. Была нежность.

После первого новогоднего корпоратива мы остались здесь же. Костя пытался подаренной саблей красиво открыть очередную бутылку игристого, но что-то пошло не так, и она рассыпалась у него в руках на сотни осколков. Мы замерли, наблюдая, как пена, в которую превратилось шампанское, растекается по всему полу. Когда шторм успокоился, переглянулись и сорвались на хохот, который постепенно сменился страстными поцелуями.

Было легко и светло.

Было плевать, что пол липкий, в осколках и пахнет.

Было жарко, влажно, развратно, сладко-остро, невыносимо близко.

Была любовь.

Мы до самого утра прятались на диване от всего мира.

На этом кожаном чудовище она и умерла. Корчась в муках и задыхаясь от предательства.

Костя нашёл с кем, кроме меня, разлить шампанское. Небольшого ковра у дивана, который в последний раз был залит алкоголем, больше нет, исчезли и свечи со своей навязчивой ванилью, а вот у стола вместо Жданова стоит кое-кто другой.

– Призрака увидела? – не оставляя ни единого следа идеально алыми губами на крошечной кружке, она отпивает кофе.

Возможно, и призрака. Я жмурюсь, тру переносицу. Может, если потру посильнее, она исчезнет? Но она не только не исчезает, а подходит ближе, высекая искры каблуками. Её идеальное лицо искажено злостью, но всё равно невероятно красиво. Безупречный макияж, укладка, брючный костюм идеально белого цвета, без единой складочки. Я бы так никогда не смогла. В первые же пять минут посадила бы пятно и измяла нежную ткань первым неловким движением.

– К сожалению, нет, – цепляюсь лапками покрепче за ручки сумки. – А где Костя?

– Скучно тебе в деревне, опять в люди выползла? – шипит, как змея, но совершенно спокойно, всё так же мелкими глотками отпивая свой эспрессо. – Я понимаю, возраст уже, последний шанс мужика удержать. Но зачем бегать, унижаться? Найди себе кого попроще. Своего уровня сумасшествия. Художника или писателя. Будете красиво страдать рядышком. А не мучить нормальных людей своим занудством.

– Линда, я никого не заставляю. Костя абсолютно свободен. Пользуйся на здоровье, если он твоего уровня. Мне нужно с ним обсудить важные вопросы, как взрослая тётя с взрослым дядей, раз ты и про возраст не забыла упомянуть.

Мои слова попадают в цель, её маска трещит. Она ставит кружечку на стол со злостью так, что становится непонятно, как керамика остаётся целой, а по столу не ползёт трещина. Но Линда быстро берёт себя в руки, и её идеальные губы расплываются в счастливой улыбке.

– Надеюсь, развод? А то ему скоро пригодится паспорт без штампа, – сладенько шепчет, расстёгивая пиджак и укладывающая ладонь на совершенно плоский живот.

52. Чёрные как ночь глаза

– Живот болит? Много кофе пить вредно. Особенно на голодный желудок. Ты не увлекайся, – пытаюсь язвить, а сама считаю вдохи и выдохи.

Посильнее впиваюсь ногтями в ладонь, чтобы хоть немного заглушить боль душевную физической. Острые уколы хоть немного отрезвляют. Ещё чуть-чуть и будет видно, как выпрыгивает моё сердце. В ушах так сильно стучит пульс, что я боюсь не услышать её ответ.

– Нет, не болит. Я беременна. Костя вот за фисташковым круассаном побежал, очень уж захотелось. Папочка решил нас побаловать, – сладеньким голосом тянет она.

Мне тоже недавно захотелось очень... Но бежать пришлось самой.

Я спокойно работала, попутно выдумывая, что же такого поесть на ужин, чтобы не сильно отвлекаться на готовку. Идеи вяло перетекали от макарон к бутербродам и внезапно споткнулись о мысль об апельсине.

Тяжёлый, круглый, ароматный лучик солнца. Захотелось почувствовать его бугристую кожу кончиками пальцев. Провести ногтем линию, разбрызгивая ароматное масло, которое собирается жёлтыми капельками на пальцах, а высыхая превращается в белёдые разводы. Ни в коем случае не резать, а чистить руками, чтобы по ладоням до локтей стекал оранжевый сок. Первый укус прозрачно-золотистой дольки и кисло-сладкая мякоть взрывает вкусовые рецепторы. Ты вроде жмуришься от кислоты, но это так приятно, что хочется ещё и ещё.

Накрутила себя до дрожи в пальцах. Мне казалось, что я чувствую звонкий аромат апельсина и освежающий вкус. Пришлось бежать в магазин за десять минут до закрытия и надеяться, что они вообще будут. Хотя бы сок. Ну конфетки...

Тётя Катя со скорбным лицом вынесла мне два еле живых апельсина. Один я припрятала в карман на потом, а второй растерзала прямо там. Трясущимися руками. От усиливающегося запаха потекла слюна, а от первого укуса – слёзы. Никогда в своей жизни я не была так счастлива. Из рая меня выдернул голос тёти Кати.

– Мирка, ты там ничего не жрёшь поди. Ты куда кислоту на голодный желудок?! Стой, никуда не уходи. Сейчас за-

крою, ужинать пойдём. Я щи вчера наварила и пирогов напекла. Борька, пакостник, опять не приехал, тебя хоть побалую.

Это был совсем не круассан от любимого мужа. Меня грел заботой посторонний человек. А вот Линде, усаживающейся в Костино кресло, досталось чуть больше, чем мне.

– Ну что я могу сказать? Совет да любовь! Или как там правильно? – говорю чуть тише и мягче, чтобы не выдать своё волнение. Я успею понервничать, но только не здесь, не перед ней. – Линда, я вижу, как ты меня пытаешься задеть. Но не выйдет. Бессмысленно. Мне не нужен Костя, успокойся уже по этому поводу. Я тебе не соперница.

– Тогда говори, что хотела, и катись обратно к себе в деревню, – она элегантно забрасывает свои бесконечно длинные ноги на стол, явно демонстрируя, кто здесь хозяйка.

– Ты всем так хамишь или это для меня эксклюзивная опция? – интересуюсь, между прочим, а она только лучезарнее улыбается. – Нет уж. Поговорить нам с Костей всё же придётся. Без твоего участия.

Меня не цепляет её поведение или слова. Она этого не понимает, но, скорее всего, чувствует и бесится ещё больше.

Где-то в недрах бездонной сумки с противным писком начинают вибрировать ключи от машины. Как сюда вообще сигнал дошёл и что могло случиться на парковке? Выудив их на удивление быстро, всего два раза перепутав с миниатюрой парфюма и таблетницей.

– Да твою же... – я пытаюсь сбросить уведомление, но всё повторяется снова и снова.

Придётся спускаться, выбора нет. Разворачиваюсь, чтобы уйти, а мне в спину летит злое:

– Ты беги, беги. Можешь не возвращаться. Страдать никто не будет.

Не оборачиваясь, выхожу из кабинета. Не обращая внимания на взгляды и шёпот за спиной, иду к лифтам. Чтобы заглушить раздражающий звук, пытаюсь вынуть батарейки из брелока, но ничего не выходит. Не отрываясь от своего занятия, на полном ходу врезаюсь в чью-то белую рубашку. Родной тёплый пряный аромат окутывает меня. Костя успевает придержать меня за талию, чтобы я не упала. Когда он понимает, что за птица залетела ему прямо в руки, его лицо светлеет. Снова горят глаза, и расцветает улыбка. Меня обнимает тот Костя, в которого я влюбилась много лет назад.

На долю секунды снова чувствую себя дома, но слишком быстро вспоминаю, где нахожусь, и сердце моментально срыгается на галоп. Выпутываюсь из его объятий, делаю шаг назад, а он, как в танце, вперёд. Это случится здесь? Возле лифтов в окружении десятка его подчинённых? Они снова и снова будут обсуждать нас. Стоп. А как же...

– А где круассаны?

– Какие?

– С фисташковым кремом. Ты решил любимую женщину в таком положении без вкусенького оставить?

– Ты хочешь вкусенького? Поехали в твою любимую кондитерскую, Мирочек?

Я не могу пошевелиться. Не могу. Не могу.

У нас вышел диалог из параллельной реальности, где Костя мне не изменяет, мы оба счастливо ждём малыша.

Он подходит ближе и проводит ладонью от плеча к запястью, оставляя огненный след прикосновения, переплетает наши пальцы, сплавливая их намертво. Кажется, что в прямом

аромате его парфюма раскрываются нотки горелой человеческой плоти. Отвратительно сладкие, тошнотворно дымные.

– Погоди, в каком положении?

Моё сердце не бьётся или бьётся так часто, что я его больше не чувствую. Я не могу сделать вдох, и голова кружится ещё сильнее. Костя нависает надо мной и хмурит свои ровные брови.

Его близость, запах, оглушающий писк сигналки...

Реальность вокруг его лица рассыпается на пиксели. Всё рябит, как в детстве картинка профилактики по телевизору.

Остаются только глаза. Его чёрные как бесконечная ночь глаза. Я иду туда и тону в полной темноте. Где наконец-то становится тихо и легко.

53. Костя

Паршиво, когда друга приходится искать в пять утра по барам.

Ещё хуже, найдя друга и вытащив его из брызг крепких напитков и облаков горько-терпкого дыма, терять машину. Ну как терять. Грустно смотреть вслед удаляющемуся эвакуатору, удерживая в вертикальном положении стодвадцатикилограммового амбала.

Совсем хреново – понять, что ключи от дома и смартфон уехали вместе с машиной.

Для поиска штрафстоянки и вызова такси приходится изъять средство связи у тела, которое невнятно мычит что-то вроде “Да и хрен с ней, пошли нажрёмся нормально, Костян”. И я бы с радостью нажрался, тем более повод есть. Жаль, не выйдет. В десять собрание, в двенадцать заседание. Ещё бы поспать хоть час, но это больше похоже на сказку про единорога, чем на план.

Стаса разморило в такси окончательно, и пришлось не только затаскивать это тело домой, но ещё и укладывать в

постель. Его хрупкая жена не сдвинула бы его и с места. Ольга уговорила меня остаться на чай и сразу же развела бурную деятельность. В только что пустую кухню пришла жизнь. Зашумел чайник, зазвенели кружки, запахло чем-то вкусным.

– Чёрт, стоянка откроется только в восемь, – выдыхаю я, откладывая на стол телефон Стаса.

– Оставайся, Кость. Я всё равно не усну, так хоть развлечёшь меня. Как там Мирочек, расскажи, – расставляет кружки и усаживается напротив.

– Мирочек... Я всё испортил, Оль. Она сбежала и правильно сделала. Как придурок полный приезжаю извиняться, вижу её и ерунду какую-то нести начинаю. А я так даже не думаю на самом деле.

– Сильно накосячил?

– Хуже не бывает.

– Дай ей время. Она же тебя хорошо знает. Лучше всех. Сама придёт, когда будет готова. Ты только балбеса выключи в следующий раз, – писк духовки прерывает наш разговор. – Иди мой руки, пирог разогрелся.

В ванной на уровне глаз стоит флакон духов, напоминающий хрустальный стакан для виски. Это любимый аромат Мирры. Открываю крышку и будто носом зарываюсь в её волосы. Что-то одуряюще алкогольное и нежно-летнее. Они её идеальное отражение. Тепло, сладость, спокойствие, ласка, уют.

Я полный кретин, что повёлся на эту стерву Линду. Облажался по полной. Сам не понял, как она собой заполнила все моё свободное время и вытеснила Мирру. И я потерял самое главное в своей жизни. Сделаю всё, чтобы она меня простила. Только бы дала шанс.

Время на тёплой кухне проходит незаметно. На штрафстоянке оно тянется и становится на место, только когда подгоняю сотрудников лишней парой тысяч сверх штрафа. Не успеваю разобраться со шквалом входящих звонков и СМС, опаздывая на совещание и немного на заседание. Хорошо, что его перенесли. Поспать всё равно не светит, еду обратно в офис и на выходе из лифта мне прямо в руки летит Мирра. Она, нервно уткнувшись в брелок ключей от машины, не замечает ничего вокруг до того момента, пока не врежется мне в грудь. Несколько секунд счастья, и она отрывается, отходя от меня. Брелок мерзко пищит, но Мирра, кажется, о нём забывает, оглядывая меня с ног до головы.

– А где круассаны? – шепчет, растерянно глядя мне в глаза, а я даже примерно не могу понять, о чём она.

– Какие?

– С фисташковым кремом. Ты решил любимую женщину в таком положении без вкусенького оставить? – очень серьёзно хмурит брови.

Неужели она решила дать мне шанс, вот так просто вернувшись? Хочется обнять её покрепче и утащить наконец домой, но я лишь подхожу чуть ближе, чтобы обнять.

– Ты хочешь вкусенького? Поехали в твою любимую кондитерскую, Мирочек?

Она совсем перестаёт улыбаться, а до меня только сейчас доходит смысл её слов

– Погоди, в каком положении?

Эта мысль выскользывает у меня из рук, а на её место падает побледневшая Мирра. Успеваю придержать за талию и уложить на диван в зоне ожидания. Паника сдавливают горло, мотор начинает отчётливо барахлить, но сейчас нужно взять себя в руки и сделать всё правильно. Вызываю скорую,

пытаясь привести Мирру в чувства. Секретарша бегает со стаканом воды, не зная, с какой стороны подступиться, а я все бесконечные десять минут ожидания врачей согреваю крошечную ладошку в своей руке.

Всё будет хорошо, котёнок, я всё исправлю, только потерпи немножко.

Появляются врачи, оттесняют меня, и всё вокруг моментально приходит в движение.

– Аллергия на лекарства есть? – спросил медбрат, отламывая горлышко ампулы и набирая оттуда в шприц лекарство.

– Нет, но... Она сказала, что в положении. Хотя этого быть не может, оговорила, наверно.

Он смотрит на меня, как на идиота, почему-то выбрасывает в урну всё, что было у него в руках, и цедит сквозь зубы:

– Проверим.

Прятавшиеся по своим аквариумам сотрудники выплывают на шум. Среди них оказывается Линда. Срываюсь к ней, хватаю за локоть и тащу в угол, к лифтам.

– Ай, Костик, больно, ты чего, – пищит эта тюнингованная дрянь.

– Ты что здесь делаешь? Я же ясно тебе дал понять, чтобы ты здесь больше не появлялась? Ты что-то Мирре сказала? Из-за чего она нервничала? – сжимаю сильнее руку, чтобы ускорить выдачу ответов.

– Больно, больно! Ничего я твоей клуше не говорила! – она визжит на ультразвуке, привлекая всё больше внимания, и вырывается, резко меняя тон на чистый сахар: – Костик, я соскучилась сильно. Поехали, пообедаем. У меня. Меня. Хочешь?

– Ты вообще больная? Проваливай!

– Ты пожалеешь.

– Уже жалею. Что вообще согласился работать с тобой. Ты же подстилка обыкновенная. Вали отсюда вместе со своими губами и дорогу забудь, – ору, уже совершенно никого не стесняясь.

Линда отшатывается от меня, вжимаясь в угол. В её глазах стоят слёзы, а на предплечье алеет след от моего захвата. Вот

и отлично. Надеюсь, больше не увидимся.

Пока меня отвлекала эта стерва, врачи решили забрать Мирру в больницу. Помогаю погрузить её в скорую и иду к своей машине, чтобы добраться к приёмному покою самому. Мой телефон разрывается от рабочих звонков, и я его отключаю к чёрту, чтобы не беспокоил. Завожу машину и выруливаю с парковки.

Нужно сделать ещё кое-что. Нахожу в сумке Мирры телефон и с лёгкостью его разблокирую. Мне нужно сделать всего лишь один звонок. С моего номера она всё равно трубку не возьмет.

Мирра так и не удалила мой отпечаток пальца, но с главного экрана пропала заставка с нашим фото. Вместо неё теперь штормовое море на закате. Сквозь чёрные тучи едва-едва виднеются лучи закатного солнца. Как бы ни была жизнь, ты всегда надеешься на лучшее. Больно тебе было, мой Мирочек... Какой же я придурок. Вывернусь наизнанку, только бы всё исправить.

Вспоминаю, зачем вообще взял телефон, и набираю нужный номер, резко стартуя со светофора.

– Малинка, ты где пропадаешь? Я приехала, а тебя до-

ма нет. Эклеры привезла твои любимые, давай скорее, пока остались, – она тараторит так быстро, что я не могу вставить слово.

– Маш, Мирра в больнице. Собери ей вещи и приезжай. Адрес сейчас скину.

– Как в больнице?

– Она потеряла сознание и... – и я не успеваю договорить, как одновременно происходит сразу несколько вещей.

Какой-то идиот на сером форде передо мной слишком резко тормозит, а Маша, прерывая меня, орёт в трубку.

– Жданов, что ты с ней сделал?! Ты хоть в курсе, что она беременна?!

Меня оглушает новость и немного подушка безопасности.

54. Их двое

Рука затекла. Хочется её согнуть, но что-то мешает, колется. Затекло всё тело и перевернуться бы набок, но почему-то страшно, что не хватит сил. Лежу не шевелясь, терплю тупую навязчивую боль, перетекающую по мышцам.

Никак не хочется начинать этот день, а сон был такой сладкий, что усилием воли пытаюсь вернуть себя обратно, проигрывая последние, самые яркие картинки.

Наблюдаю в отражении зеркала, как тонкая, невесомая паутинка чулков, ведомая моими пальцами, ползёт вверх по бедру. Прохладная сеточка ласково обнимает ноги, делая их привлекательнее. Чулки белые, и я никак не пойму, кто я сегодня. Развратная невеста? Школьница? Медсестра? Прозрачную нежность такого же белого кружевного белья повторяют контуры чёрной кожаной португепи. Ремешки немного натирают, особенно на горле, но это только добавляет пикантности. Зрелище настолько горячее, что сама завожусь.

Наряд готов. Не хватает только того, кто всё это со вкусом снимет. И я бегу к самому любимому человеку. Я знаю, что он прячется за одной из дверей, но никак не могу найти до-

рогу. Спотыкаюсь, падаю, бегу, бегу, бегу изо всех сил, всё равно оставаясь на месте. Проклятая ловушка сна. Никакой возможности бежать и никогда нет голоса кричать. Ну хотя бы не страшно оказаться на улице голой.

Как только я останавливаюсь, дверь чудесным образом оказывается рядом. Ручка почему-то сделана в виде керамического ярко-оранжевого львёнка, и стоит легонько её потянуть на себя, как я окунаюсь в сладкую, тошнотворную вонь ванили и шампанского.

Всё повторяется. Они снова на диване изучают тела друг друга руками и губами. Они смотрятся невероятно красиво, а я начинаю чувствовать себя глупо и неуместно. Стыд стягивает ремни на шее, мне хочется скорее прикрыться и убежать, но меня замечают и смеются. Сначала невероятной красоты девушка, а потом и... Марк?

Резко открываю глаза, и всё начинает кружиться. В комнате слишком светло. Я опять забыла закрыть шторы? Незнакомые запахи и большое количество непривычных звуков заставляют испугаться и сосредоточиться. Светобоязнь и головокружение никуда не уходят, но я начинаю различать кубики потолочных плиток. Ах да, я же пришла к Косте в офис поделиться новостями. Память очень медленно разворачивает картину произошедшего, и я всё ещё не могу понять,

почему я так удобно лежу. В офисе точно нет таких уютных кроватей. Неплохо бы осмотреться.

За то, что я решаю повернуть голову набок, тело мстит усиливающимся гулом в ушах.

У окна стоит Костя. Кажется. Его рубашка впервые измята и только наполовину заправлена в брюки, а поверх вообще надета странная синяя повязка. Он поворачивается на шорох и подходит ближе, усаживаясь в кресло у кровати.

Видимость лучше не становится, и его лицо – размытое пятно.

– Мирочек, ты как?

Я хочу что-то ответить, мысленно получается собрать слова в несколько предложений, но изо рта вырывается только “кружится” и “пить”. У моих губ тут же появляется стакан с соломинкой. Никогда ещё вода не казалась мне такой вкусной.

– Закрой глаза. Головокружение должно скоро пройти, – его заботливый голос будто укутывает меня в мягчайший плед. Его тёплая ладонь накрывает мою, и я вспоминаю, что хотела согнуть руку, но Костя не даёт.

– Подожди, Мирочек, ещё десять минут капельнице осталось.

Капельнице? Реальность словно собирается мозаикой в полноценную картину. Я вспоминаю надменное лицо Линды, счастливое Кости, слишком много его рук, запахов, звуков и своё падение во тьму.

Испугавшись, распахиваю глаза и рукой, свободной от иголок, накрываю низ живота.

– Как? – всё, что я могу произнести.

Глаза наполняются слезами, горло снова стягивает невидимый ошейник. Целых три вдоха приходится ждать, пока Костя не ответит. Три вдоха с тупыми иглами в сердце и раздрающим на части чувством вины.

Становится чудовищно стыдно за все мои прошлые мысли. Становится чудовищно страшно за маленькую жизнь, которую я могла не сохранить по собственной глупости. Прижимаю ладонь крепче к животу, пытаюсь согреть и согреться, пока Костя медлит с ответом.

– Всё в порядке. Не переживай. Тебе теперь совсем нель-

зя, – он, кажется, улыбается, но сквозь слёзы совсем непонятно, а я наконец-то могу выдохнуть всю накопившуюся боль.

– Мирра, почему ты мне не сказала? – произносит с каплей горечи, всё ещё согревая своей ладонью мою.

Почему я не сказала? Он действительно не понимает? Он серьёзно считает, что после всего случившегося я могу и дальше продолжать доверять ему свои новости, секреты и просто мысли? Во мне начинает закипать злость, придавая сил для этого разговора.

– Я как раз собиралась, но там твоя Линда, – мне неприятно произносить её имя вслух, но поговорить нам об этом придётся, слишком много судеб замешано.

– Она не моя, – говорит сквозь зубы, срывается с кресла и начинает кружить по палате.

Ох, милый, кружить по клетке больше не поможет. Я пыталась. Всё стало только хуже. И с каждым шагом всё будет только сложнее.

– Как мы теперь будем? – останавливает свой бег по кругу, держась за спинку кресла одной рукой. Вторая прижата

к груди всё той же синей повязкой. Я, кажется, что-то ещё пропустила.

– А как ты планируешь справляться сразу с двумя? А что с твоей... – но он меня дальше не слушает.

– Как с двумя? Там что? Там двойня?!

55. Долгая дорога...

– Двойня, – совершенно невинно говорю я. Пускай тоже получит свои инфаркты. Почему я одна должна отдуваться?

И это работает. Он пугается. Его тело выдаёт множество нервных движений. Начинает заправлять рубашку в брюки, бросает это дело на полпути, несколько раз достаёт из кармана телефон, кладёт его обратно, открывает-закрывает окно, хочет потереть лицо руками, но почему-то шипит от боли.

Голова также кружится, и долго держать глаза открытыми у меня не получается, но я всё равно замечаю на лице Кости ссадины, опухший нос и разводы синяков под глазами. Правая рука заботливо укутана в специальный бандаж. Если я сейчас спрошу, что произошло, мы точно не поговорим.

– Ты рад? – подливаю масла в огонь, понимая, что он не собирается сознаваться в том, что Линда тоже беременна.

– Я... Ты... Это очень неожиданно, – усаживается обратно в кресло и с еле слышным стоном прячет лицо в ладони.

Я замечаю ранку у него на носу и запёкшуюся кровь на

губе. Инструкция, как сломать красноречие опытного юриста. Дорого. Даже слишком. Он подтаскивает кресло ближе, противно скрипя ножками по кафелю, пытается взять меня за руку, но я не даюсь. Его улыбка, вопреки всему, кажется по-настоящему счастливой, это очень неожиданно. Его, что, двойня не напугала? Даже у меня нервные мурашки пробежались по затылку, как только я представила предстоящее в двойном объёме. Всё ещё свежи в памяти воспоминания, какой утомлённой выглядела жена Славы после появления на свет близнецов. Она была замученной до чёрных кругов под глазами и нервно обгрызенных ногтей. Но удивительно счастливой. Такая же дурацкая улыбка расплывается сейчас на лице Кости.

– Очень неожиданно, когда спишь с двумя разными женщинами узнать, что они обе беременны. Жданов, ты про невесту свою губастую забыл, что ли?

– При чём тут Линда, и с каких пор она мне невеста? – он выплёвывает её имя, как горькую попку огурца, улыбка исчезает, а на её месте появляется почти звериный оскал. – В смысле обе?

– Ну как причём. Можешь не притворяться. Она мне сказала, что вы с ней хорошо постарались, она тоже в положении и ожидает обновление семейного статуса в ближай-

шее время, – удивительно резво выдаю скороговорку на одном дыхании и притворяюсь, что мне совсем не больно проносить эти слова. – Ты почему без круассанов вернулся? – добиваю его своим самым сладеньким голосом. Чай можно пить ещё неделю без сахара.

А у самой сердце начинает грохотать со страшной силой. Я знала, что это будет сложный разговор, но очень не хочется сейчас навредить крохотной жизни внутри меня.

– Да какие, к чёрту, круассаны? – он почти срывается на крик, встаёт так резко, что кресло отлетает в сторону, но Костя вовремя вспоминает, где находится.

– Фисташковые, – говорю тихо и спокойно. – Любимую надо баловать, а мы с малышом как-нибудь подождём своей очереди в сторонке.

– Мирочек, она обманула тебя. Я на заседании был. Понятия не имел, что она припрётся. Запретил появляться в офисе и вообще в моей жизни. Выгнал её в тот же вечер.

– Беременную выставил? Ну, Жданов, ты и му...

– Да не беременна она! И быть не может!

– И как ты можешь быть уверен, что она не беременна?

– Она не сказала тебе ни слова правды. Явно соврала и об этом, – он устало вздыхает, пытается потереть переносицу, кривится от ощущений, но продолжает, будто желая сделать себе больнее, задевает самые пострадавшие места, из ранки на губе снова начинает сочиться кровь. – В тот день всё случайно вышло. А потом... Увидел тебя и понял, какую глупость совершил.

– Ага, понял, что глупость, и побежал домой извиняться. Но так быстро бежал, что все мысли сдуло, а дома ты решил наорать на меня для профилактики?

– Мирочек, я знаю, что натворил и наговорил на пожизненное, – он подходит совсем близко к изголовью кровати и становится на колени. – Я готов...

Что он там готов, я уже не узнаю. Впервые за очень долгое время, когда мы, наконец, начали откровенный разговор, случается непредвиденное. В палату входит медсестра.

– Добрый вечер. Я Майя, – решает со мной познакомиться она, – сейчас капельницу снимем, укольчик сделаем и можно отдыхать до ужина.

– До ужина? Я остаюсь здесь?

– Это вам врач расскажет чуть позже. Не переживайте, – нежно воркуя, беспощадно срывает пластырь и вынимает иглу.

Ну конечно. Вот она сказала, и я моментально успокоилась. Это же всегда так работает, да?

Я никогда в своей жизни не лежала в больнице, если не считать два похода в дневной стационар в раннем детстве. Так что сейчас коктейль из шока, паники и чистого кайфа оттого, что я, наконец, могу согнуть руку, стремительно захватывает моё тело. Костя не сводит с меня пристального взгляда, обещая долгий разговор, как только мы останемся одни.

Как только палату покидает медсестра и Костя только набирает воздуха в лёгкие, чтобы снова заговорить, в палату влетает моя мама. Она бросается на шею Косте, никак не замечая, что делает ему больно и моё присутствие.

– Костенька, миленький, как же так. Столько людей гоняет на дороге, нужно быть внимательнее, – она вытирает свежим платочком кровь на губе и пытается окружить заботой Костю, совершенно не обращая внимания на меня.

56. ...в никуда

– Привет, мам, – кашлем привлечь внимание не вышло, может быть, меня так заметят? – Костя, а что вообще случилось?

– А ты так и не поинтересовалась? – заводится вместо приветствия мама. – Он в аварию попал, пока к тебе сюда спешил.

– Раньше спешить надо было, может и нос остался бы цел, – бурчу тихонечко себе под нос, и эти помехи мамины уши регистрируют без ошибок.

Она стреляет в меня презрительным взглядом и, возвращая своё драгоценное внимание, уже с улыбкой обращается к Косте.

– Миленький, а тебе не тяжело будет кофе мне раздобыть? Давление что-то скачет. И нужно найти врача этой звезды, разузнать, что, как, когда отпустят. Дома под присмотром оно легче будет.

После этих слов мне резко захотелось остаться в клинике

и чтобы запретили все посещения. Сидела же в своей хобби-чье норе, зарывшись в работу, лучше бы и дальше не вылезала.

Костя, как послушный мальчик, кивает и молча уходит, оставляя меня на съедение самому беспощадному человеку.

– Мирка, ты что вытворяешь? – как только закрывается дверь, налетает на меня мама. – Он же за тобой, как на привязи бегают. Наказала уже. Достаточно. Чувство вины у него не бесконечное. Однажды надоест бегать за тобой. Хочешь сидеть одна очень гордая, но без денег и помощи? О себе не думаешь, хоть дитё пожалей. Ты за что его безотцовщиной делаешь?

Снова и снова она перекладывает на меня свой опыт, не обращая внимания, как давит и что совсем не права.

– Мама, прекрати, пожалуйста. Я никого не лишаю отца. Костя сможет спокойно общаться с малышом, – держусь из последних сил, чтобы не начать хамить. – По-твоему, станет лучше, если мы будем душить друг друга в браке и ежедневно устраивать скандалы? Это пойдёт на пользу?

– А жить ты на что будешь, дурёха? Что ребёнку отвечать, когда попросит игрушку в магазине или спросит, почему со

всеми папы живут, а у него нет?!

– Как бы тебе там ни казалось, я неплохо зарабатываю. И вполне смогу обеспечить себя и малыша.

– Да что ты там можешь?! И когда ты будешь успевать свои висяюльки делать, скажи мне? Кто тебе декретные оплатит? Вот работала бы на нормальной работе по специальности и проблем бы не знала!

– С восьми до восьми? Это бы решило все проблемы? – в висках снова начинает неприятно пульсировать, и я боюсь, что это может закончиться плохо. – Мам, я устала очень. Давай ты завтра зайдёшь?

Она молча закатывает глаза, и от выслушивания продолжения лекции меня спасает пришедший врач со стайкой медсестёр. Всех, у кого нет медицинского образования, выгоняют в коридор, а ко мне поближе подкатывают аппарат УЗИ.

Врач оказывается такой приятной и милой, что даже самые интимные вопросы и процедуры с ней проходят очень легко и не унижительно, как это часто бывает в обычных поликлиниках. Или это только с беременными так носят?

На живот щедро наливают прохладный гель и щекотно

размазывают датчиком. На мониторе среди серой мути начинают проявляться очертания настоящего малыша. Моё сердце пропускает пару ударов, а из уголков глаз текут слёзы, когда я начинаю различать крохотные ручки и ножки. Это уже целый человек. Причмокивает губками, размахивает ручками и пока неощутимо, но уже толкается ножками. Ещё замечаю непропорционально большую голову. Хочется спросить, точно ли это нормально, но ужасно стыдно. Кажется, что каждая беременная к этому сроку уже должна наизусть знать все этапы развития, роста и воспитания минимум до совершеннолетия. Состоять в десятке сообществ и обсуждать каждый свой чих с такими же девушками. А я, откладывая принятие решения, до дрожи боялась искать информацию в сети, теперь вот лежу и боюсь дышать, чтобы не пропустить ничего из переговоров медсестры и врача. Но всё абсолютно бесполезно, они говорят на каком угодно языке, только не на русском. Хотя последнюю фразу я неожиданно понимаю.

– А теперь послушаем сердцебиение, – с улыбкой сообщает и, что-то переключая в аппарате, возвращается к исследованию.

Сначала было непонятно, как она собралась ловить сердцебиение внизу живота, и я даже дёрнулась задира́ть рубашку до груди, но, как только датчик вновь коснулся кожи,

из динамиков послышался частый-частый стук. Моё сердце нередко ставило рекорды, но до таких высот ему точно было далеко.

– Сто семьдесят пять, – протягивает мне салфетки и вытирает датчик врач. – Плод развивается хорошо, все параметры соответствуют сроку. У вас растёт прекрасная малышка, – она гордо улыбается, будто сама приложила руку к её прекрасности, но далеко не это меня шокирует.

Тело выдаёт реакцию на новость раньше, чем её успевают обработать мозг. Укол молнии попадает прямо в солнечное сплетение и разливается вместе с кровью чистым адреналином по венам. Вслед за ним мурашки пробегают по коже, поднимая все волоски дыбом. Делать вдохи и выдохи мешают острые иглы в сердце.

– Малышка? – повторяю онемевшими губами.

– Ой. Вы не хотели знать? Простите, я, надеюсь, не испортила вам сюрприз.

– Нет, нет, всё в порядке. Просто очень неожиданно. Так что вы сделали сюрприз.

– Не планировали вечеринку? – замечая, что я непонима-

уще хлопаю глазами, рассказывает подробнее: – Собраться с друзьями, всем вместе узнать пол будущего малыша.

Становится ужасно стыдно и даже немного обидно за себя. Ничего из этих милых приятностей у меня не будет. К счастью, врач очень тактичная и тему эту больше не поднимает. Она молча протягивает мне ленту чёрно-белых снимков и прощается. Я пропадаю, пытаюсь рассмотреть все детали. Они то размываются в сплошное пятно, то чётко вырисовываются в силуэт с маленьким носиком и пухлыми губками. На одном из снимков очень чётко запечатлена маленькая пяточка.

Ну привет, моя девочка. Давай знакомиться поближе.

Долго одной побыть не получается. Костя вваливается в палату шумно и немного неловко, удерживая одной рукой поднос, второй – огромный букет ромашек.

– Мирочек, мама твоя уехала, а это ужин, – ставит поднос на прикроватный столик и протягивает мне бело-жёлтое нежнейшее облачко: – А это тебе.

– Костя, не стоило. Это не поможет нам, – мне на самом деле очень горько это говорить, но, кажется, другого выхода больше нет.

– Может, попробуем? Ради него?

– Неё, – протягиваю ему первые фото нашей малышки.

– Это девочка? – его голос срывается, в глазах плещутся неподдельное счастье, восторг и нежная очарованность. Сложно описать, как выглядит любовь, но, кажется, именно так. Костя моментально светлеет, откладывает букет на край кровати и точно так же, как я несколько минут назад, разглядывает маленькое чудо.

– А можно мне?.. – он аккуратно протягивает ладонь к моему животу, спрашивая, но не настаивая.

Я хватаю его руку, повторяя действия Ксюши, и укладываю ладонь на совсем маленький бугорочек внизу живота. Глаза Кости начинают блестеть от слёз. Я уж и не верила, что когда-то увижу Жданова плачущим.

Его прикосновения ощущаются совсем по-другому. Это неплохо, нет, но уже совсем не так, как было до. Кажется, я бы почувствовала то же самое, будь на его месте, например, Слава.

Костя отрывает свою руку от моего живота и переплетает

наши пальцы.

– Мирочек, я не знаю, как смогу всё исправить. Но я буду стараться изо всех сил, – он, всё ещё не вытирая слёз, достаёт из внутреннего кармана коробочку, в которой прячется моё кольцо. – Давай начнём сначала? Я больше не подведу тебя.

Протягивает мне на ладони, а я не могу пошевелиться ни чтобы взять, ни чтобы оттолкнуть. Костя, устав ждать от меня действий, оставляет коробочку на кровати.

– Не отвечай сейчас. Пожалуйста. Просто подумай. Завтра после обеда тебя выпишут, я заеду за тобой и всё обсудим. Поужинай обязательно, я там для тебя оливье раздобыл, – он целует меня в макушку и уходит, тихонечко прикрыв за собой дверь.

И что мне с этим всем делать?

57. Фейерверки

В палате пусто, душно, тревожно. Единственное развлечение – вид из окна. Напротив перинатального центра городской сад. Тот самый, в котором Костя сделал мне предложение. Мне даже видно краешек кольца обозрения и ресторан, в котором мы отмечали. Сейчас там гремит дискотека, а за углом кто-то курит и громко смеётся.

Можно часами наблюдать, как течёт жизнь по аллеям. Как приходит весна, одевая липы в яркую зелень, а абрикосы – в белые платья. Как неторопливо плывёт луна, заливая макушки деревьев, крыши домов и даже ромашки на подоконнике своим серебром.

Я не могу дышать в этой палате. Спотыкаясь взглядом о цветы и коробочку с кольцом. А мыслями – о будущем с Костей. Смогу ли я, каждый раз глядя ему в глаза, ложась с ним в постель, чувствуя его прикосновения, не думать о том, как красиво смотрелись его руки, лаская тело другой.

Где-то вдалеке настойчиво маячат воспоминания о Марке. Их я отгоняю тщательнее всего. Он мне нравится. Очевидно, что я ему тоже. Но вмешивать его в наши отношения

с Костей, особенно в такой момент, – самая плохая идея из всех возможных. Я боюсь привыкнуть к нему. Расслабиться, влюбиться. Мне уже сложно его отрывать от себя. Что будет, когда ему надоест играть в благородного джентльмена?

Среди этого сумасшествия нет места для меня. Для нас. Теперь нас двое, и это главное, на чём сейчас стоит остановиться. Мы с малышкой справимся вдвоём.

Странный грохот начал доноситься из коридора. Он становился всё громче, будто приближаясь ко мне, и прекратился, когда стал совсем невыносимым. В дверь постучали настолько неожиданно, что я даже вскрикнула. Но вместо страшного монстра это оказалась всего лишь санитарка, зашедшая за грязной посудой. Пожилая, сухенькая женщина с очень тёплым взглядом. Она отчитала меня за недоеденный суп. Но кто в здравом уме будет есть молочную лапшу? Ненавидела её с детства, но в детском саду у меня был вариант избежать это наказание.

– Можете ещё цветы забрать?

– Что, пахнут сильно?

– Да. Пахнут... – ну не объяснять же ей, что я их видеть не могу. – Скажите, а можно на улицу как-то выйти?

– Что ж вы все курите! – возмущается она, нужно сказать справедливо, но не по отношению ко мне.

– Нет, я не курить. В парке посидеть очень хочется. Там вечер такой замечательный.

– Ну хорошо. Пойдём проведу. Только смотри недолго.

Она даже приносит мне куртку из гардероба, выдаёт пушистый палантин, чтобы я не замёрзла, и ещё раз заботливо просит не курить.

Свежий ветер заполняет лёгкие с первого вдоха. Врачи меня насильно не держали, но всё равно чувствую себя преступницей, выходя из здания и переходя дорогу к саду. Я будто сбежала из заточения и ощутила первый глоток свободы и возможностей.

Нежная весна уже уверенно устроилась в городе. Воздух всё ещё прохладный, но уже не появляется желание укутаться в тысячу слоёв одежды. Шелестят молоденькие, почти прозрачные листики на деревьях.

Я усаживаюсь на лавочку и откидываюсь на спинку. Небо не запачкано тёмными облаками, и видно, как блестят самые

яркие звёзды. Кажется, что они перемигиваются, отправляя друг другу сигналы. Трамвай лениво плетётся в депо, парочки спешат укрыться в своих уютных гнёздышках, а мне на колени запрыгивает рыжий кот. Запускаю в его мягкую шерстку пальцы и чувствую, как это чудо начинает мурчать.

Слева от меня начинается какая-то суета. Из ресторана выходят гости и очень активный тамада выстраивает их коридорчиком. Все зажигают бенгальские огни, встречая молодожёнов. Отворачиваюсь, не желая подглядывать за чужим счастьем. Оно в любом виде мне сейчас кажется фальшью. Шум и смех гостей, крики “горько” нарушают идиллию неспешного вечера своим ураганом эмоций. Пытаюсь вернуться к наблюдению за небом, но их сладкий фейерверк застилает чистый блеск звёзд.

Я вырвалась сюда не для того, чтобы плакать, а чтобы хоть немного подышать свободно. Но и этого мне не дают.

Нехотя ссаживаю с колен своего нового друга и бегу к чёрному входу клиники. Мимолётно благодаря санитарку, несусь в свою палату, прячусь в кровати, накрываясь пледом с головой.

Не хочу, чтобы наступало завтра.

58. Марк

Весна – очень горячая пора для фермеров. Особенно на юге. Короткая и тёплая зима даёт время на передышку, но работы всегда много. Особенно, когда её усложняют.

Пока я завтракал с Миррой, выяснилось, что сегодня ночью два пьяных придурка умудрились устроить гонки по полю и опрокинуть два трактора в противопожарный ров. Иваныч не хотел рассказывать, но масштабный ремонт сразу двух рабочих машин не прикрыть. С уникамов, устроивших веселье, денег не стясти, а страховая пойдёт. И ведь даже морду не набить стритрейсерам деревенским. Спят оба как младенчики, выделяя ядовитые пары перегара. Звонок с незнакомого номера прерывает размышления о том, как их не убить и где брать дополнительный трактор в разгар сезона.

– Да! – рявкаю не церемонясь. Ох, если это мошенники, будет весело.

– Марк, привет, это Маша, подруга Малинки... В смысле, Мирры, – она тараторит так быстро и нервно, что мой мозг еле успевает расшифровывать сказанное. – Я к ней заезжала

сегодня, но спешила очень, не помню, закрывала дверь или нет. Ты можешь съездить проверить?

– А Мирра разве не дома? – забываю даже поздороваться, так сильно тревожит меня этот звонок.

– Ей стало нехорошо, она в больнице. Я за вещами забежала, – судя по звуку автомобильного гудка и приглушённому мату, Маша всё ещё за рулём.

– Конечно, я проверю, – собираюсь попрощаться, но Маша неожиданно уставшим шёпотом продолжает.

– Марк, она не попросит, слишком хорошо её знаю, но я один раз уже промолчала, и это закончилось слишком плохо. Заметила, как вы смотрите друг на друга. Я не хочу лезть. Сейчас всё станет совсем сложно, и, пока она не наделала никаких глупостей, вам нужно поговорить. Завтра после обеда выписка. Будет здорово, если ты её заберёшь. Думаю, вам есть что обсудить.

– Ты уверена, что хуже не станет?

– Нет. Но если ничего не сделать...

– Я понял. Адрес и время напиши мне, – говорю, выходя

из кабинета.

– Адрес, – она немного медлит. – Я не помню точный. Перинатальный центр на Захарова. С двух часов начинаются выписки.

Резко останавливаюсь и сжимаю телефон до хруста. Нет. Не может это со мной повториться ещё раз.

– Она в порядке?

– Да. Перенервничала просто, – Маша, кажется, сама становится чуть спокойнее, говоря эти слова. Мне и самому легче.

– Я заеду, Маш езжай спокойно. И завтра тоже. Спасибо, что позвонила, – сбрасываю звонок, не дожидаясь ответа.

Так и остаюсь в коридоре. Опираюсь на стену и съезжаю вниз, усаживаясь прямо на пол. Я уже бывал в перинатальном центре. И надеялся туда больше никогда в своей жизни не попадать.

Мы с женой были безумно рады, когда узнали, что у нас будет ребёнок. Попытка была далеко не первая, и надежда увидеть положительный результат уже угасала. Выждав

необходимые пять минут, мы переворачивали тест без особого энтузиазма. Казалось, что сейчас снова будет больно и нужно хоть немного продлить спокойствие, пока ничего не случилось. Я мельком посмотрел на тест, уже хотел было его выбрасывать, но Настя схватила меня за руку останавливая. До меня даже не сразу дошло, что не так. А потом счастье перекрыло горечь всех предыдущих неудач. Мы рыдали друг в друга, обнявшись сильнее, чем после неудачных попыток.

На первое УЗИ мы пошли вместе, где нас осчастливили дважды. Плод номер один и плод номер два чувствовали себя прекрасно. До третьего месяца вообще всё шло прекрасно. Ухудшаться состояние начало с ужасной усталости Насти. Все уверяли, что сонливость – это нормально для этого периода, нужно просто добавить несколько таблеток магния, но, как оказалось, нет. Позже начались обмороки и кровотечения. Настя лежала на сохранении почти всё время. Только иногда на выходные возвращалась домой отоспаться в нормальной кровати.

В тот раз было всё, как обычно. Кроме того, что посреди ночи Настя проснулась в луже крови. Страх, непонимание и считанные секунды на сборы. Было не до переодеваний – я так и остался в пижаме и домашних тапках. Мне хотелось выть от бессилия, когда я гнал машину по ночному городу в перинатальный центр. Я не мог абсолютно ничего, кроме как,

нарушая все правила, давить на газ и из раза в раз повторять: “Всё будет хорошо”. Настя корчилась от боли, истекая кровью, и тихонечко подвывала, закусив кулак.

Рожать на двадцать седьмой неделе было слишком опасно. Акушер предупреждал, что нужно тянуть хотя бы до тридцатой. Но даже так сохранялась надежда на выживание малышей, просто процент гораздо ниже.

Бригада встретила нас на подлёте к приёмному покою. Они не теряли время на ненужные расспросы и заполнение документов, просто пытались всех спасти. Последнее, что, преодолевая боль, успела сказать мне Настя: “Ты будешь самым лучшим папочкой. Мы скоро. Мы точно справимся”. Она улыбалась. Боже, как она улыбалась. Будто желая подарить мне весь свой свет. Напоследок.

Врачи, удерживая время на цепи, пытались сделать всё. Просто было слишком поздно. Ни одно из двух сердец не билось. Перестало и третье. Мне кажется, Настя, услышав, что малышей больше нет, сдалась сама. Она просто не захотела. Я был с ней согласен. Я тоже не хотел жить.

Никто не знает, чего мне стоило вернуться домой в пустую квартиру. Полз вверх по ступенькам, только чтобы уткнуться носом в её подушку, напрочь забыв про лифт. Открывать

двери было физически больно. Я зажимал ключи в кулаке так сильно, что на ладони остались следы. Тишина давила на барабанные перепонки, слишком сладкий аромат её парфюма въедался в кожу. В суете погони за спасением стеклянный флакон не выдержал удара о кафель и теперь лужицей растекался по прихожей. Дорожка из капелек крови вела к разворошённой, испачканной постели. Всего несколько часов назад мы спокойно спали, и горе слишком бесцеремонно вломилось в наш дом, разрушив всё до основания.

Утром должны были приехать наши родители. Им ни за что на свете не нужно было это видеть. Как и детскую.

Дверь была приоткрыта. Настя, приезжая домой, любила по сотне раз разбирать и заново складывать все эти крохотные вещички. Она их выстирала, перегладила и сложила аккуратными стопочками по комодам. Горчичный – для Майи и серо-голубой – для Матвея.

На маленьком столике у окна остался лежать блокнот со списком, чего ещё не хватает и что нужно успеть сделать.

Истекая кровью, зажёл ночники, устроился на полу и рассказывал сказки о храброй принцессе, которая победила всех воинов и даже одного дракона. Рассказывал двум совершенно пустым кроваткам. Рассказывал до самого рассвета.

А потом аккуратно и тщательно начал собирать все детские вещи, разбирать пеленальный столик, кровати, снимал со стен дурацкие светильники в виде такс и похоронил все эти вещи в дальнем углу комнаты, накрыв простынями.

С автомобилем было сложнее. Металлический запах крови настолько пропитал салон, что ни одна химчистка не помогла. Пришлось сжечь машину, что видела самый жуткий кошмар в моей жизни. Я не мог позволить, чтобы на ней кто-то ездил.

Смотрел, как горели воспоминания о той ночи, и обещал себе больше никогда. Никогда не проходить через это. Но Мирра что-то сломала в моём убеждении. Когда Маша сказала о том, что она в больнице, внутри всё похолодело. Тот же животный страх пропитал всё тело и сковал мышцы спазмом. Но мне больше не хотелось бежать.

После смерти Насти у меня было немного женщин. Но я каждый раз их сравнивал с женой. Это происходило против моей воли. Так было со всеми. Но не с Миррой.

Она ворвалась в мою жизнь брызгами шампанского и тонким ароматом пьяной вишни. Нежная, хрупкая, увлечённая, но горячая и страстная. Её хочется любить, быть рядом, несмотря ни на что.

Дверь в её дом не только осталась открыта: Маша ещё и ключи оставила торчать в замке.

Что ж. У меня есть время до утра...

59. Сильнее

Утро здесь начинается в шесть часов. Шумным вихрем по всем палатам проносится весёлая медсестра, разгоняя сонные стайки беременных уточек в душ и по процедурным кабинетам. В восемь начинается обход с миллионом одинаковых вопросов. Мне обещают, что, как только придут результаты анализов, меня выпишут. Скорее всего, долго скучать не придётся. В девять приносят завтрак. Стандартный и скучный: каша, котлетка, огурчик. Но вот на десерт... На десерт вкуснейшие оладьи со сливовым вареньем.

Я будто вернулась к бабушке на дачу. Когда в первые дни каникул в ужасе просыпаешься от кошмара о том, что лето закончилось и завтра первое сентября. На самом деле, за окном всё ещё цветут последние дни мая. Раннее, прохладное утро, на уютной кухне ждёт вкусный чай, пышные оладьи и хрустальная пиала с кисленьким вареньем. И тебя всегда ждут.

Отрывая меня от единственного прекрасного за это утро, в палату заглядывает медсестра сообщить, что всё отлично, осталось подождать, пока подготовят документы к выписке. Оказывается, это совсем не быстро.

От прогулок по периметру палаты кружится голова. Укладываюсь на кровать и пытаюсь вернуть себе украденный процедурами сон. Заглушённые бурной больничной жизнью мысли возвращаются, чтобы меня терзать с новой силой. Никак не получается удобно улечься. Подушка слишком высокая, без неё совсем неудобно, а в мыслях тонешь, как в вязком сиропе.

Марк чудесный. С ним тепло, уютно и интересно. Он умеет угадывать моё настроение и желания, хотя мы знакомы всего ничего. Всё очень красиво между нами. Но надолго ли его хватит? Чужой ребенок – это не шутки. Если однажды он передумает и уйдёт, я же снова сломаюсь, и это отразится уже не только на мне.

Но представлять Марка в роли отца очень сладко. Красочные картинки складываются у меня перед глазами без особых усилий.

Тёплое море ласково лижет пятки, лучи закатного солнца согревают кожу, цикады поют свою песню, прощаясь с жарким днём и дополняя композицию, позади слышится детский звонкий смех. Оборачиваюсь за секунду до того, как на меня будет совершено нападение. Малышка, сидящая на плечах у Марка, хихикает ещё звонче.

– Мы за мороженым хотим пойти. Ты с нами? – щурясь на солнце, спрашивает он.

– Мозика! Мозика! – повторяет девчушка, не выговаривая половину букв. Она хватается Марка за кудри, будто управляя лошадкой, заставляет везти её в нужном направлении. Маленькая хулиганка.

– С вами, конечно, – тянусь к Марку за поцелуем.

И как в паршивых комедиях, очень некстати у меня звонит телефон. Костя не вовремя решил поболтать. У меня только жизнь наладилась. Жаль, что только во сне.

– Да! – рявкаю так, что, кажется, весна со своей ядовитой зеленью потускнела.

– Мирочек, выгляни в окошко.

– Жданов, ты меня разбудил! – все, кто не подох в прошлый раз, отправились бы на тот свет после этой фразы.

– Прости, я думал, ты к выписке готовишься. Выгляни, раз встала уже. На секундочку.

Выпутываюсь из простыни, только бы отстал уже, и скорее вернуться в тот мир, где всё кончилось хеппи-эндом.

За окном меня ждёт сюрприз. Неужели со мной когда-то срабатывали эти поповские фокусы? Или он, и правда, совершенно меня не знает?

Когда мне было семнадцать, подобный жест вызвал бы щенячий восторг. Сейчас я только стыдливо прикрываю лицо рукой и рычу в трубку яростнее прежнего.

– Жданов, ты совсем сбрендил? Это что за художества?

– Это признание в любви, – говорит так капризно, что я представляю, как он надувает губы.

– Это акт вандализма! Стирай немедленно!

– Здесь вся аллея – один сплошной акт вандализма. Ты видела статуи возле фонтана? – это совершенно никак не относится к делу, но статуи, и правда, жуткие, вчера в темноте даже ускорила шаг, проходя мимо полупрозрачных силуэтов матерей с младенцами. – Да и как я, по-твоему, это сотру? – жалуется Жданов таким голосом, будто он нашкодивший мальчишка.

Молча упираюсь лбом в холодное стекло. Жмурюсь изо всех сил, чтобы не видеть, как среди счастливых благодарностей за дочку и сыночка. Среди рисунков сердечек, цветочков и почему-то дельфина. Совершенно нескромно по самому центру аллеи, перекрывая остальные надписи, расположились огромные буквы: “Мирра, я соскучился. Давай начнём сначала”.

Громкое сопение в трубке перекрывает даже звуки играющих детей у того самого фонтана. Костю начинает напрягать моё молчание, а мне сказать совершенно нечего, да и не хочется.

– Тебя когда выписывают? Я внизу буду, – больше ничего не добавляя, отключается.

Неужели он действительно ждал, что я, как сопливая малолетка, не разбирая дороги, полечу ему в объятья? Обязательно всё прощу даже без объяснений, просто потому что он такой романти-и-и-ичный.

Не глядя больше в окно, иду обратно к кровати. Под пледом жарко, нога запутывается в простыни, матрас слишком мягкий. Ворочаюсь, чтобы расслабиться, никак не получается найти удобную позу.

С Костей всё начиналось совершенно по-другому. Мы утонули, совсем не замечая всего, что нас окружало. Страсть накрывала нас с головой и не отпускала ни на минуту. Ещё была нежность, забота и... доверие. Всегда был какой-то нереальный, запредельный уровень доверия. Я ни разу не сомневалась в его словах и поступках. От этого его измена бьёт ещё сильнее.

Пытаюсь представить, как Костя будет забирать меня из роддома, но ничего не выходит. В голову лезут только детали. Какого цвета стены в комнате для выписки, я буду в платье или в джинсах? Это же будет октябрь или ноябрь, а вдруг дождь? Или первые заморозки?

Все попытки представить, как Костя впервые встретится с малышкой, заканчиваются тем, что я в очередной раз в мечтах уплываю куда угодно, но максимально далеко от того, что нужно. У меня неплохая фантазия, но сейчас она мне отказывает в попытках представить будущее. Как мы будем снова вместе? Как мне каждый раз смотреть в глаза и не вспоминать тот вечер? Мне нужно будет привыкать к его прикосновениям и присутствию в моей жизни, натягивать между нами разорванные прежде нити.

Пробую убрать подушку совсем, свернуть плед в рулончик и обнять получившуюся колбаску. Неудобно. На боку

неудобно, на спине неудобно, на животе... А мне вообще можно ещё лежать на животе? Как от удара тока, подскакиваю и усаживаюсь на кровати. Становится чудовищно стыдно, что я практически ничего не знаю о своём положении.

Хочу взять телефон с прикроватной тумбочки и наконец-то узнать, что там за приключение под названием “беременность” и правила её игры, но руки сами тянутся к лежащей рядом коробочке с кольцом. Рассматриваю россыпь бриллиантов. Холодные, совершенно безжизненные. Они играют, поблёскивая всеми цветами, которые умеют выдавать, но от этого не становятся привлекательнее. Зовут с собой, но только на глубину. Готова ли я снова утонуть?

Не знаю, насколько зависаю за разглядыванием колкого блеска, но отмираю, только когда замечаю движение в дверном проёме.

– Марк? Ты что здесь делаешь? – пытаюсь спрятать коробочку, но, как всегда, крайне неловко.

– Маша звонила. Просила тебя домой доставить. И я хотел поговорить, – отрывается от двери и подходит ближе, стараясь не коситься на гнездо, которое раньше именовалось кроватью.

– О чём?

– О нас.

Ох. Сейчас будет всем больно.

– Нет никаких нас, Марк. Есть симпатия, да, но ты должен был заметить табличку на входе в это прекрасное заведение, – говорю сильнее, расчёсывая ранку на запястье. – Ты тогда оказался чертовски прав. Я действительно беременна.

– Меня это не смущает. Мы можем просто попробовать.

Из моего горла против воли вырывается горький смех. А он будто не замечает этой горечи и смотрит всё так же тепло и с нежностью.

– Нет. Не хочу снова собирать себя по кускам. И без того в ближайшее время будет непросто. Я теперь не одна. И мне нужно думать и о малыше тоже.

– Я понимаю во что ввязываюсь. Мирра, что самому не просто далось это решение, но я готов к любым трудностям.

– Марк, зачем тебе чужой ребёнок? – обрываю его, пока не наговорил мне слов, после которых будет прощаться ещё

больнее.

Пытаюсь встать, выпутываясь из вороха простыней, а он молчит, хмурится, не находя слов для ответа. Или находит, но он знает, что он сделает только хуже.

– Ну вот видишь, – заглядываю последний раз в его прекрасные глаза и, не задерживаясь рядом, иду к двери. – Мне очень жаль. Прости, за мной должен приехать муж, я буду собираться, а тебе пора.

60. Подарок

Думала, Марк наконец-то разозлится, молча выйдет, не обращая на меня внимания. Но, вопреки всем планам, он останавливается рядышком. Его аромат аккуратно укутывает меня тёплым кашемиром, немного успокаивая взбесившееся сердце. Пальцы вытирают неожиданно выкатившуюся слезу-предательницу. Он обнимает, прижимает к своей груди, поглаживает по спине, каждым прикосновением убивая тревогу и желание оттолкнуть. Сердце Марка стучит в такт моему, сумасшедшему. Оно рвётся сквозь грудную клетку и слои одежды прямо в ладонь. Как не вовремя мы встретились. Как жаль, что уже ничего не исправить.

– Я буду рядом, Мирочек. Ты только позови, – шепчет на ухо, целует волосы на макушке.

Такая простая ласка сейчас ощущается интимнее самых откровенных действий. Эта невыносимая нежность пробивает огромную дыру в моей и без того хрупкой броне. Слезы крупными каплями катятся по щекам, но вытереть их уже некому. Марк уходит, не оборачиваясь.

Что же я наделала.

Заснуть больше не выйдет. Адреналин плещется в крови, заставляя дрожать пальцы. Хочется закрыться в ванной комнате, чтобы принять душ, но не выходит. Тут просто нет никаких замков, зато есть минимум три тревожные кнопки, чтобы можно было дотянуться отовсюду, если что-то пойдёт не так. Это всё, конечно, прекрасно и выглядит безопасно, но я просто хочу побыть одна. Чтобы расслабиться, точно зная, что ко мне никто не вломится, ни с кем не придётся выяснять отношения, никто не станет мне рассказывать, как правильно нужно жить.

Так и не решаюсь принять душ, просто умываюсь и быстро собираюсь, чтобы, наконец, уйти. Проходя мимо окна, опасливо выглядываю наружу. Надпись никуда не делась и пугает ещё больше. Пришедшая с густым громом и ослепительными молниями гроза размывает очертания букв, нарисованных мелом, но не смывает полностью. Паника совсем не игриво душит меня, и я понимаю, что снова нужно бежать. Ото всех. Одной в своей норе было так прекрасно и спокойно, зачем вообще вылезала?

Заботливая медсестра приносит все выписки, витаминки и план ближайших посещений врачей, которых, оказывается, неожиданно много. Придётся часто мотаться в город, но с этим я как-нибудь справлюсь.

Бегу по коридорам, опасно оглядываясь, чтобы не встретить Костю, и одновременно вызываю такси. Пытаюсь понять, к какому из входов вызывать машину, врезаюсь в идущего навстречу человека.

– Ой, Слав, привет, а ты что здесь делаешь?

– Действительно. Что я могу делать в перинатальном центре? У меня жена рождает. Будет логичнее спросить, что здесь делаешь ты, Мир-р-рослава?

– А не рано ей рожать? – пытаюсь плавно перевести разговор и разузнать, как там Ая.

– Сорок первая неделя пошла. Это даже много, задержалась малышка. Ты с темы не съезжай, – продолжает допрос товарищ следователь.

Как я могла забыть, с кем разговариваю. От допроса Ярослава Руденко ещё никто не увиливал.

Пока я собираюсь духом и набираю воздуха в лёгкие, чтобы хоть как-то объясниться со Славой, замечаю Костю в холле. Пора ускоряться.

– Ты очень спешишь?

– Нет. Аю сдал врачам. Теперь только ждать новостей, – он следит за моим взглядом и тоже видит Костю. – А этот что здесь забыл? Или ты его ждёшь?

Я только отрицательно машу головой, а Слава уже хватает меня за руку и тащит в обратную сторону.

– Пойдём. Я здесь все лазейки за три подхода выучил. Не бойся, не заметит. А если и заметит, не решится подойти, пока я с тобой, – его уверенность передаётся мне, и извилистыми путями, блуждая по служебным коридорам, Слава выводит нас на улицу.

С первой весенней грозой пришла свежесть. Умытые дома и остановки светились чистотой, а может, просто солнце отражалось в лужах, подсвечивая всё вокруг нереальным светом. Ещё больше распустилась зелень и раскрылся запах цветущей сирени. С молодых листиков от лёгкого дуновения ветра падают задержавшиеся капли дождя, попадая мне на лицо и губы.

– Тебя куда отвезти? – Слава усаживает меня на переднее сидение своей огромной машины и заводит мотор.

– Машина у офиса Кости. Отвезёшь? Я домой поеду. Не могу больше в городе. Хочу подышать свободно.

– Давай я тебя домой отвезу? А тачку с водителем пришлю?

– Нет, не хочу никого напрягать.

– Славка, я не спрашиваю у тебя, что ты делала в этом прекрасном заведении. Расскажешь, если захочешь. Как бы там ни было, ты не в самом лучшем настроении, чтобы провести три часа в дороге по серпантинам. Я тебя отвезу, и это не обсуждается, – он говорит это так уверенно, что в носу начинает щипать от такой заботы. – И не вздумай мне тут реветь, тачка только из химчистки.

Я сдаюсь. И правда, не хочется навредить лишними переживаниями. Только прошу Славу отдать ключи Машке. Она всё равно ко мне хотела ехать.

Мы ещё недолго болтаем о том, как он сам переживает в ожидании появления своей принцессы и что эта поездка хоть ненадолго его отвлечёт. Я не замечаю, как уютно пристраиваю ладонь на животе, а вот Слава ничего не пропускает. Но и не комментирует, к счастью. Просто глупо улыбается, косясь на мои попытки переложить руки поудобнее.

Уже дома первым делом бегу к морю. Галька слишком скользкая после дождя, и спускаться ближе я не рискую. Просто люблюсь невероятным цветом воды, тем, как в волнах поблёскивает солнце, вдыхаю горько-солёный запах моря. Наполняя лёгкие свободой и счастьем.

Кажется, я внутри себя включаю режим экономии энергии, закрываясь от всего внешнего и ныряя глубоко в себя. Пытаюсь найти то, чего я по-настоящему хочу.

Немного чувствую себя героиней “Сбежавшей невесты”. В одной из сцен девушка внезапно осознаёт, что подстраивалась под каждого из своих женихов даже в приготовлении яиц. Она никак не может понять, что же она по-настоящему любит: омлет, яичницу, пашот, глазунью? Вот и я никак не могу понять, куда бежать дальше.

Кольцо бомбой замедленного действия тикает в коробочке, подгоняя и прожигая карман. Телефон я отключила, так что хозяин кольца совсем скоро объявится.

Ступеньки вверх даются мне сложнее обычного. Приходится часто останавливаться, чтобы перевести дыхание. Прибегая в дом, сразу собираюсь в душ, но, забежав в спальню за свежей одеждой, замираю на пороге.

Вот тебе и разница в подарках, Мирослава.

61. О любви

Моя комната не представляла из себя ничего выдающегося. Скучный и неудобный прямоугольник со шкафом у двери, кроватью посередине и нагромождением коробок в углу, у окна.

Раньше.

Сейчас всё переменялось. Коробки исчезли, и света стало гораздо больше. У окна появилось кресло-качалка с удобной подножкой. Рядышком устроился льняного цвета комод с непонятной конструкцией сверху. Недалеко от моей кровати появилась ещё одна. Маленькая. Она была укрыта полупрозрачным балдахином, из центра которого свисали золотые звёзды. Сквозь прозрачную ткань виднелась резная спинка и забавный лис, усаженный между подушек.

Всё было в нежнейших пыльно-бежевых, розовых, синих тонах. На стенах появились сразу несколько ночников в виде пушистых облачков.

Я не успела даже подумать в сторону убежища для малышки, а уже всё готово. И это лучше, чем я могла бы меч-

тать. Идеальные оттенки, натуральные материалы и практичность в каждой детали. Даже на перилах кровати есть небольшой органайзер, чтобы всё было под рукой.

Это мог сделать только один человек, и мне становится ещё больнее оттого, что я его прогнала. Сквозь пелену слёз почему-то снова представляется нереальное будущее. Как среди ночи Марк встаёт от малейшего писка укачивать раскапризничавшуюся малышку. Мне – тихое “Спи” на ухо и сладкий поцелуй в губы. Малышке – “Почему моя маленькая принцесса проснулась?” и вся остальная нежность мира. Он её любит так сильно, что я даже начинаю немного ревновать. Покачивает на руках, напевая песенки, прижимает к груди, делясь теплом. Когда Марк замечает, что я за ним наблюдаю, счастливо улыбается даже в два часа ночи.

Пускай и только в моих мечтах.

Открываю глаза и вижу пустую комнату. Сама себе делаю больно, чтобы напомнить о нереальности этой картины. Сразу после концентрированной любви по венам текут осколки стекла, разрывая в клочья всё на своём пути.

Где-то позади слышится возня и тихий мат. Жданов, как всегда, слишком быстро справился.

– Вот ты где. Мирра, что это за побег такой был? Я чуть с ума не сошёл, пока тебя искал! Как тебе ребёнка можно доверить будет, если ты такие фокусы выкидываешь? А это... что?

Он говорит, говорит, а у меня перед глазами всё ещё та-ет картина несбыточного счастья. Костя подбирается ближе, оглядывает комнату из-за моего плеча. Он пытается приблизиться, но я отскакиваю от его ледяных рук в сторону.

– Ничего себе ты не готовилась, – хмурясь, кивает на обновки в комнате.

– Это подарок. Жданов, чего ты хочешь? – пытаюсь незаметно вытереть слёзы и накидываю обратно толстовку, то ли замёрзнув, то ли пытаюсь закрыться и защититься.

– А кто такие подарки делает? Тот, кто раньше родного отца узнаёт о существовании ребёнка? – на его лице очень быстро злость сменяется обидой и... сожалением.

Мы даже не пытаемся говорить. Только смотрим друг друга в глаза. И вроде бы всё как раньше. Он всё ещё серьёзный, взрослый и красивый. Я рядом с ним, несмотря ни на что, вечная студентка. Нам не хватает только машины времени. Мы проросли друг в друга. Знаем наизусть, что каждый мо-

жет сказать, сделать. Знаем привычки по утрам, любимый кофе, что, заходя в лифт, каждый раз обязательный ритуал целоваться, пока не заканчивается дыхание.

Но теперь этого слишком мало. Пропась стала непреодолимой, и он сам это понимает.

– Вижу, ты уже всё решила?

– Я не смогу, Костя.

– А она?

– Мы справимся. Я уверена, что ты станешь прекрасным папой. Мы станем хорошими родителями. Но как мужа и жены нас больше не будет, – достаю коробочку с кольцом и протягиваю обратно Косте.

– Ты хочешь развод?

– Да, – выдыхаю, и, несмотря на обстоятельства, сердце пропускает удар.

Слишком долго мы были вместе, это не может пройти бесследно. Ему тоже невыносимо больно. Я давно научилась за железной бронёй притворства видеть настоящие эмоции

Константина Жданова.

– Ты не передумаешь?

– Кость, я не смогу каждый раз, глядя в глаза, не вспоминать её. Я бы рада была соврать тебе, а лучше себе, но не выйдет.

– Прости меня, мой Мир. Знаю, что слова ничего уже не исправят, но мне чертовски жаль, что всё так вышло. Я потерял всё самое ценное в жизни благодаря своей глупости и похоти.

– У тебя будет шанс завоевать сердце другой дамочки. Вот он самый главный, Жданов, – показываю ему на свой живот, чтобы уж точно понял, о чём я. – А я уже вышла из игры. Нам с тобой всё ещё неплохо бы вернуть нормальные отношения. Мы теперь связаны крепче прежнего.

– Мирочек, я сделаю всё. Хочешь развод? Будет. Бумажки – полная ерунда. Мне нужна только возможность быть рядом. Я попытаюсь всё исправить.

И он не соврал. Через несколько дней притащил готовое свидетельство о разводе. Он дал мне свободно дышать, но при этом был рядом. Поселившаяся со мной Машка каждый

раз фырчала, когда он приезжал, но от эклеров, которые он привозил, не отказывалась.

Всё потихоньку налаживалось. Мы проводили молчаливые вечера у моря. Я плела свои заказы, отрываясь только на просмотр заката, Костя сидел рядом и тоже работал, что-то яростно печатая на ноутбуке. Иногда ему приходилось отбегать чуть в сторону, чтобы поймать сеть и, не мешая мне, ругаться с сотрудниками по телефону.

Мы незаметно стали друзьями, и вернулась лёгкость. Только однажды утром вышла неловкая ситуация. Июньские ливни размыли дороги, и Косте пришлось остаться с ночёвкой. Он улёгся спать на диване в кухне, а мне так отчаянно захотелось есть в половине пятого, что я не выдержала и решила тихонечко приготовить завтрак. Тихонечко, конечно, не вышло, и зомби по имени Костя, ещё не до конца проснувшись, обнял меня сзади, прижимаясь изо всех сил своим утренним настроением.

Омлетная масса вместо сковороды оказалась вылита на голову Косте, но он был не в обиде. И, кажется, только тогда понял, что я не передумаю и отношения между нами не вернуть.

Он обратил всё своё внимание к малышке. Приезжал на

выходных, чтобы просто почитать уже заметно подростшему животу сказки. И, я клянусь, маленькая хулиганка ему отвечала! В первый раз почувствовать её шевеление было особенно неожиданно. Я так сильно дёрнулась, что заехала Жданову коленкой прямоком в только заживший после аварии нос.

Лето было на редкость дождливым, но не душным. Я наслаждалась своим положением и напитывалась ласковым солнцем, чтобы передать его в своих работах. Заказы я старалась делать наперёд, чтобы сразу после родов можно было спокойно сделать несколько выходных, не боясь, что начнут гореть сроки.

Машка работала удалённо и была всё время рядом. Если Костя был занят, именно она занималась развлекательной программой и возила меня на приёмы к врачам. Совсем не оставалось времени поскучать и только, засыпая каждый вечер, я легонечко, кончиками пальцев поглаживала вырезанные узоры на изголовье детской кровати.

Иногда мне снился тот самый сон, где мы втроём идём на поиски мороженого. Каждое утро я просыпалась в слезах, но все эти месяцы на пороге меня ждала корзинка с завтраком.

Эпилог

Жаркое лето пролетело одним мгновением. Иссякли толпы прожаренных на южном солнце туристов, стихла вечно орущая музыка в прибрежных ресторанах, закрылись палатки с бесполезными сувенирами.

Закончилась суета. Время остановилось до следующего сезона.

Сотня ступенек, ведущих к морю с моего участка, стала практически непреодолимым препятствием, и Машка начала возить меня к пляжу на машине.

В один из дней она была жутко занята работой, а мне нестерпимо захотелось к морю. Почему-то показалось, что нужно срочно ловить последнее тепло, прятать по карманам про запас эти по-летнему жаркие, но уже глубоко осенние дни.

Дёргать Машку очень не хотелось. Она и так разочек уже потеряла работу из-за меня. Поэтому я решила тихонечко прокрасться к машине, аккуратненько и быстренько съездить посмотреть закат. Я уже с трудом помещалась за руль,

но попробовать стоило. Да и ехать тут всего ничего.

Одна подозрительная сова не дала даже совершить попытку побега. Как только я схватилась за ручку водительской двери, за спиной сразу же раздалось шипящее:

– С-с-стоять! Куда собралась?

– Да я это... В магазин? – скорее спрашиваю, чем отвечаю.

– А машина зачем? Тут идти три минуты, – не оставляет никаких шансов Машка.

– Ну-у-у... Я... – не нахожу слов убедительнее и приходится сдаваться. – На море хотела. Аккуратненько.

Машка с видом строгой училки оглядывает меня с ног до головы и голосом, соответствующим образу, высказывает всё, что планировала.

– Малинка! Могла бы просто попросить! – она, набирает чей-то номер, ныряет в дом и возвращается через несколько минут, переобувшись и накинув кардиган. – Пойдём.

Я дёрнулась в сторону машины, но Машка потянула меня за руку к воротам. Она открыла дверь и...

– Принимай. Нужно проветрить, выгулять, вернуть к ужину, а лучше накормить, я, кроме макарон, сегодня не способна ни на какие подвиги.

...И передаёт меня из рук в руки, а сама ныряет обратно во двор и убегает в дом, пока я её не убила. Рука у меня тяжёлая, но в догонялках сейчас не сильна. К сожалению.

Я не видела Марка так близко с той встречи в перинальном, много месяцев назад. Сейчас его глаза спрятаны за тёмными стёклами солнцезащитных очков. Кудри стали чуть длиннее. Они теперь с ещё большей наглостью падают на лицо. Волосы немного выцвели под солнцем – и в них прибавилось игривого золота. Он смущённо улыбается, видимо, фокус, который выкинула Машка, оказался сюрпризом и для него.

– Здравствуй, Мирра.

Моё неловкое “привет” в ответ – и всю дорогу мы молчим. Стараюсь не сильно пялиться на Марка, но взгляд сам по себе притягивается к его пальцам на руле, к тому, как вены увивают предплечье, к его профилю. Я очень соскучилась за все эти дни. Мне катастрофически не хватало одних утренних подглядываний за тем, как он приносит корзинку с вкус-

ностями. Несколько раз я была на грани выйти и снова утащить его с собой завтракать, но каждый раз останавливала этот глупый порыв. Вот и сейчас отворачиваюсь к окну, чтобы лишний раз не соблазняться.

Остывшее после жары море встречает игривыми волнами и стайкой медуз, которых прибило к берегу после небольшого шторма. Их желейные прозрачные тушки подьедают крошечные чёрные крабики. Вдали резвятся дельфины, ошалевшие от свободы и отсутствия туристов.

Уже прохладный воздух пропитан запахом солнца, которое всё ещё согревает кожу. Под закрытыми веками разноцветными кругами пляшут блики, создавая ощущение невесомости. Плеск волн и шорох перекатывающейся гальки успокаивают и расслабляют.

Но какая-то тревога пробивается сквозь самые приятные ощущения. Открываю глаза – вокруг всё в порядке. Пустынный пляж, пиршество крабиков, прогулка вдоль берега парочки чаек и мы с Марком стоим в метре друг от друга.

Пытаюсь снова расслабиться, но ничего не выходит. Тревога жёстким обручем стягивает живот. Неужели началось? Ещё же целых две недели. Я же должна была спокойно поехать в город рожать у своего врача. Я же могу не успеть?

Почему, почему именно сейчас?

Миллион вопросов крутится в голове. Я не могу собрать их в кучу, чтобы найти хотя бы один ответ. Дыхание срывается от накрывающей паники и подступающей боли.

– Мирра? Ты в порядке? – Марку хватает одного моего взгляда, чтобы понять, что пошло не так.

Он подхватывает меня на руки и быстро несёт к автомобилю. По пути звонит Машке, чтобы собрала вещи и документы. Каким-то чудом мы успеваем долететь до города. Конечно, всё пошло не по плану. Конечно, анестезию делать было поздно.

Через два часа невыносимых болей и уговоров акушеров на свет появилась крохотная розовощёкая девочка.

В первые мгновения весь мир замер. В родильной палате воцарилась тишина. Эти бесконечные секунды до того, как малышка не закричала, кажется, никто даже не дышал. Как только она издала первый писк, всё вокруг снова пришло в движение: забегали врачи, зашумел кондиционер, и даже лампы продолжили свой назойливый гул.

– Как зовут принцессу? – поинтересовался кто-то из пер-

сонала, я не различала ни лиц, ни голосов.

– Аня, – прошептала я, глядя в самые голубые в мире глазки.

Мне достался самый спокойный в мире ребёнок. Анята ела и спала чётко по расписанию. Сон её не мог потревожить даже трактор, которым соседи решили себе выровнять участок. Я не успевала умиляться её красоте и удивляться тому, как быстро она растёт.

Марк неизменно заходил каждый месяц поздравить малышку с маленьким днём рождения. Сегодня Ане год, и мне очень-очень не нравится извиняющееся выражение лица Марка, когда я открываю дверь. А ещё больше не нравится огромная коробка за его спиной, которая почему-то отчаянно пытается сама себя опрокинуть.

– Это что? – выпаливаю я вместо приветствия.

– Мирочек, ты не поверишь!

– Не поверю. Нет, нет, нет, Марк. Пожалуйста, только не говори, что ты притащил...

– Габага! – счастливым восклицанием заканчивает за ме-

ня предложение Анюта.

Марк достаёт из коробки огромного белого зверюгу. Собака похожа на щенка, но по размеру уже чуть больше самой Ани.

– Марк, что это? – опасливо спрашиваю, пытаюсь спрятать Аню за спину от этого волкодава, но мелочь не даётся. Она счастливо хохочет, когда собачен лижет ей нос.

– Это подарок. Щенок. Ему всего четыре месяца. Смотри, как им весело, – показывает на чудесную картину: Аня берёт со своей тарелки кружочки банана и по одному скармливает белому медведю.

– А почему он похож на взрослую собаку?

– Ну... Это алабай, – смотрит на меня со смешинками в глазах, а меня бьёт током его ответ.

– Марк! Ты в своём уме?! Он же нас сожрёт!

– Нет, я буду его воспитывать.

– И где он будет жить? Он такой огромный, что ещё немного и нас выселит!

– Не до такой степени он вырастет, – смеётся Марк и обнимая целует в щёку. – А как назовём красавчика?

– Ну он же подарок? Вот пускай Дар и остаётся, – машу рукой в сторону резвящейся мелочи.

Маленькая хулиганка, которая до этого момента не выговаривала “р”, с лёгкостью повторяет сказанное мною “Дар”.

– Анюта подарок получила. А ты будешь свой открывать? – шепчет на ухо Марк, не выпуская меня из кольца рук.

– Только не говори, что там на дне коробки хомячок завлялся? – заглядываю внутрь, проверяя точно ли там никого нет.

– Хомяка нет. Только вот, – достаёт из кармана уже знакомую мне коробочку с кольцом.

И не устал же с собой носить. Марк впервые сделал мне предложение, когда Анюте исполнился месяц, и теперь повторяет при каждом удобном случае, а я отказываюсь. Такие вот у нас танцы.

– Марк, ты опять? Мы же столько раз обсуждали, – ка-

призно пытаюсь выкрутиться из объятий, но ничего не выходит.

– Ещё год будешь бегать? Не пойму, почему ты ещё боишься.

– Просто боюсь. Неужели так, как есть, плохо?

– Сдавайся, Мирочек, ты же любишь меня.

– Люблю.

– А я тебя. И хочу быть рядом. Устал уже на два дома жить и прятаться постоянно, – зарывается носом в волосы и щекочет шею дыханием. – Костя уже тут? Мы можем ехать?

Костя... Костя за этот год очень изменился. Он поначалу ещё пытался вернуть отношения, но, заметив, что ничего не выходит, отпустил “нас” в прошлое. Машка рассказывала, что Линда умудрилась устроить его конторе какие-то проблемы, но это пошло даже на пользу. Костя открыл контору поближе и теперь может больше времени проводить с Анютой. Он оказался неожиданно хорошим, ответственным и очень тревожным отцом. Безумно любит дочь, и у них это взаимно.

Мы с Марком уезжаем на долгожданное свидание, которое у нас когда-то не удалось. Домиков теперь здесь не три, а почти два десятка. Снова нет туристов, Марк начинает жарить шашлык, а у меня удобный шезлонг, корзиночка свежей клубники и лучший вид на закат. Сама не замечаю, как засыпаю, но вот проснуться меня заставляют не самые приятные ощущения. Что-то пошло не так, но что именно, сразу понять не получается. Оглядываюсь вокруг: ничего не изменилось, кроме того, что солнце уже утонуло в горизонте и по небу плывут, переливаясь оттенками, лавандовые сумерки.

Марк продолжает спокойно колдовать над грилем, я принохиваюсь к доносящимся ароматам. Вот оно! Вот что меня царапало! Срываюсь с кресла и бегу в дом, старательно огибая гриль-зону. Закрываюсь в туалете и... Не-е-ет. Ну не может быть этого! Как же я так влипла во второй раз!

Когда я заплаканная выхожу из своего убежища, Марк меня уже ждёт, прислонившись к стене с очень довольным выражением лица.

– Ты!

– Я.

– Ты знал!

– Догадывался.

– Давай сюда своё кольцо!

– Думал, уже не попросишь.

Всё же наши свидания – это полный провал.